

АНДРЕЙ ДУТИНЕЦ БОЕВОЕ ЗАДАНИЕ

АНДРЕЙ ДУТИНЕЦ
БОЕВОЕ ЗАДАНИЕ

АНДРЕЙ ДУТИНЕЦ

БОЕВОЕ ЗАДАНИЕ

*повесть
рассказы*

• МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ • 1979

P2

Д 79

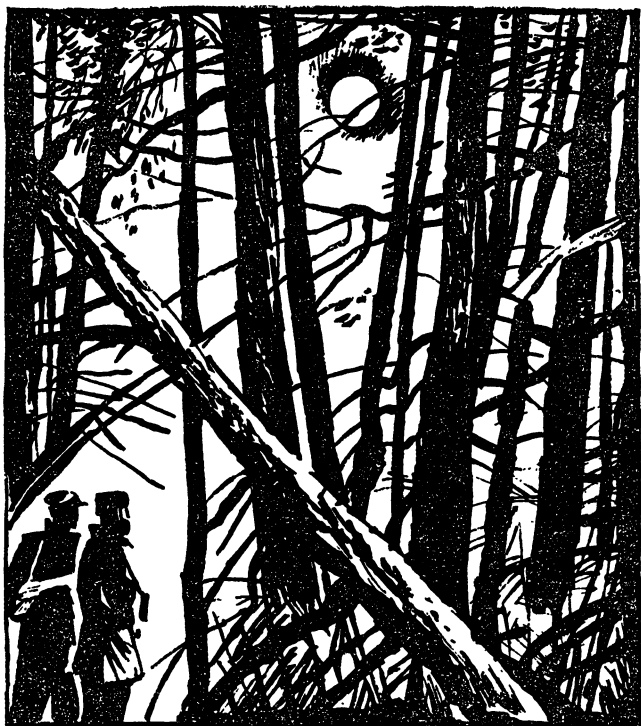
Дугинец А. М.
Д 79. Боевое задание: Повести и рассказы.— М.:
Моск. рабочий, 1979.— 256 с., ил.

Андрей Дугинец — автор многих книг для детей («Костры в горах», «Тень Кантима», «Ксанкина бригантинка» и др.). Он партизан Великой Отечественной войны, и его новал книга состоит из произведений, рассказывающих о жизни подростков, которые активно помогали партизанам в их нелегкой борьбе с фашистами. Название сборнику дано по одноименному рассказу, в котором описывается подвиг партизана-разведчика и его тринадцатилетнего помощника Феди. Наряду с описанием боевых подвигов в книге показан и труд во имя победы.

P2

Д 70803-029 175-79 4803010102
M172(03)-79

© Издательство «Московский рабочий», 1979 г.

КЛЯТВА РАЗВЕДЧИКА

повесть

*Посвящается юнге Коле
Пулховскому, похоронен-
ному в братской могиле
героев, павших при осво-
бождении от фашистов го-
рода Пинска*

ВСТРЕЧА НА БОЛОТЕ

Коля остановился в густом ольшанике. Опустил на траву корзину с рыбой и стал прислушиваться.

С глухим стрекотом пролетел жук. Деловито прожужжал шмель. Басовито квакнула лягушка. Но все это не нарушало тишины полуденного леса, а лишь подчеркивало его безысходную тоскливость и Колино одиночество. Сестра опять не пришла...

Оставив свой улов на траве, Коля вышел на поляну и настороженно осмотрелся. Перед ним, словно взъерошенный медведь, чернело вывороченное из земли корневище огромной березы. Тяжелые густые ветви поваленного бурей старого дерева распластались до самой середины поляны.

Месяц назад под кроной этого погибшего великана, словно под огромным зонтом, устроили свое жилище брат и сестра, бежавшие из села от фашистов. Можно несколько раз обойти вокруг поверженной березы и не заметить, что под ее ветвями живут люди, если только они сами себя не выдадут голосами. Зная это, беженцы полмесяца прожили здесь почти молча.

Но сейчас Коле так хотелось, чтобы из-под гущи ветвей с пожелтевшими листьями раздался родной певучий голос сестры! Чтобы она всплеснула руками, звонко, без видимой причины рассмеялась, как бывало до войны...

Вера ушла в чужую деревню менять свое последнее, праздничное платье на хлеб. И вот уже десять дней ее нет. Все это время Коля кормился только рыбой. Каждое утро, уходя на рыбалку, он надеялся, что новый улов они съедят вместе с сестрой. В самоловку сегодня попала огромная щука. А Вера так любит щучью голову...

Не спеша, осторожно подходил Коля к своему тайному жилищу. С первых дней, как поселились в этой глухомани, вдали от сел и хуторов, он научился и уходить из шалаша и возвращаться по-партизански — не оставляя следов. А теперь стал еще осторожней.

Лишь убедившись, что он и сегодня совершенно один среди глухого болотного леса, Коля полез на четвереньках под крону поваленного дерева. Вернулся оттуда с закопченным ведром. Решил, не дожидаясь темноты, сварить уху и пораньше лечь спать.

Отвалив огромный пенек, которым они с Верой прикрывали на день пепелище, Коля стал собирать сушняк. Чтобы меньше было дыма от костра, он набрал самых тонких березовых сучков. И только присел, чтобы поджечь бересту, как услышал приближающееся чавканье. Кто-то шел по болоту. Коля застыл на месте, затаил дыхание. Понял, что чавкало справа, за березняком, где начинались бесконечные Пинские болота. Вера с той стороны появиться не может.

Что же это? Лось? Дикий кабан?

Запуршали кусты. Что-то бухнуло.

Дыхание будто бы совсем остановилось. Широко раскрыв рот, Коля слушал, не шевелился и даже не моргал.

— Черт возьми: кажется, выбрались! — раздался в березняке мужской голос.

— Из одного выползли, в другое влезем, — пробасил другой. — Тут до самой Припяти непролазные топи.

«Полиция!» — ударило в голову, и Коля, сложив хво-

рост в ведро, хотел было уже залезть под ольховый куст, притаиться по-заячьи, как вдруг все прояснилось.

— Говорил, надо ночью по речке пробираться.

— Но ведь сам видел, что фрицы прожектором так и шарят по воде.

— Это возле города. А мы бы...

— Слышал: волоком перетащили бы лодку мимо города. Думаешь, это было бы легче...

Коля перевел дыхание.

«Наши!» — обрадовался он и, бесшумно перебравшись поближе к березняку, присел за ветвистой елочкой. Но и отсюда никого не увидел, хотя чувствовал, что неизвестные расположились совсем неподалеку.

«Наверно, на том голом островке, где Вера сперва хотела шалаш поставить, — подумал Коля. — Больше здесь сухого бугорка и нет поблизости».

В душе Коли все трепетало при мысли, что рядом партизаны. И все же он не решался открыться так сразу. Мало ли что...

Незнакомцы долго молчали. Чем-то шуршали, шелестели травой. Один из них вдруг болезненно крикнул и сказал:

— Как только доберемся до места, сразу выстираю портянки, а ноги просушу на солнышке.

— Да, пятые сутки в болотном месиве... — протянул другой. — Тут и без ног и без рук останешься.

— Знала бы мама, как я портянки стирать научился! — сокрушенно сказал первый.

— А кто она у тебя?

— Кандидат наук, старший преподаватель Казанского университета.

«Эх ты! Это ж там Ленин учился!» — воскликнул про себя Коля, готовый выскочить из своего укрытия.

— Ты что же, и сам учился в том университете?

— Да нет. Я мечтал стать корабелом, — скромно от-

ветил первый.— Но сначала мне пришлось плавать на бронекатере.

«Что такое корабел?» — вспыхнул вопрос у Коли.

— Что ж, судостроителю не мешает уметь и самому водить корабли.

«Значит, корабел — это судостроитель», — понял из этих слов Коля.

— Вот мне в этом деле и повезло: призвали в Красную Армию и определили в Пинскую военную флотилию. Сразу же попал в помощники механика, потому что с пятого класса начал копаться в моторах и кое-что в них соображал.

— А я ничему не успел научиться.

— Ну что ж, нас там ждут...

Неудавшийся корабел встал. Коля увидел его во весь рост и рот раскрыл: это был настоящий моряк. В бескозырке. Только вместо больших черных лент на ней алел клочок уже немного выцветшего кумача. Из-под потертой кожанки, перепоясанной портупеей, виднелась тельняшка. На широком флотском ремне со сверкающей бляхой — две гранаты. На груди ППШ. Из-за веток не видно было, во что обут. Но и так было ясно, что это партизан.

— Ну, пошли! — устало поднялся второй, высокий и худой, совсем еще юный белобрысый паренек в сером, видимо дорогом, но потрепанном и засаленном костюме. Кинув на голову кургузую кепчонку одного цвета с костюмом и крохотной алой ленточкой над козырьком, он поправил на груди автомат и спросил: — Возвращаемся?

— Да ясно же, что до самой Припяти тут непролазные топи.

— Неправда, есть тропка! — неожиданно вскрикнул Коля и тут же испугался, что сам себя выдал.

Тишина. Потом неожиданно веселый голос моряка:

— Это кто там знает дорогу к Припяти?

— Тише ты! — остановил его высокий и щелкнул автоматом.— Не видишь, с кем, а вступаешь в разговор.

— С пацаном. По голосу слышу,— ответил моряк, направляясь в Колину сторону.— Что там за Сусанин? Покажся!

Прятаться от такого добродушного голоса Коля больше не мог. Он встал и пошел к незнакомцам, на ходу рассказывая о том, что к Припяти можно пройти по сухому и только в одном месте через ручей перебрести или положить кладку, если есть чем срубить осину.

Приблизившись к вооруженным парням, Коля спросил:

— Вы партизаны?

— Конечно,— ответили те в один голос.

И тут Коля рванулся к моряку, прижался к его вытертой кожанке и расплакался.

— Вот те на! — похлопывая подростка по плечу, печально сказал партизан.— С чего это ты?

— Сестренку потерял,— устыдившись минутной слабости, ответил Коля и, вытерев кулаками слезы, стал рассказывать о своей беде: — Отец в начале войны ушел с Красной Армией. Мы остались с Верой. Ей было восемнадцать, а мне десять. Мама перед самой войной умерла от чахотки. Тогда у нас тут ясновельможные пановали. При них много умирало от чахотки.

— Вон оно что...— грустно сказал моряк.— И как же вы жили одни? Чем кормились всю войну?

— А мы, как и соседи, весь урожай в землю прятали. Немцы зайдут в хлев — пусто. Заглянут в кладовку — хоть шаром покати. А в погребе только бочки с капустой да огурцами. И с тем уходят. Так мы и прокрутились бы до прихода наших, если б не Митька Хряк...— Коля умолк, словно рассказал все, что могло интересовать партизан.

Однако моряк спросил, кто он, этот Митька Хряк.

— Полицай,— ответил Коля.— Он сперва был простым вором. В тюрьме сидел. А при фашистах вернулся в село и стал к сестре приставать. Она очень красивая. Самая красивая во всей округе. А у него нос на боку и всегда сизый, как черникой вымазанный, глаза выпученные, как у жабы, и жадные. А главное — вор и пьяница. Вера, конечно, на него ноль внимания. Он понял, что ее не уговоришь, и к фашистам на службу подался. Натянул полицейскую форму, винтовку через плечо и прямо к нам в дом. «Ну а теперь пойдешь за меня? Видишь, какой я стал!» — остановился посреди комнаты, сапогами поскрипывает, пальцами пощелкивает.

«Каким был, таким и остался!» — ответила Вера и даже отвернулась.

«Ну, погоди! — как змей, прошипел Митька.— Ты у меня попляшешь! В ногах будешь валяться!»

И началось. Сперва забрали у нас корову. Потом поросюка. А этой весной прислали повестку Верё ехать в Германию на работу, а мне зачем-то тоже явиться в комендатуру. Мы с Верой собрали свое барахло и ушли из села. Целых два месяца прятались по хуторам. Да Митька нас и там выследил. Вот мы и убежали сюда, в глушину. Вера два раза ходила в село менять одежду на хлеб да крупу. За два, три дня справлялась. А на этот раз пошла, и вот уже десятый день нету.

— Да-а,— печально протянул тот, что во флотском.— Как тебя зовут? Коля? Ну а меня так и кличут в отряде: Сергей Моряк. А это — Саша Реутов. Мы должны продолжать свое дело, но как же ты тут останешься один...

— Подожду еще дня три и пойду искать! — решительно заявил Коля.

— А еда у тебя есть?

— Рыба,— нахмурился Коля, потому что эта еда ему

уже в глотку не лезла. — Сплел из лозы заставку и перерогаживаю протоку. Тут рыба хорошо идет. — И вдруг оживился: — Хотите, я вам дам щуку? Сегодня поймал. Огромная!

— Ты оставь про щуку, — хитро прищурившись, сказал Реутов и снял с плеча вещмешок. — Скажи лучше, сколько ты дней без хлеба?

Коля потупился. Сказать правду, начнут отдавать все, что у них есть. А им самим-то где взять? Вон сколько брели по безлюдному болоту. Да и впереди, вдоль Припяти, ни сел, ни хуторов.

Пока он раздумывал, партизан достал из вещмешка краец черного, в сухарь превратившегося хлеба и подал ему.

— А себе? — робко спросил Коля, двумя руками ухватив краюху.

— В отряде кое-что еще есть. Размочи и ешь, мы еще дадим, если пойдем мимо.

— Да, по-моему, его надо взять с собой, — сказал Моряк. — Что он тут один, ведь пропадет.

— Нет! — решительно возразил Коля, засунув краюху за пазуху. — Пойду искать Веру.

— Вон ты какой! — качнул головой Моряк. — Верность и у нас, у партизан, в большом почете. — И, немного помолчав, спросил: — А ты правда знаешь тропу к Припяти?

— И к Припяти и к сараю знаю, — подтвердил Коля.

— Это еще что за сарай? — насторожился Моряк.

— На болоте сарай стоит. При польских панах была там и хата, жили пастухи. А когда пришли Советы, учитель сказал, что там люди дичают, и ту хату перевезли в село. Мы с Верой хотели зимовать в сарае. Уже собирались обмазывать да печку ладить.

— Саша, тогда ты иди к нашим. Скажи, что нашли проводника. А мы тут пока уху приготовим.

— Слушаюсь, товарищ командир! — козырнул Саша и ушел.

— Так вы командир партизанского отряда? — удивленно спросил Коля.

— Показывай свою щуку, — сказал вместо ответа Моряк. — Она как, сантиметров на двадцать?

— Да вы что? Стал бы я называть ее щукой, если бы такая коротель попалась! — с обидой сказал Коля и повел партизана туда, где оставил свой улов.

Ногой опрокинул корзину, и оттуда выскользнула в траву толстая, как полено, длинная рыбина.

Пока Моряк любовался щукой да мелкой рыбешкой, которой было половина корзины, Коля исчез.

— Коля! — окликнул его партизан. — Коля! Николай!

Оглядевшись, Моряк не заметил ничего похожего на жилище, где мог бы укрыться подросток, и уже подумал было, что тот сбежал, как вдруг из-под поваленной на поляне березы выскочил его юный друг с луковицей и щепоткой соли.

— Откуда ты? — изумился Моряк.

— Там у меня курень, — Коля рукой показал под крону обрушенной березы.

— Это сестра додумалась так замаскироваться?

— Да нет, — снисходительно улыбнулся подросток. — Вера хотела растянуть брезентину между двумя ольшинами. А я, как увидел целый стожок из листьев березы, сразу понял, что лучшей маскировки не придумаешь!

— Ну и ну! — покачал головой Моряк. — Главное, что за два месяца ты и тропки не протоптал. Все как падо, по-партизански ходишь — следа не оставляешь.

— Я еще и по-пластунски умею. Только стрелять не научился, — и Коля с надеждой посмотрел на автомат партизана.

НЕУТОМИМЫЙ ПРОВОДНИК

Солнце упало в лес и догорало огромным ярим костром. И казалось, на земле два костра. Один — этот большой, жгуче-красный в темно-синем лесу. А другой — на маленькой полянке среди кустов ольхи — голубоватый, с оранжевыми язычками пламени, бойко бегающими по черному ведру. От этого костерка вкусно пахнет ухой. У огонька сидят двое и думают каждый о своем. Моряк мысленно поторапливает где-то там бредущих товарищей, чтобы засветло выбрались из болота. А подросток ловит каждый порох в кустарнике — не идет ли сестра. Ведь если Вера вернется, когда у костра соберется целый отряд, она и близко не подойдет, испугается. Ночью она не поймет, что это свои...

— Ты о чем задумался? — тихо спросил Моряк.

Коля внимательно посмотрел на гладко выбритое лицо командира и сказал не то, что думал:

— В селе была немецкая листовка. На ней партизаны нарисованы голые, как дикари, борода до коленей, грудь волосатая, ноги лохматые. Сидят у костра, мосо-лыги обглаживают. Да только повесили на стенке школы эту картинку, а партизаны тут как тут. Кавалерийский отряд. Все чистенькие, как на параде. И ни одной бороды. Полиция в лес удрала. А девочки целый день плясали да песни пели с партизанами. Вы вот тоже, хоть и по болоту пять дней пробирались, а не обросли. Бритые, подтянутые, только обувь грязная. Так по трясине без этого не пройдешь.

— Знаем ту листовку и мы, — ответил Моряк, — и на зло врагу ведем себя так, чтобы люди видели, как забрежались фашисты. — Вдруг он поднял руку, прося тишины.

Коля прислушался и понял, что идет большая группа людей. Он пальцами причесал свои лохматые волосы,

встал и заправил рубашку в штаны, подтянул ремень. Не хотелось выглядеть растрепой перед партизанами.

— Садись, они еще далеко,— сказал Моряк.

Коля снова сел. Он и сам знал, что на болоте слышно далеко, что отряду еще с полчаса ходьбы. Но уж очень ему не терпелось угостить партизан ухой.

— Может, подложить в костер, чтоб им было светлей? — суетился он.

— Посиди. Больших костров мы ночью в этой местности не должны устраивать... — заметил Моряк. — Ни с земли, ни с речки, ни с воздуха враг не должен нас видеть.

— Так и для Веры лучше. Ближе подойдет, — решил Коля.

Костер угасал, под черным ведром тлели угольки, среди которых изредка взлетали синеватые струйки.

Наконец на поляне показался отряд человек в десять. Послышался голос Саши Реутова:

— Моряк, ты тут?

— Конечно.

— А Найденыш?

— Это он про меня? — спросил Коля.

Поняв обиду Коли, Моряк ответил другу:

— Чего обзываешься? Николай для отряда ведро ухи приготовил, а ты!..

— Прошу прощения, — повинился Реутов, подходя с группой партизан, одетых кто во что, но в тельняшках.

— Ух ты! Все в тельняшках! — вырвалось у Коли.

Партизаны устало попадали в траву вокруг костра. Реутов подсел к командиру и попросил Колю подбросить в костер хворосту, чтобы видеть друг друга. Коля положил несколько березовых хворостинок в огонь. Вспыхнуло яркое пламя и осветило усталые лица партизан.

— Мастер! Умеешь держать костер по-нашему! — отметил командир, снимая с себя амуницию.

Подложив под локоть свернутую валиком кожанку, он прилег.

— Пока ужинаем, надо решить, что делать дальше, — сказал командир и пристально посмотрел в освещенное костром лицо мальчугана. — Судя по всему, ты — человек отважный. Но сможешь ли ночью провести нас к Припяти? Минуя болото?

— Не! Болота миновать никак нельзя, — ответил Коля. И, видя, как насторожились Моряк и Реутов, поспешно стал объяснять: — Я просто знаю, где кладки по трясине, а где тропка. А только зачем вам ночью? Спите, а утром...

— Значит, проведешь и ночью? — уточнил командир. — Тогда угощай своей ухой сперва вон того товарища, что с шарманкой. Корми его посытнее, ему сейчас работать. А потом остальных.

Коля подбежал за котелком, который протянул партизан с «шарманкой», налил ухи, положил огромный кусок щучьей спинки и сам поднес ему. Очень хотелось узнать, что же это за «шарманка». Но, увидев замусоленный деревянный ящик с ремнем, чтобы носить его на плече, так ничего и не понял. Забрав котелки у всех партизан, он поставил их возле закопченного ведра и стал раскладывать рыбу и наливать жижу.

— Ты, видать, и рыбак и повар замечательный. Уха у тебя так пахнет, что в носу щекочет, — сказал «шарманщик». — Где-то достал и петрушку и всякие специи.

Последнего слова Коля не знал, но догадался, о чем речь, и сказал, что петрушки у него не было, но сестра научила его находить на болоте все, что надо для ухи, для чая и для лекарства.

— Да-а, не парень, а драгоценная находка, — заметил Реутов.

Боясь, что еще кто-нибудь назовет юного друга Найденышем, Моряк сказал:

— У нашего рыбака замечательное имя — Коля.

Разделив ужин между всеми, Коля хотел сбежать за своей миской. Но Моряк его остановил:

— Лоб пробьешь в темноте об свою березу. Будем есть из моего котелка. У меня и ложка есть лишняя.

— Почему лишняя? — удивился Коля.

— Погиб товарищ. Мы и храним его вещи как память. Вон у Саши возле лацкана желтая пуговица. Это с костюма Володи Соколова.

Проглотив застрявший в горле комок, Коля почти-точно, обеими руками, словно что-то очень хрупкое, взял протянутую ему самодельную деревянную ложку с выцарапанными на черенке буквами «В. С.» и стал молча есть. Исполдволь он рассматривал партизан.

Все это были разные люди. Молодые и пожилые. Одеты кто во что. Вооружены автоматами. У одного ручной пулемет, а у другого — снайперская винтовка. Что она снайперская, Коля догадался по оптическому прицелу, хотя и не знал, как он называется. А вот что за ящик, который командир назвал «шарманкой», Коля понял только после того, как хозяин этой штуки, высокий белокурый парень в красноармейской форме, укрылся за кустом и под какой-то шум и треск заговорил настойчиво: «Ясельда! Ясельда! Я Карась, я Карась. Ясельда, Ясельда...»

«Ух ты! — мысленно воскликнул Коля. — Радиостанция! Наверное, с Москвой говорят».

Ничего из того, что говорил радист, Коля не разобрал. Тот все больше цифрами сыпал. Зато Коля твердо убедился, что попал в настоящий партизанский отряд. И вдвойне стало радостно, что именно он поведет этот отряд по одному ему известной болотной тропе, да еще ночью!

В начале войны несколько боевых бронекатеров Пинской речной флотилии были затоплены, а экипаж ушел в лес, к партизанам. Но основная часть военных судов спустилась по Припяти на Днепр, где участвовала в кровавых схватках с фашистами. Некоторые из этих судов тоже были затоплены в плавнях, а другие были захвачены оккупантами.

После освобождения Киева советскими войсками Днепровский военный флот снова начал оживать. И вот теперь пинские партизаны получили приказ из главного штаба о совместных боевых действиях с войсками Днепровской флотилии. По этому приказу партизаны должны были составить карту береговой обороны Пинска и помочь советским судам беспрепятственно подойти к городу в нужный момент.

Партизаны понимали, что под нужным моментом подразумевается тот день и час, когда сухопутные советские войска ударят по столице болотного края, а флот должен будет поддержать их с Припяти, омывающей южную, самую укрепленную часть города.

Пока что немцы беспрепятственно хозяйничали на Припяти чуть не до самого Днепра. Партизаны, занятые в основном подрывом железных дорог, почти не обращали внимания на то, что делалось на реках. Теперь надо было положить конец вольготности оккупантов не только на суше, но и на водах Полесья.

Обсудив приказ, партизаны решили оседлать Припять ниже Пинска и не пускать немцев к Днепру. Для выполнения этой задачи был создан специальный боевой отряд партизан. Почти все они были из Пинской флотилии, а трое с затопленного бронекатера «Варяг». И потому этот крепко спаянный отряд так и назвали «Варяг».

Несмотря на предельную усталость, партизаны вскоре после ужина отправились в путь.

Ночь была безлунная, а звезды плохо освещали лесистое болото, и партизаны шли, по сути, вслепую, удивляясь тому, как уверенно вел их юный проводник. Сперва пробирались по ольшанику, разводя густые ветви и радуясь тому, что под ногами почти сухая, хотя и зыбкая почва. Но вот ольшаник неожиданно кончился, и отряд, словно перед озером, очутился перед полем, покрытым густым туманом.

— Это что ж такое? — спросил Моряк, остановившись рядом с Колей. — Болото?

— Дрыгун, — ответил Коля и пояснил: — Трясовина. Когда-то было озеро. А потом заросло.

— Ну и что же мы, как Христос, пойдем по этому дрыгуну? — пробуя ногой трясину и тут же отступая, спросил Моряк.

— Праворуч есть кладка. Аж на ту сторону, — ответил Коля и спросил, не хотят ли партизаны отдохнуть.

— Если сам не устал, то давай веди, — сказал командир просительно. — Веди, дружище, если можешь.

— Мне что, я могу, я без поклажи, — и он легкой походкой направился вдоль трясины. — Тут чуть-чуть пройдем, и будет кладка. А вы пока запасайтесь палками, чтобы опираться. А у кого большая тяжесть — пулемет чи там шарманка, то лучше вырезать две палки. Хорошо бы делать из березы и с рогатульками на тонком конце.

— Сказал, когда вышли совсем из леса, и не только березы, а ольхи путной нету, — проворчал кто-то недобро.

— Так вот же скоро тут березнячок будет и ельник, — успокоил Коля. — Из чего б те кладки проложили, ежели не было бы поблизости елок.

И вскоре на самом деле подошли к густому лесочку.

— Саша, ну-ка сруби всем по палке, по две, — распорядился Моряк, отправляя в лес Сашу Реутова.

— Моя позавчерашняя тут еще стоит,— кивнул Коля в темноту и, сделав несколько шагов по болоту, выдрал кривую, суковатую палку.

Когда все вооружились палками, Коля предупредил:

— А как оступится кто и провалится, то задний — сразу ему свою палку под руку. И ничего, так можно долго держаться. Только задним потом придется вернуться обратно и принести две жерди, чтоб того, кто провалился, вытащить и снова поставить на кладку.

— Н-да! Перспективка! — нарочито весело заметил командир.— Однако это лучше, чем было вчера...

Сам проводник пошел по кладкам быстро и почти не опираясь палкой. Он лишь изредка ею помахивал. Первым за ним направился Моряк. Но, пройдя по первой жерди и убедившись, что она качается, как утлая лодчонка на воде, он вернулся и послал вперед партизана с «шарманкой».

— Иди, Володя, я последую за тобой с двумя палками. Буду страховать тебя. Если что, не паникуй, я подброшу под тебя палки. У меня вон какие длинные!

Увидев, что отряд замешкался, проводник остановился и даже спросил:

— Вам помочь?

Моряк ухмыльнулся:

— Ты и так нам помогаешь лучше не надо. Веди давай, веди, скороход!

Жерди, проложенные кем-то по болоту, во многих местах уже затонули, и приходилось пробираться по воде чуть не по колено. Но все же под ногами был твердый настил, по которому отряд двигался, почему-то все время наращивая скорость. Когда в густо-сипем тумане показался лесок на противоположном берегу трясины, все поняли, что движутся чуть ли не марафонским бегом. И видимо, от предчувствия скорого конца пути Володя поторопился и уронил свою «шарманку» в тря-

сину. Но все время оглядывавшийся Коля успел подбросить под ящик свою палку.

Моряк подал команду всем остановиться и спокойно ждать, а сам, положив свои палки на трясину, помог поднять рацию.

— То всегда так: кто первый раз идет по кладкам, бережется только до середины,— озабоченно говорил Коля.— А как увидит берег, заспешит и вот так же... Это еще хорошо, что сами не провалились...

Так только с этим маленьким приключением и перешел отряд трясину шириной не меньше километра. Когда наконец выбрались на твердое, партизаны «Варяга» окружили юного проводника и солидно, как взрослому, пожимали руку, говорили что-нибудь доб-

рое. А Моряк, подождав, пока все излили свою радость, положил Коле руку на плечо и тихо спросил:

— Ну а теперь куда?

— Вы немножко все отдохните,— советовал Коля,— а то теперь будет самое трудное.

Кто-то даже присвистнул. Кто-то робко спросил, что же еще может быть трудней.

— Ну, если самое трудное впереди, то идем дальше. Отдыхать некогда,— сказал Моряк.— Ты сам-то не выдохся ли?

— Да я-то что, никакого груза! — развел руками проводник.— Хоть бы автомат дали понести.

— Человек идет во главе боевого партизанского отряда, и все ему мало... Дайте ему еще и автомат! — отшутился Моряк. Но тут же он серьезно добавил: — Днем я научу тебя обращаться с оружием, тогда и будешь носить. Ну, ладно, Коля, веди дальше. Но что же нам предстоит еще более трудное? Может, заранее надо подготовиться, как перед трясиной?

— Там есть лес,— ответил Коля, раздвигая густые ветки ольшаника и пробираясь в гущу зарослей.— Там ручей такой широкий, что не перепрыгнешь, а...

— Ну ручей нам не страшен, вброд перейдем! — не дал ему договорить Моряк.

— Вброд нельзя. У него с берега трясина похуже той, что прошли. Там была кладка, да мы с Верой стащили ее в воду, чтоб полиция с Припяти к нам не пробралась.

— Ну и стратеги! — то ли похвалил, то ли осудил Моряк.— Что ж, полиция не нарубила бы жердей для новой кладки?

— Так станет рубить, мы же услышим и уйдем подалее.

— И то верно.

Ольшаник становился гуще. Местами попадались пе-

реплетенные заросли лозняка. Идти по ним в сгустившейся предрассветной тьме было все трудней. Но проводник подбадривал:

— Осталось чуть-чуть. Уже совсем ничего. Самую малость...

Наконец чащоба кончилась, и в крошечной тьме что-то аспидно блеснуло.

— Вот она, та протока! — с радостью, словно на этом кончались все трудности, сообщил Коля. — За нею там до ста досчитаешь и уже добежишь до Припяти. Нужно срубить две большие елки и перекинуть через протоку.

— А есть они тут, елки? — озадаченно спросил Саша Реутов, уже вынув из-за пояса топор. — Тьма как на дне трясины.

— Солодов, пройди с Реутовым вправо, там виднеются пики елок. Срубите и тащите. Остальным можно отдохнуть. — И, обращаясь к Коле, спросил: — Устал наш проводник?

— Нет, товарищ командир. Я привычный.

— Шпарит, как лось, не утонишься за ним! — слышался нарочито недовольный голос.

— Вот вы устали. Переберемся через ручей, отдохнете.

— Нет, Коля, — возразил командир, — если, как ты говоришь, Припять — только до ста сосчитать, то мы немного отдохнем лучше здесь. А там неизвестно, что нас ожидает...

— Смотрите сами. Я могу идти до самого утра.

Командир присел на траву. Пристроился рядом и Коля. Но тут же пожалел, что сел. Ноги сразу отнялись. Голова отяжелела, а глаза словно черной пеленой завесило. Он ущипнул себя за ногу, чтобы не уснуть. Но боли не почувствовал.

Не было ни боли, ни усталости, ни партизан. Ничего

не было вокруг. Плеск воды да кваканье лягушек. Но вскоре и этого не стало...

Появилась Вера с буханкой хлеба. Кричит ему что-то, тормозит. Видно, будит его, чтобы поел. Но почему-то она кричит:

— Проводник! Эй, скороход! Ты уж будь добреньким, доведи нас до конца! Ко-ля!

— А, что? — вскочил Коля. — Кладка готова? — и смутился, увидев, что небо начало светлеть, а весь отряд, кроме Моряка, уже на том берегу ручья.

— Хорошо, хорошо, что вздремнул! — подбадривал Моряк. — Легче будет идти.

— Да тут и осталось совсем ничего, — уверенно сказал Коля, переходя по жердям ручей.

— Если река близко, то нам пока идти дальше незачем, — сказал командир и остановился на бугорке, окруженном ольшаником. — Отдыхайте, ребята, а я с кем-нибудь схожу, разведая, что там и как.

— Сосни часок, товарищ командир, а я схожу, — сказал Реутов. — Я ведь подремал, когда делали мостик. Поспи, а я заодно пройду к сараю, посмотрю, можно ли из сухих бревен плот соорудить.

— Чтоб в случае чего перебраться на ту сторону?

— Да ведь надо изучить тот берег. И чем раньше, тем лучше.

— Ну что ж, тогда я немножко сосну, — и Моряк прикорнул под кустом ольхи.

Коля тут же примостился у него под боком и спокойно уснул.

ПЕРВЫЙ УДАР

Моряк с двумя партизанами лежал в густом ольшанике у самого берега реки. Припать в этом месте поворачивала довольно круто. Рыжая, словно спитой

чай, вода клубилась, ходила широкими кругами, величаво гуляла большими привольными хороводами. Глядя на нее, можно было мечтать и мечтать. Но партизанам некогда было любоваться красотой этой вольготной матери полесских рек. Они смотрели на реку с тревогой и напряжением. Не появился бы вражеский катер или моторная лодка с полицией...

А внизу, под крутым берегом, среди зарослей камыша и лозняка всю кипела работа. Отряд строил плот из бревен от старого сарая. Нужно было успеть связать плот, пока не взошло солнце и по реке не пошли суда. Всем почему-то казалось, что с восходом солнца начнется движение по реке, и люди спешили изо всех сил.

А оно, щедрое июльское солнце, уже зажгло лес и камыш на том, на дальнем берегу, под самым Пинском. И вот-вот брызнут его первые лучи, ударят в небо и как барабанные палочки возвестят начало дня, начало движения по воде. Начало... А плот еще не готов.

Но вот из-за кручи, под которой трещал камыш и глухо постукивали о сухое бревно тяжелые каблуки спешно работающих партизан, раздался троекратный свист.

Моряк протяжно, с перерывом свистнул в ответ.

И тотчас дозорные увидели, как от их берега отчалил плот с шестью партизанами и ручным пулеметом, установленным на середине.

— Хватит любоваться! — оторвался от этого зрелища Моряк. — Теперь смотрите в оба.

И вдруг над лесом загорелся диск восходящего солнца. На реке и ее берегах стало торжественно тихо, словно вся природа, все живое вокруг было занято лишь одним — ожиданием восхода. И в этой тишине партизанам вдруг почудился глухой гул мотора. Моряк по-

смотрел вверх по течению, потом вниз. Но ничего подозрительного не заметил.

— Видно, самолет,— успокаивал боец, лежавший справа.

— Не самолетный гул, утробный, наземный...— он кинул тревожный взгляд на плот, не достигший еще и середины реки и снесенный течением на добрый километр вниз.

А гул нарастал, усиливался. Но пока что непонятно было, с какой он стороны. Были мгновения, когда казалось, что он родился где-то позади, среди болот и трясин.

— Вижу! — не позволено громко воскликнул боец, лежавший слева.

Моряк пристально посмотрел в сторону Пинска и увидел черную точку на сверкающей розовой глади реки. Тотчас он поднял на палке свою бескозырку и помахал ею в сторону плота. На плоту ответили таким же многократным взмахом.

Но скорости плот не прибавлял, хотя видно было, что четверо партизан изо всех сил работают огромными шестами. Моряк знал, что шестами там служили целые жерди, недавно бывшие стропилами на сарае. Но вот на плоту произошла смена двух гребцов, и дело пошло быстрее.

А черная точка на розовом зеркале между тем превратилась в бронекатер, сопровождаемый двумя полицейскими моторными лодками. Моряк прикинул расстояние и сделал вывод, что плот едва ли успеет причалить к тому берегу, когда фашисты будут здесь. Значит, стрелять придется с этого берега. А вся затея с плотом была лишь для того, чтобы обстреливать немцев с противоположного берега, отводить удар от места фактического расположения отряда. Днем партизаны будут на том, более высоком и лесистом берегу, а на ночь будут

возвращаться на свой, болотистый берег. Но теперь все это может перепутаться.

Уже виден черный паук свастики на боку бронекатера и немец-офицер, стоящий на борту со скрещенными руками на груди.

— Совсем как Наполеон! — сквозь зубы процедил Моряк.

— А что, если я этого Наполеона отправлю на дно, пока он не заметил нашего плота, — просит стрелок, лежащий слева.

— Без сигнала с плота мы стрелять не можем, — ответил Моряк, обеими руками сжимая автомат.

Он и сам с удовольствием дал бы очередь по приближающемуся полицаяу, с винтовкой сидящему на носу моторки.

Но полицай ждать не стал. Моторка, шедшая слева от катера, вдруг резко прибавила скорость, вырвалась вперед по направлению к плоту, и на борту ее появилась ручная пулемет. Очередь вспенила воду.

На плоту произошло замешательство. Кто-то выринул шест и бросился за ним в воду. Другие разделись, чтобы в любой момент пуститься вплавь.

— Костя, сними пулеметчика! — потребовал Моряк. — Не горячись, бей наверняка, одним выстрелом. Ахмет, а ты — моториста. Только спокойно, ребятки. Без промаха! И если можно, одновременно, чтоб не засекли, где мы находимся.

Два винтовочных выстрела грянули разом. Лодка сразу же пошла в крутой разворот и чуть не перевернулась. Пулеметчик на этом повороте медленно сполз за борт. А моторист в белом кителе с черепом на рукаве откинулся на спину и застыл.

Бронекатер, на котором не было больше видно того Наполеончика, тут же развернулся и ударил из пушки по берегу, с которого так метко стреляли.

— Весь план разрушили, гады! — процедил сквозь зубы Моряк, уползая с товарищами в овраг, по которому в Припять впадал ручей.

— Зато отвлекли от наших, — тешился Костя.

— Товарищ командир, смотри! — воскликнул Ахмет. — Наши совсем причалился! Псе на берег пошел! Псе шесть!

Плот действительно приблизился к берегу, и вся группа ушла в лес.

— Хорошо вы стреляли, ребята! Очень хорошо! — отозвался Моряк. — Теперь бы из кривого ружья из-за кручи со второй моторкой так же разделаться.

— Зачем такой кривой ружье! — горячо возразил Ахмет. — Смотри, какой щель на круча. Патальон может засада делать. Разреши, стреляю. Один раз, пторой раз!

— Давай ползи, Ахмет! — махнул рукой Моряк.

Но Ахмету не повезло. Пока он добрался до намеченного места, уцелевшая моторка взяла на буксир подбитую лодку, а сама зашла за бронекатер.

Ахмет перечислил всех казахских шайтанов и русских чертей, но полицейская лодка больше не попала на мушку.

А катер между тем развернулся и стал удаляться в обратную сторону, не прекращая стрельбы из пушки. Снаряды рвались на том месте, откуда партизаны уже ушли. Только скрывшись за поворотом реки, фашисты перестали стрелять.

Коля вскочил, когда на реке раздалась пулеметная стрельба. Испуганно глянул на сидевшего рядом радиста, спросил:

— А где все? Почему стреляют?

В это время совсем близко прогремели два винтовочных выстрела. А потом начали рваться снаряды.

— Весь отряд ушел в засаду к реке. Наверное, дождались гостей и устроили им веселую жизнь.

— А мы чего же тут? — огорченно спросил Коля.

— Нас оставили сны досматривать. Меня с этой штукой, — он кивнул на «шарманку», — в бой берут только в крайнем случае...

— А меня пожалели, считают маленьким, — по-своему истолковал Коля.

— Ты ведь за ночь устал. Мы-то как лошади за хозипом шли, а ты дорогу искал, — оправдывал товарищей радист.

— Ну идемте хоть сейчас, я ведь еще не видел боя.

— Давай мы с тобой лучше завтрак приготовим бойцам. Они там знаешь как намотаются, придут голодные.

— А из чего завтрак-то? — неохотно спросил Коля. — Рыбы нету.

— Научи меня ловить своим способом.

— Долгое дело, — почесывая в затылке, Коля даже отвернулся.

Ночью, когда вел отряд, Коля был уверен, что и сам теперь станет партизаном. А они вот — провел, и ладно. Обидно было до слез. И он сказал, что поможет сплести заставку или вершу, а потом уйдет.

— Ну не расстраивайся, придет командир — все уладится. А пока нет рыбы, сварим пшеничную кашу. Крупа у нас есть, и сала кусочек остался. А уж завтра перейдем на рыбу.

Только собрали хворост и развели небольшой костер, пришел Моряк.

— А где остальные? Никто не погиб в бою? — встревожился Коля.

— Все живы, дружище! — устало ответил Моряк и крепко пожал ему руку. — Шестеро на том берегу. Все живы. И в этом твоя огромная заслуга. Если бы ты не

провел нас так быстро к реке, мы не успели бы сегодня же дать по носу фашистам. А дальше неизвестно, как пошли бы дела. Да и плот так быстро не удалось бы соорудить, если бы ты не сказал про сарай. За день наши полностью изучат тот берег, а ночью вернутся, и мы будем готовы к выполнению главной задачи...— И, положив руку на Колино плечо, Моряк уже другим, более беспечным тоном спросил:

— Мы сумеем что-нибудь раздобыть на болоте для зубов?

Вмешался радист:

— Пока что сварим кашу, а потом Коля научит меня ловить рыбу.

— Вот видишь, ты еще и от голода спасешь наш отряд,— серьезно сказал Моряк.— Ну идемте к сараю, там и обоснуемся.

Старый покосившийся сарай стоял на возвышенном месте, недоступном весенним паводкам. Но, окруженный довольно высоким березняком, он не был виден с Припяти. Потому-то партизаны и решили в нем поселиться. Когда поодаль от сарая, в березняке, развели костер, чтобы варить кашу, Моряк убедился, что дым расстилается по лесу и не демаскирует лагерь. И он сказал, что здесь можно пожить, пока немцы не наткнутся.

— А они все равно знают, что мы здесь! — живо заметил Коля.

— Ну еще бы, двух полицаев срезали...

— Нет, еще вчера узнали,— и Коля хитро сощурил темно-серые глаза.

— Вчера?

— Когда радист работал на своей шарманке, они ведь... запелого...

— Запеленговали? — подхватил Моряк.— Ты и это знаешь? — и он как-то печально посмотрел мальчишке

в глаза. — Да, дружище, они запеленговали. И в начале войны уже накрыли бы нас. Но теперь вокруг столько радиостанций, что немцам не справиться с ними, даже на хороших дорогах, не то что в болотах... Ну что ж, пока варится каша, я покажу тебе, как обращаться с автоматом, — сказал Моряк своему юному другу и, расстелив на траве плащ-палатку, стал разбирать свой автомат.

Коля испуганно схватил его за руку:

— Не надо сейчас разбирать. Вдруг боевая тревога.

Моряк удивленно посмотрел на него:

— Партизан всегда должен быть готов к боевой тревоге.

Разобрав автомат, Моряк назвал каждую его деталь, а потом как-то молниеносно собрал его и подал Коле.

— Теперь ты разбери.

Коля робко взял в руки грозное оружие партизана и опять прошептал сдавленным голосом:

— А если я разберу, вы так же быстро сумеете собрать и броситься в бой?

— Конечно, — ответил Моряк. — Пстой, ты, кажется, боишься, что вот-вот на нас нападут фрицы?

Коля утвердительно кивнул и, глотая комок, от страха застрявший в горле, шепотом пояснил причину своего опасения:

— С бронекатера видели, откуда партизаны колошматили полицаев? Видели. Доложат своим, и те пойдут облавой по берегу. — И с дрожью добавил: — С собаками.

— Напрасные страхи! — спокойно сказал Моряк. — Врасплох нас не застанешь — и здесь дозор не сводит глаз с реки и берегов, и на той стороне Припяти наши не спят. А главное, что ты же сам нас привел

сюда через такое болото, что если туда снова уйти, то никакая облава не страшна. Стоит за собой унести несколько бревен с кладки, и погоня прекратится.

— Ну тогда все в порядке,— успокоился Коля и, тяжело вздохнув, добавил: — Теперь бы только Вера пришла.

— Вера нам сейчас здорово помогла бы: она ведь хорошо знает Пинск...— все это Моряк говорил только для того, чтобы отвлечь Колю от тяжелых дум о сестре.— Вот скоро придут наши корабли, тогда только подавай рабочие руки. Сам-то ты пойдешь ко мне юнгой?

— А вы кем будете, когда придут наши?

— Как и до войны — механиком.

— Здорово! Люблю в машинах копаться. У нас перед самой войной привезли в школу тракторный мотор, чтоб старшеклассники изучали. Завидовал я им. Целыми днями пропадал в мастерской. За это даже отметку мне снизили по поведению.

— За любовь к машине у меня будешь получать только «отлично»,— сказал Моряк и стал помешивать кашу.

— А можно, я ваши портянки постираю?

— Я свои еще ночью выстирал, вон они сохнут. Ты вот лучше займись автоматом. Сам разбери и собери. А вернутся наши с того берега, и пулемет разберем.

— Ух ты-ы!

Солнце, так хорошо светившее утром, после обеда спряталось за тучу, небо нахмурилось, отяжелело. Стало ясно, что к вечеру пойдет дождь. Партизаны решили укрыться в сарае. Только перебрались, грянул гром и дождь полил как из ведра. Поднялся ветер. Крыша в сарае оказалась до половины целой, и партизаны прекрасно устроились в дальнем углу. Даже костер развели.

— Наши предки так и отапливались. По-черному,—

сказал Моряк и встал.— Нам-то хорошо. А каково часовому на берегу? Отнесу ему плащ или сам там останусь, пусть бежит сюда, отогреется.

— Товарищ командир, а я буду часовым? — вдруг осмелел Коля.

Моряк внимательно посмотрел на него:

— Вижу, ты боишься остаться без дела. Отдохни, отоспись, дело тебе будет. Настоящее, боевое задание. А пока что самое главное для тебя дождаться возвращения сестры. Боюсь, придет она в курень и перепугается, что тебя нет.

— Я ей оставил записку: ушел доделывать печку. Это значит, ушел в сарай.

— С кем пошел, не сообщал?

— Зачем же! Вдруг туда наткнется кто чужой.

— Ах, мальчишки, мальчишки! — задумчиво проговорил партизанский командир.— Рано вас война сделала взрослыми...

КОМОРЫ

Вечером партизаны просигналили из-за реки, сообщили, что на ночь остаются там. Есть дело. И только в следующую ночь плот вернулся с тремя гребцами. Моряк и его гарнизон, как он называл трех своих бойцов и Колю, встречали товарищей из-за реки горячей ухой, как изголодавшихся. А те прибыли сытыми, да еще и привезли мешок картошки. Там, в семи километрах, оказалось небольшое, дотла сожженное немцами село Коморы, жители которого второй год зимовали в лесу и молили бога о скорейшем изгнании фашистов.

Когда в тот памятный день по радио сообщили о разгроме фашистов под Москвой, кто-то из жителей Комор вывесил красный флаг над зданием бывшего сельсовета. При оккупантах в этом пятистенном доме

жил сельский староста, отец двух полицаев. Целый день развеялся тот флаг над селом, а молодежь ходила по улице празднично одетая, пела советские песни, веселилась, словно война уже кончилась. Старики пытались урезонить отчаюг, преждевременно затеявших этот праздник. Но молодые горячие парни не слушались. И согласились только на то, что необходимо выставить посты, чтобы не быть захваченными врасплох, если нагрянут каратели. И только это спасло коморян от жестокой расправы.

Утром в Коморы нагрянули фашисты на большом грузовике. Машина медленно прошла по одной стороне улицы, потом по другой, а эсэсовцы где зажигательными пулями, где факелами поджигали дома. Но все дома были пустыми — люди убежали в лес, еще когда машина остановилась далеко за селом у сожженного за ночь моста и кто-то ударом в рельс подал сигнал тревоги. Не убежал только сам староста Комор, который и вызвал карателей. Однако фашисты его не помиловали. За то, что не справился со своими обязанностями, немцы сожгли его в собственном доме.

Спасшиеся коморяне поместили детей на хуторе лесника, а сами наскоро построили в лесу кто что мог. А так как урожай был закопан в землю, то и с голоду люди не погибли.

С первых дней войны украинцы и белорусы поняли, что оккупанты будут их нещадно грабить, и стали закапывать в землю свой урожай. Сперва рыли ямы во дворах, на огородах, а потом эти схроны стали копать в лесу, подальше от села, которое может сгореть.

«Немцы сами научили все от них прятать», — говорили старики.

И вот теперь эта наука пригодилась коморянам. Кое-как они перезимовали в землянках, разбросанных по лесу. От моста теперь не осталось и следа. Районный

староста восстанавливать его не собирался — ему не нужна была дорога в сожженное село. И коморяне целое лето спокойно себе работали на полях, опасаясь только фашистских самолетов, которые имели привычку летать вокруг сожженных сел и расстреливать людей, работающих на полях. Гитлеровцы знали, что погорельцы работают не на них, и нещадно их уничтожали с воздуха. Коморяне и на самом деле работали теперь только на себя и весь урожай увозили в свои подземные хранилища.

Разведчиков «Варяга» коморяне приняли как родных. Накормили, дали с собой и предлагали всяческую помощь, какая потребуется. А молодежь настойчиво просилась в отряд.

В отряд варяжцы пока не взяли никого, так как нужно было в строжайшей тайне хранить место своего расположения. А от дальнейшей помощи не отказывались. Нужно было только срочно достать лодку, потому что плот был уж очень тихоходным средством переправы, а главное, что течением его сильно сносило и каждый раз нужно было по-бурлацки возвращать его вдоль берега к месту причала, и потом только плыть на другую сторону.

* * *

Прошло еще три дня, а Веры все не было. Коля, теперь считавший себя партизаном, не смел самовольничать и стал проситься в село, куда ушла сестра. Он объяснил, что это совсем в другом районе, где ни ее, ни его никто не знает, поэтому ничего не случится. Но ему идти не советовали.

— Попадешь на глаза полицию, что ты ему скажешь? — урезонивал Моряк.

— Выкручусь. Я хитрый! — уверял Коля. — Скажу, что погорелец, из-под Гродно. Потерялся от матери.

Возле Гродно живет моя тетья, не раз бывал у нее. А село там правда сгорело. Так что не заврусь.

— Давай еще денек-другой подождем: Красная Армия приблизится, фашисты начнут удирать, им будет не до таких, как ты...

Коля молча кивнул, хотя в душе не был согласен. И занялся лозой. Он плел уже третью заставку. Партизаны охотно переняли его способ ловли рыбы и занялись этим всерьез. Нарезая ровные лозинки и выравнивая их, Коля думал о своем разговоре с командиром отряда. И чем больше ломал над этим голову, тем тверже убеждался, что его не пускают в село, потому что бояться: не проговорился бы, если попадетя врагам.

«Не знают они меня! — сердито думал он. — Считают, что только взрослые умеют молчать под пыткой...»

О мучительной пытке Коля, конечно, не имел никакого представления и не знал, что тех пыток, каким обучились фашисты, не могли выдержать даже некоторые взрослые.

Утром Коля попросился в свой курень: мол, проведу, вдруг сестра приходила, увидела возле сарая незнакомых людей и вернулась, дрожит под березой от страха — не знает, что тут за люди.

Не видя в том никакого подвоха, Моряк отпустил Колю, но на всякий случай послал с ним Сашу Реутова. Партизану наказал остаться в лесу близ поляны, на которой тогда разводили костер: боялся вспугнуть Веру, если она вернулась и отсиживается в курене.

Но Коля, как только подошел к своей березе, понял, что сестра не приходила. На записке, оставленной ей, когда Коля уходил с партизанами через болото, он добавил: «Нас теперь много. Не бойся, иди к печке. Я пошел тебе навстречу».

Поддавшись настроению, которое овладело им в шалаше, Коля решил обмануть Реутова, уйти в село без спроса.

Из куреня он выбрался в сторону густого кустарника. По чащобе обошел Сашу, стоявшего возле березового корневища, и направился в деревню.

Но, пройдя с километр, устыдился своего поступка. Ведь партизаны будут искать. Чего доброго, подумают, что пошел доносить полиции. У него даже уши загорелись при мысли о том, как плохо подумает о нем Моряк. Изо всех сил припустил он на перерез тропинке, по которой шли сюда с Сашей. Выбежал на тропу и остановился: почудилось, что его зовут. Так и есть, Саша то посвистывал, то тихо звал по имени. Коля подошел к черному торфянистому берегу ручья, утоптал землю ногами и нацарапал палочкой: «Ухожу искать Веру. Приду через два дня. Коля».

Когда уходил от этой «записки», щеки горели от стыда: ведь все-таки обманывал партизан. Но Коля внушал себе, что тут надо быть твердым, как бывало с мамой, когда собираешься на ночную рыбалку. Почти всегда приходилось удирать через плетень, а то и в окошко. Кричит, грозит, а встретит потом горячими оладышками со сметаной. Взрослым всегда кажется, что с детьми что-то случится, если они уйдут куда-нибудь без спроса.

Правда, в душе нет-нет да и раздавался голос, который настойчиво урезонивал Колю, требовал вернуться, доказывая, что влетит за него партизану. Однако ноги упрямо несли Колю к намеченной цели.

К ночи Коля набрел на ручей, вдоль которого пришли когда-то с Верой в эту глухомань, и пошел в сторону села. Но теперь путь показался более далеким. Заночевал просто под старой осиной, прислонившись к ней спиной. А чуть свет снова пустился в путь. Только

к вечеру следующего дня показались первые признаки села — стожки свежего сена. Коля так устал от ходьбы и голода, что еле плелся. Приближаясь к селу, он все больше думал о том, что будет делать, если там окажутся немцы или полиция. От усталости и голода даже убежать не сможет. А по всему его виду сразу понятно, что он не здешний — любой полицейай придерется. Когда показались первые дома, Коля пошел еще тише: решил где-нибудь в кустарнике дожидаться темноты, чтобы незаметно подойти к крайнему дому. И вдруг услышал на другой стороне женские голоса. Притаился за ольховым кустом.

Из лесу шли четыре женщины с корзинами, полными черники. Видно, все из бедных. Одна совсем босая. Он вышел к ним навстречу и вдруг забыл все, что собирался сказать. Они сами спросили его, откуда он.

— Голодный?

— Заблудился?

Коля растерялся и пока ничего не стал говорить о сестре, а спросил, нету ли в селе немцев.

— Вчера и полицию лихоманка унесла, — ответила одна.

— Нашу хату спалили, и я пошел к тете Сане да заблудился. А как ваша деревня называется? — вдруг сказал совсем не то, что собирался.

— Бульбовичи.

— Да ты иди с нами, — сказала босая. — Покормим борщом, какой есть. А потом и расскажешь о своей беде. Ох, дети, дети. Досталось на вашу долю, — и она ласково взяла Колю за руку и повела к тому самому крайнему дому, в который он и собирался зайти, как стемнеет.

Домик был настолько старым, так перекопился, что двери в сенцы не прикрывались и держались только на

крючке, который одинаково можно было поднять изнутри и снаружи.

Комната в хате была одна. Добрую половину ее занимала печь, на которой лежала, тихо постанывая, совершенно седая старуха.

— Как же тебя зовут? — спросила хозяйка, ставя корзину на широкую скамью, тянущуюся вдоль всей стенки.

В углу тускло поблескивали позолотой старые иконы, на которых почти ничего уже нельзя было рассмотреть. Во всем доме новеньким был только портрет девушки в легкой березовой рамке.

Коля назвался, а хозяйка сказала, чтобы звал ее теткой Христей.

— А по отчеству как? — робко спросил Коля.

— Да я же не учителька и не врачца, к чему мне отчество! — ответила та, ухватом доставая из печки чугунок.

Налила в глиняную миску борща, в деревянную тарелку положила пшенной каши. Поставив все это на стол, виновато сказала, что хлеба не пекла уже два месяца.

— Всю мучицу выгребли те проды еще с осени. Зиму пекла оладьи из вьюнов на отрубях. А теперь и отруби кончились.

Знал Коля, что такое оладьи из сушеных, истолченных в муку вьюнов. Эта еда исстари выручает полещуков в самые тяжкие времена. А так как хлеба здесь до нового урожая всегда не хватало, то у каждой хозяйки с лета висели на чердаке связки хорошо высушенных вьюнов.

— При Советах из вьюнов ничего не делали, хлеба хватало. Так мы и не запаслись вьюнами. Вот теперь и бедуем,— сетовала хозяйка, сердобольно глядя, как голодно набросился ее гость на еду.

На печи застонала старуха и что-то прошамкала. Тетка Христя подошла к ней с кружкой воды. Цокая зубами, старуха выпила и умолкла.

Хозяйка опять села около стола и, подперев подбородок рукой, загорюнилась.

— Моя мама лишилась и речи, и рассудку после нашей беды. — И, глянув на портрет в березовой рамке, расплакалась: — То ж моя Оля. Забрали ее в неметчину, на лютую каторгу, — замолчала, глотая слезы. — Ты ешь, ешь, — шептала, видимо, чтобы отвлечься от своего горя. — Бабуся вступилась за внучку, спрятала ее в кладовку, как увидела возле калитки полица. Так он прикладом ахнул по спине семидесятилетнюю старуху! Она язык перекусила, да и с головой что-то подеалось.

Коля уже съел все, что было на столе, а хозяйка все рассказывала о том, как увозили молодежь в Германию.

— Тут одна дивчина, красивая такая да приветная, вот так же, как ты, случаем забрела в деревню, крупы какой хотела выменять на одежку, так и она попала в ту облаву. Село ж было со всех сторон окружено.

— Тетя Христя! — закричал Коля неожиданно. — Какое у нее было платье?

— На ней серенькое, а менять принесла голубое крепдешинное. Шикарное платье. Да такое теперь могла бы взять только старостица для своей косоглазой чи полицаиха.

— Как ее звали? Вера? — так же возбужденно спрашивал Коля.

— Вера, — закивала хозяйка. — Моя еще хотела ее схватить. Ты, говорит, не наша, тебя нет в списках, отсидишься. Да ее уже полицаи заприметил и шел с винтовкой, как охотник на дичину.

— Это моя сестра,— чуть слышно промолвил подросток.

И теперь плакали вместе. Женщина навзрыд, а мальчишка, сильно всхлипывая.

Первой пришла в себя хозяйка. Она встала, принесла гостю кружку воды. А когда он напился, предложила умыться. Умываясь, Коля откровенно рассказал тетке Христе о своих мытарствах, умолчав, конечно, о встрече с партизанами.

— Оставайся у меня до конца войны, а то и насовсем. Доченька моя когда еще вернется...— сказала женщина, когда уселись рядом на скамью.

Коля молчал, потупив отяжелевшую голову и слушая звон в ушах.

— Если увезли в самую неметчину, то мало надежды на встречу. А может, тут оставили, в...

Коля прервал ее вопросом:

— Разве не всех увозят прямо в Германию?

— Тех, что грамотные, с семилеткой, оставляют в городе. На фанерную фабрику никто ж добровольно не идет. Так они там лагерь построили и за колючей проволокой держат рабочих.

— Тетя Христя, идемте в город, может, наши остались! — порывисто соскочил Коля с лавки.— Хоть узнаем что-то про них. Идемте! А боитесь, так я сам схожу. Только фамилию дочки скажите.

— Да раз уж судьба одной веревочкой нас повязала, то надо держаться вместе. Только надо раздобыть хлеба. Дело не одного дня...

— А где вы теперь добудете хлеба? — безнадежно махнул Коля.

— У брата старосты можно заработать. Он зазывал пшено толочь. Ты умеешь?

— Толкли с Верой не раз! — солидно ответил Коля.— Только как я покажусь, чужой?

— Живет Рыгор на хуторе, пройдем незаметно. А самому ему все одно, кто на него спину гнет. Вот попадись ему партизан, с печенками запродаст. А с тебя что возьмешь...

— Тетя Христя! Не надо работать на такого гада! — взмолился Коля. — Лучше одной рыбой корчиться будем. Я умею ловить по-всякому.

— А думаешь, мне очень хочется, — ответила Христя. — Ну то пшена помельче натолчем. Натру бульбы, намешаю и оладушки напеку. Пробьемся пару дней. А вернемся, что-нибудь придумаем.

«Бедная тетя, она и правда думает, что я останусь у нее жить!.. — с горечью подумал Коля. — Ведь Саше Реутову там уже, наверное, попало за меня...»

— А только как попасть в город? — задумалась тетка Христя.

— Документы нужны? — спросил Коля.

— Да аусвайс * у меня есть, — махнула хозяйка как на пустяк. — На мосту теперь документом стали курочки, масло, яички. Без этого немец в город не пустит.

— А мы на лодке через речку переберемся, — живо нашелся Коля.

— Где ты ее возьмешь?

— Есть же там мальчишки-рыболовы. Я подружусь с ними, и перевезут, — и Коля, вывернув свою фуражку, нашел в ней рыболовные крючки — проглотушки.

— Ну, за такое богатство до Черного моря можно доплыть! — с безобидной усмешкой заметила тетка Христя.

— Не захотят, я переплыву на ту сторону, уговорю кого-нибудь за деньги, — и он вынул из кармана измятую, засаленную немецкую марку.

— Пойдем, там видно будет...

---

* *Аусвайс* — справка с места жительства.

СТРАШНАЯ ПРИМЕТА

Солнце только взошло, а тетка Христя и Коля стояли в ольшанике неподалеку от Припяти и в ужасе смотрели на виселицу, возвышавшуюся над городом. Они словно онемели. Язык не поворачивался что-то сказать. Ноги оледенели.

На виселице было пятеро. Четверо мужчин и женщина.

До войны Коля не раз приезжал с матерью в Пинск. Бывало, еще от моста мать начинала креститься то на розоватый купол православной церкви, видный за десять километров, то на суровый зеленовато-серый шпиль католического костела. Это были самые высокие строения в городе, да и на всем Полесье. А теперь оба храма словно присели, отошли на задний план. Внимание приезжих сразу же привлекало громоздкое сооружение из толстых неоструганных бревен с перекладинами. Сейчас там висело пять человек. Но перекладина сделана с большим запасом...

— Господи боже мой, господи боже мой! — одними губами прошептала тетка Христя. — Уйдем отсюда, сыночек, — прижав к себе мальчишку, сказала она. — Мы тут что червяк под копытом быка — растопчут и не оглянутся.

Коля молчал. Он давно уже не смотрел на виселицу. Все его внимание теперь привлекла набережная, на которой рассмотрел два дота и зенитную пушку. Об этой набережной говорили партизаны. Им нужно знать все, что на ней творится.

Рявкая песню и гулко топя сапогами по булыжной мостовой, уходившей от набережной, быстро прошел взвод эсэсовцев. В конце первого квартала фашисты повернули направо и почти сразу смолкли.

Что там у них — казарма?

Чем больше Коля присматривался к жизни города, тем больше думал о том, как было бы здорово, если бы его глазами все это видел Моряк...

И когда тетка Христя настойчивей повторила, что надо уходить, Коля отрицательно качнул головой и, с трудом преодолев страх перед всем, что видел, наигранно беспечно сказал:

— А вы не бойтесь, тетя Христя, это повесили таких, что листовки расклеивали или прятали бомбы. А мы ведь идем так просто.

Неподалеку в лодке сидели мальчишки с удочками. Коля кивнул в их сторону и сказал:

— Я пойду поговорю с ними, а вы посидите в ольшанике. Может, они нас перевезут.

— Ты все-таки хочешь в город? — побелевшими губами спросила тетка Христя.— Посмотри, сколько там машин...

Машины двигались по главной улице действительно сплошным потоком. И это пугало Колю не меньше, чем тетку Христю. Но и влекло. Хотелось знать, откуда они приходят и куда уходят. Ведь это нужно партизанам...

И вдруг он придумал хитрость, которая сразу же убедила бледную от страха женщину.

— Мы глядеть боимся на все это, а наши девчата работают там, да еще под автоматами, да за колючей проволокой.

— То я ж ничего...— поспешно ответила тетка Христя.— Очи боятся, а ноги идут.

Подойдя к рыболовам, Коля сразу понял, что среди четверки за главного косматый, одетый в засаленные отцовские штаны, в майке с вытянутыми плечиками. Его слушались. К нему обращались за советами. Сам же он, сидя на корме лодки с двумя неказистыми удочками, молчал, то и дело выхватывая из воды серебристую извивающуюся рыбку.

Коля подсел к нему и спросил, почему наживляет не целого червяка.

— Какая рыба, такая и наживка! — пробубнил косматый и, поняв намерение незнакомца продолжать разговор, предупредил: — Молчи. Не отпугивай. Мне для целой семьи на обед наловить надо, а скоро солнце припечет — и клев кончится.

«Вот они как тут живут, городские, — с горечью подумал Коля. — Если не наловит пескариков, вся семья голодает...»

— Солнце поднимется, тогда и поболтаем, — смягчился рыбачок.

Увидев, что у всех ребят крючки непомерно большие, Коля понял, что тут его проглотушки могут быть высоко оценены. Вынул из кепки одну и подарил косматому. Тот так и взвился от восторга:

— Ух ты! Где раздобыл?

— Бронька, что там? — спросил бледнолицый мальчишка, сидевший на носу лодки.

«Значит, косматого зовут Броней, Брониславом», — понял Коля.

— Ребя, смотрите, проглотушка! Всамделишная, — уже не боясь распугать рыбу, воскликнул Броня. — Такие только до войны продавались. И где ты ее нашел?

— Были у нас в сельмаге, — ответил Коля. — Теперь нету.

— Да, это вещь! — прищелкнул языком бледненький, сразу переметнувшийся на корму.

Вскоре все четыре рыболова сидели вокруг Коли, попеременно рассматривая уникальную вещицу.

— Я бы всем подарил по одному крючку, да у меня их только три, — виновато сказал Коля и отдал еще одну проглотушку бледненькому, которого звали Костиком.

Приняв подарок, Костик спросил:

— А тебя-то как зовут?

— Коля Пригода.

— Из какой деревни?

Коля назвал село тетки Христи.

— На базар?

— Не, — Коля печально качнул головой. — Сестру ищущу.

— Как это? — удивился Броня, на миг отвлекаясь от рыбной ловли.

— Ее увезли на работу в Германию... — начал было Коля.

Но Костик его перебил:

— Во придумал! Карась плавает в пруду, а он хочет поймать его в речке!

— Да говорят, что некоторых девчат оставили на разных работах тут, в Пинске.

— Это только на фабрике, — кивнул Костик. — Там общежитие обгородили колючей проволокой и ток пустили. Держат рабочих, как военнопленных.

— Ты один? — поинтересовался Бронислав.

— С тетей.

— Ей нельзя в город. Всех деревенских взрослых немцы считают партизанами. А тебя перевезем. Ищи свою сестру.

— У нас на чердаке сможешь даже почевать, — добавил до сих пор молчавший пучеглазый черноголовый мальчишка.

— Ему лучше на ночь возвращаться за речку, — рассудил Броня. — А то вдруг облава — заберут как беспризорника и упекут в Германию. На шпиона выучат или на убийцу.

Большого труда стоило Коле уговорить тетю Христию возвращаться домой без него. Уперлась: «Не пущу одного в сатанинское пекло!» Даже рассердилась, когда он все же ушел. Правда, потом догнала его и отдала все свои постряпушки.

Впятером ребята сели в лодку и переплыли на другой берег. Не спеша пошли по городу. Одеты они были почти одинаково. Но Коле казалось, что он чем-то от всех отличается и его сразу видно, что не городской. Увидев идущего навстречу по тротуару немца, на офицерской форме которого белели человеческие черепа, обглоданные кости, кресты, Коля вздрогнул и рванулся было во двор, мимо которого проходили. Бронислав с трудом удержал его за рукав и сказал:

— Ты сам себя выдашь. Иди спокойно. Только дорогу уступай.

— Офицеров можешь не бояться,— деловито заметил Костик.— А вот полиция надо меньше глаза мозолить.

— Да, — подтвердил Бронислав. — Полицай захочет на шнапс заработать, возьмет тебя за шкирку и поведет домой, соврет, что не уступил дорогу гитлеровцу. Родители рады будут любой ценой тебя выкупить.

Коля насупился, прикусил губу и мысленно поклялся не бояться фашистов, а чтобы тверже держаться, представил себе, что он разведчик, что идет по вражескому городу со специальным заданием партизан...

Вдруг из-за угла с воем и визгом сирен выскочило шесть автомобилей с черными будками.

Коля вздрогнул, но не шарахнулся в сторону.

— Черные гробы! — в один голос воскликнули ребята.

Коле показалось, что даже они, ко всему привычные, испугались.

Визжащие, громыхающие автомобили промчались мимо, заполнив воздух пылью и сизым смрадом. А на следующем квартале начали останавливаться. Один затормозил на углу крайнего дома, второй — посредине квартала, третий — в конце. Остальные, обогнав их на бешеной скорости, с визгом завернули влево.

— Алесь, ваш квартал оцепляют! — сказал Бронислав тихому черноголовому мальчишке.

Тот остановился, побелевшими глазами прося поддержки.

— Беги, приемник свой прячь! — в самое ухо прошептал Костик.

— Он на чердаке, только батарейки в комнате.

— Надо быть дома, а то матери влетит, — прошептал Броня. — Приказ коменданта читал?

Алесь даже удочки бросил и помчался во все лопатки.

— Недавно был приказ коменданта о мальчишках старше двенадцати лет, — стал пояснять Бронислав. —

Если нету дома во время облавы или проверки, будут считать, что ушел в партизаны.

От этих слов под ложечкой у Коли заledenело, ноги отяжелели. А тут навстречу сразу три фашиста, да еще пьяные.

— Вот от таких лучше подальше,— сказал Броня, и вся компания юркнула в первую же калитку.

Вышли из чужого двора, лишь когда пьяные фашисты прошли мимо и не стало слышно их голосов.

Вскоре двое мальчишек повернули направо, а Бронислав с Колей прошли еще немного и вошли в небольшой дворик, окруженный облупившимися двухэтажными домами, похожими на общежитие. Во дворе стоял огромный дуб, под которым на скамейке сидела старушка.

— Коля, подожди меня здесь, я отнесу рыбу и выйду,— сказал Бронислав и вошел в дом.

Коля боялся, что бабка станет выспрашивать, кто да откуда. Но она молчала, словно и не замечала робко прикорнувшего на другом конце скамьи подростка.

Но вскоре Броник выскочил из дома и зазывно махнул Коле рукой. А когда тот подошел, прошептал, чтоб не услышала бабка:

— Я рассказал маме про твою сестру, она велела позвать тебя в дом. Сама поговорит.

Коля попал в неожиданно уютную просторную квартиру из двух комнат и большой кухни, где на железной печке что-то варилось. Его приветливо встретила мать Бронислава, полька, говорившая по-русски с сильным акцентом.

Пол в комнате, в которую привела Колю хозяйка, так блестел, что на него боязно было наступать, и Коля с презрением смотрел на свои запыленные рваные ботинки. Поняв его состояние, хозяйка сказала, чтобы не стеснялся, пол легко моется. Усадив гостя на мягкий

стул, на каком тот отроду не сиживал, хозяйка положила руку ему на плечо и тихо проговорила:

— Ти мена не бойсь, Коля, бо есть я полька-навчителка. Мое срцо боли пре все детя. Скаж, когда твоя сестрица попала до немецка?

Коля мало-помалу ободрился и рассказал все о сестре и тетке Христе с ее дочерью.

Выслушав его, учительница сказала, что надо обдумать, с чего начать розыск, посоветоваться с мужем.

— Вацлав днесь на обед не пршиде,— сказала она, видимо, о главе семьи.— Мойте руки. Пообедаем, потом думаем.

Умывшись, Коля развернул свою котомку и несмело предложил застывшие и уже посиневшие полукартофельные-полупшенные олады.

Хозяйка взяла одну. Разрезала на четыре части. Четвертинку положила на блюдечко и накрыла крышечкой от кастрюли. А остальные разложила по трем тарелкам и поставила на стол.

— Вот и хлебчик в нашем домке зъявился,— оживившись, сказала она сыну, а Коле пояснила, что с самой весны у них вместо хлеба рыба, которую ловит Броник, да свекла или брюква, которую муж получает на работе. Он механик авторемонтной мастерской.

Суп был прозрачный, заправленный мелко нарезанной травкой. Что это за травка, Коля не стал спрашивать. Видя, как уплетает этот суп его новый товарищ, как бережно откусывает от своей четвертинки оладышка, Коля понял, что городские живут намного хуже деревенских. Он не вытерпел, принес все свои запасы и, несмотря на решительный протест хозяйки, заставил Броника съесть целую оладью.

После обеда хозяйка сказала, что если Вера и оставлена в городе, то найти ее не так-то просто. Нужно время. И заниматься этим должны не дети. Она обещала за

неделю все узнать и сообщить. Только надо оставить адрес. Может, кто пойдет в деревню, передаст.

И тут Коля спохватился, что он не знает даже фамилии тетки Христи, хотя и назвал ее деревню. Голова закружилась от стыда, что он обманул эту добрую женщину. Но тут же нашелся:

— Лучше я через несколько дней сам приду к речке и встречусь с Броником.

— Наилепше! — подхватила хозяйка. — Приходи на ту субботу.

На том Коля и Броник ушли из дома. Теперь Коля уже освоился с городом и решил пройти по набережной. Еще когда вышел из лодки на левый берег Припяти, его тянуло пройти по ней и все высмотреть. Но впервые так близко увидев фашистов, он не посмел об этом даже заговорить с ребятами. А теперь, как только вышли из дому, сказал:

— Броник, я ни разу не ходил до конца набережной.

— Там хороший парк. Раньше были всякие игры. А теперь полно немцев, — отвечал Броник. — Там у них разные укрепления. А когда Красная Армия перешла Днепр, там даже пушки выкатили в парк и на речку нацелили. Люди смеются, говорят: гитлеряки боятся наступления лягушек с Пинских болот. Пойдем, сам увидишь. Только я тебе дам удочку и котелок, чтоб тоже на рыбачка был похож.

Он сходил в конец двора, где стоял ветхий, покосившийся сарай, принес два удилица из лещины и огромную банку с дужкой от ведра.

Закинув по паре удилиц на плечи, рыбачки отправились в парк, откуда набережная тянулась до самого моста, близ которого стояли лодки горожан, в том числе и Броникова.

В парке обычных празднующихся не было. Не

встретили здесь ребята и немцев. В левом, возвышенном углу парка, под прикрытием старых развесистых кленов стояло три зеленых орудия, нацеленных на юго-восток. Возле орудий ходили два автоматчика в касках. Поодаль виднелся домик, окрашенный в тот же зеленый цвет, что и пушки.

— Там их живет больше десятка,— кивнул Броник.— Один раз им прямо на крышу шарахнули связку гранат. Теперь крыша новая.

— А фрицы?

— Тоже другие. Тех вон там зарыли, где раньше была волейбольная площадка. Теперь они, видишь, колючей проволокой обгородились. Да все равно издали можно метнуть так, что...

Броник умолк. Навстречу в ногу шли три солдата. Наверно, на пост к тем орудиям.

Коля теперь уже не шарахался от немцев, а лишь по примеру Бронислава сошел с дороги. Немцы прошли, не обратив на ребят никакого внимания.

— А вот там зенитная установка. Пушка и спаренный пулемет,— сказал Броник, когда дошли до другого угла парка.— Только здесь надо проходить быстро, а то Рыжий шею намылит. Тут всегда топчется рыжий ефрейтор с усами и с челкой, как у Гитлера. Не разрешает даже замедлять шаг, всегда орет: «Вэк! Вэк!»

Мимо зенитной точки прошли быстро, вприпрыжку. И только спустившись из парка на набережную, пошли спокойней. А когда миновали пристань, Броник шепнул:

— Слева дот. Не пяль глаза.

Коля учел это замечание и не очень-то разглядывал дот. Он шел размеренно, мысленно считая свои шаги. Отошли шагов двести от зенитки и поравнялись с огромным блином из бетона. Из-под глянцевого-серого блина чернело оконце.

— Амбразура,— шепнул Броник.— С той стороны, от речки их еще четыре. И в каждой по пулемету или по винтовке.

Коля шагал по песчаной набережной, как по раскаленной сковороде. Ему казалось, что со всех сторон в него впиваются своими злыми глазами фашисты и вот-вот спросят: «А что это ты считаешь шаги? Зачем тебе знать, на каком расстоянии от зенитки стоит первый дот и второй?» Сзади его, казалось, что-то даже подхлестывало. Но он не переставал считать.

От зенитки до первого дота было двести тридцать шагов.

От дота до двора, в котором стоял огромный тягач и десяток крытых грузовиков,— триста десять.

И почти против этого же двора опять дот с торчащим из амбразур дулом станкового пулемета.

Дальше ничего такого не было видно. И Коля спросил у Броника, будет ли еще что-нибудь такое же страшное.

— Только возле самого моста есть еще один дот. Там хозяйничает толстый немец. Он крупную рыбу отнимает. Но не дерется.

Коля нарочито облегченно вздохнул и перестал считать шаги, мысленно закрепив в памяти то, что насчитал.

Наконец подошли к причалу. И когда вошли в лодку, Коля снова посмотрел на виселицу. Стало еще страшней, чем утром. Там теперь висели совсем другие люди. Их было семеро. И под ними во всю ширину перекладины плескалось алое полотнище, на котором чернели огромные буквы: «Пинские городские партизаны».

— Теперь у нас говорят: виселица — главная примета захваченных фашистами городов.

— Страшная примета! — хрипло прошептал Коля и сел на корму лодки спиной к городу.

— А тут ничейной лодки нету? — спросил он, когда отчалили.

— Зачем тебе? — удивился Броник.

— Я бы сперва по Припяти, а потом по протоке до самых Бульбовичей добрался.

Не мог же он сказать, что лодка нужна партизанам.

— Мимо дотов еще страшней. Немцы расстреливают всех, кто плавает мимо их укреплений.

Дальше плыли молча. Коля нарочито высоко поднимал удочку, чтобы издали видно было, что они отправились на рыбалку.

Лодка была уже на середине реки, когда в стороне пристани раздался взрыв, от которого Коля вздрогнул и так быстро обернулся, что лодка наклонилась и зачерпнула воды. Взрыв перешел в трескучий рокот, и Броник успокоил Колю:

— Это моторка. — А внимательно присмотревшись, уже не так беспечно прошептал: — Речная полиция.

Коля невольно сжался, как тогда, когда увидел на тротуаре идущего навстречу фашиста. По середине реки прямо сюда неслась белая лодка с красной чертой по борту. Нос ее был задран так высоко, что не видно было, кто в ней сидит. Изредка показывалась только белая фуражка с высокой тульей и какой-то непонятной отсюда позолоченной эмблемой. Но Броник и по фуражке узнал, кто это, и тревожным голосом стал наставлять друга:

— Сиди спокойно. Мы оба городские. Документов у детей не спрашивают. Разматывай удочки и молчи. Я сам буду отвечать на все вопросы.

— А кто это? — побелевшими губами прошептал Коля, вполне уверенный, что моторка несется прямо на них.

— «Ястреб»! — тоже испуганно ответил Броник. —

Так прозвали эту моторку за то, что носится быстрее всех. От нее не уйдешь.

— Да я не про саму лодку, а кто в ней.

— А-а, это речные полпцаи. На середине — Кирилл, а у руля Арсентий Чимарко. Отец у них бакенщик. До войны был советским. А теперь кормит рыбой самого коменданта.

Большая моторная лодка редела и надвигалась на утлую плоскодонку, словно океанский корабль на щепку. Вот-вот раздавит, утопит, уничтожит. Так казалось Коле. Но Броник продолжал спокойно грести к берегу. И когда «Ястреб» совсем приблизился, Броник ловким движением весел поставил свою лодчонку поперек огромной пенистой волны.

— Эй, голопузые! Рыбачить только до заката солнца! — раздался с «Ястреба» зычный голос, усиленный рупором.

Лодку подшвырнуло на гребень волны, закачало, заплескало. Но рев мотора уже пронесся и быстро удалялся, замирая.

— Это Кирилл. Голос как иерихонская труба, — заметил Броник.

— Дерется?

— Не. Зато, как пронесется на своем «Ястребе» да в рупор поорет, целый час потом рыба не клюет.

Причалив к берегу, ребята рассудили, что сразу пускаться Коле в лес нельзя. Кто-нибудь заподозрит Броника, что перевез партизана. Надо порыбачить, побродить по берегу и так, между прочим пройти, в ольшаник.

Устроившись в лодке, они начали рыбачить. А тут и «Ястреб» вернулся. Он пронесся мимо юных рыболовов, не обратив на них никакого внимания. И как только волна улеглась, Броник сказал:

— Солнце садится, мне пора, а то заберут в комендатуру. А ты шпарь. Только от берега до ольшаника иди не напрямик. Сперва прогуляйся вдоль речки с удочкой, а уж потом отходи, будто на старицу. Ну, до субботы,— и он тряхнул крепко сжатым правым кулаком.

Коля не отошел еще и десятка шагов, высматривая что-то на берегу, как Броник его окликнул:

— Стой! — и сам подбежал к нему.— А что, если я оттолкну одну лодку к середине речки, пусть себе плывет. Фрицам сверху видно, что пустая, да еще такая старая,— стрелять не станут. Ну а продырявят, не велика потеря. Это ничейная лодка, хозяина повесили за расклейку листовок.

«Хоть лодка его послужит партизанам»,— мелькнуло в голове Коли.

— Попробуй, я за излучиной реки подожду дотемна. Если она пройдет мимо фашистов и не прибьется к берегу, я разденусь и догоню ее.

— Ты так хорошо плаваешь? Тогда жди, только не сразу за косой, там бакенщик живет. Кирилл и Арсентий часто плавают к отцу за рыбой. Все выслуживаются перед комендантом. Ты отойди километра два и жди.

— Бакенщик на левом берегу? — уточнил Коля.

— Да.

И Коля, оставив удочку в лодке, ушел. В ольшанике оглянулся: Броник уже подплыл к причалу. Оставив свою плоскодонку, он пошел по берегу, и Коля за кустами потерял его из виду. Однако вскоре он увидел выплывающую на середину реки лодку без гребца.

Лодка была старая, но приметная, с бляшкой на носу и большой свежей заплатой на борту. Она одиноко и словно бы нерешительно уплывала от причала.

Коля мысленно поблагодарил Броника и стал быстро пробираться по ольшанику.

КЛЯТВА В РАЗВЕДКЕ

Солнце зашло, и над Припятью, словно поземка, тянулся туман. Коля сидел в лозняке у самого берега и внимательно смотрел на широкую, молчаливую гладь воды. Посредине реки то сходились, то расходились огромные водовороты.

Если лодка, спущенная Броником, попадет в такую коловерть, ее будет крутить на месте и она не скоро вырвется на стрежень. Да где он, тот стрежень, на Припяти? Река эта, хотя и многоводна, но ленива, тихходна, и нет у нее быстрины — сплошные круговерти.

Уже темнеет, а лодки не видно. Да и ничего не видно на Припяти в этот поздний час. Зря только время терял.

«Еще немножко посижу да и пойду берегом до самых сараев». Но только он так подумал, как по камышам и лозам, словно сенокосилка, прошла пулеметная очередь. Коле показалось даже, что несколько пуль просвистело над его головой. Он пригнулся. И действительно увидел, как, точно пчелы, обгоняя одна другую, над ним проносились светящиеся пули. Где-то совсем недалеко строчил пулемет.

Но вот стрельба утихла. На смену ей пришел звонкий стрекот мотора. Коля затаился в кустах.

Из-за высокой песчаной косы, поросшей густым лозняком, вынеслась уже знакомая Коле моторная лодка. Полицай Кирилл Чимарко сидел с ручным пулеметом и стрелял то по одному, то по другому берегу. Коля прилип к земле ни живой ни мертвый. Знал бы такое, загодя укрылся бы за песчаным валом, который тянется вдоль всего берега. А теперь вся надежда только на авось.

Вспомнилось предупреждение Броника о том, что немцы по вечерам обстреливают из дотов противополож-

ный берег, пристреливаются к каждому кусту, за которым мог бы кто-то прятаться.

Но Броник не говорил, что речная полиция тоже стреляет. Поэтому, когда на реке раздался стрекот мотора и тут же на стрежень выскочила лодка с пулеметом на носу, Коля решил, что это по его душу, и залез подалее в кусты. Он, казалось, целую вечность лежал, пока мчалась вниз по реке лодка и стрелял пулемет. Но стрельба вдруг прекратилась, и стрекот лодки пронесся назад. Снова на реке стало тихо.

Туман темно-синей стеной поднимался над рекой. Вскоре не стало видно даже до середины реки.

«Все пропало! — подумал Коля. — Если даже плывет лодка по реке, то наши не заметят в таком тумане».

Коля с трудом пробирался по берегу, густо поросшему лозой, которая свисала ветвями до самой воды. Потом попался заболоченный ольшаник с кочкарником и трясинной. Коля выбился из сил и в полночь уснул у обрыва.

Очнулся он от того, что кто-то лизнул щеку шершавым обжигающим языком и даже зачавкал, как дикий кабан. Вскрикнув, Коля сорвался в речку. Так с головой и ухнул в холодную воду. В страхе он сперва хватался за скользкий торфянистый берег, нависавший здесь тяжелым козырьком, потом немного пришел в себя и поплыл вдоль берега, пытаясь разглядеть место, где можно выбраться из воды. Одежда на нем сразу отяжелела и потянула ко дну. Он захлебывался и хотел было крикнуть, позвать на помощь. Но сознание того, что здесь никто не поможет, подхлестнуло его, и он сильнее замахал руками и ногами. Наконец ухватился за ветку, свисавшую до самой воды. Взялся обеими руками и держится, а вылезти не смеет: вдруг там напротив стоит тот, кто лизнул ему щеку. Присмотревшись в темноте, освещаемой только звездами, заметил, что дальше по течению такие ветки свисают сплошными космами. Он стал перехваты-

ваться от одной к другой и, когда берег позизился, вылез из воды. Стоя на месте, прислушался, присмотрелся.

На берегу поблизости не было ничего такого, что могло напугать. И только теперь он понял, что дует сильный порывистый ветер, пронизанный мелким, как песок, дождем. Сел на переплетенные ветки лозы, чтобы отдышаться. Вдруг по лицу его жгуче хлестнуло чем-то шершавым и мокрым. Шарахнулся было опять к воде. Но, ухватившись за лозину, догадался: хлестнуло его мокрой от дождя веткой, подхваченной и брошенной сильным порывом ветра. Так, видно, было и в первом случае. Но тогда он спросонья не понял, что это такое, и принял ветку за язык живого существа, обливающего своего жертву.

Поднявшись, он решительно направился вперед. Но с промокшей одежды текло, в ботинках чавкало, и он стал мерзнуть. Теперь он боялся, что простудится и не доберется к партизанам. А тогда все, что он узнал и увидел в городе, так и останется при нем. Чтобы согреться, он решил бежать. Брызги летели от него во все стороны, но теплее не стало. Остановился. Разулся. Сбросил с себя одежду и начал поочередно все выжимать. Сильней всего старался над рубашкой. Потом ею же, как полотенцем, начал растираться. Сначала законеченное тело не чувствовало ничего. Но потом тело начало согреваться, кое-где от сильного трения саднило. Но он тер и тер, пока не устал до изнеможения. Еще раз выжал рубаху, быстро оделся и сразу же побежал изо всех сил.

К рассвету Коля попал в болото, которое, словно речка, впадало в Припять. Попытался пробраться по нему с помощью выломанных палок. Но болото становилось все ниже, все непролазней. Наконец впереди блеснула вода. И Коля понял, что это заболоченный берег ручья,

впадающего в реку. Может быть, даже того ручья, через который он переводил тогда партизан по кладке.

Идти до кладки вдоль болота — это долгое дело. Здесь может быть не меньше пяти километров. И усталый, окоченевший, он решил забраться в реку и по воде миновать болото. Вброд обойти не удастся. Это он знал. Там, где впадает в речку даже маленький ручей, дно так затоплено тиной, что обойти ее можно по стрелю реки. Пришлось снова раздеться, связать одежду в узел и, держа его над головой, лезть в воду.

На этот раз плыть было трудней. Устал за беспокойную ночь, перемерз. Но, к счастью, плыть пришлось метров двадцать, не больше. Выбравшись на берег, Коля повторил и обтирание и выжимание одежды. Но теперь после этой процедуры он так устал, что не только бежать, но и просто идти, пробираться сквозь переплетенные прибрежные лозняки, больше не мог. Он выбрал местечко повыше и сел. Ветер тут же пронизал его своими холодными колючками. Но он, ни на что больше не обращая внимания, уснул.

Разбудил его громкий возглас:

— Найденыш! Товарищ командир, это наш Коля!

Коля вздрогнул. Но, не открывая глаз, повернулся на другой бок, еще больше скрючился и засопел. Ему снилось, что он у партизан. Но спать ему больше не дали. Кто-то перевернул его на спину и начал снимать рубашку, приговаривая при этом:

— Закоченел. Совсем закоченел.

Коля вздрогнул, открыл глаза и сел, готовый бежать. Над ним на корточках сидел освещенный солнцем Моряк.

— Окоченел, ми-иный! — протянул он дрогнувшим голосом. — Давай-ка скорей растираться да переодеться в сухое.

Коля еще мало что понимал, но ему стало хорошо

и нестрашно — попал к своим. Как это случилось, сейчас не важно. Раз свои, пусть делают с ним что хотят. И он опять опрокинулся на спину, теперь уже на что-то сухое. А его терли, растирали, похлопывали добрые, заботливые руки.

— Спирту бы или хоть самогонки, чтобы согреть,— слышал Коля.

— Да, а то, несмотря что июль, воспаление легких схватит мальчонка. Ну, как там у тебя, не кипит?

— Закипает, товарищ командир,— отвечает голос издали.

— Поднимай мальчонку,— сказал командир,— а я брошу ромашку в кипяток, согреем ему нутро.

Коля открыл глаза и сел. Ему тут же надели сухую рубашку, пиджак. Он встал и уже сам натянул чьи-то большие, но такие теплые и мягкие штаны. Не было ни ветра, ни дождя, ни холодного шершавого языка, так предательски его лизнувшего. Было солнце, были люди, свои, настоящие.

* * *

Партизаны «Варяга» уже поняли, что каждый вечер со стороны Пинска в течение получаса строчит пулемет. Неясно было только, в честь чего ведется эта методическая стрельба. Или это какая-то учеба, или расстрелы пойманных за день людей, неугодных фашистам. А на третий вечер после исчезновения Коли часовой, дежуривший на берегу Припяти, сообщил командиру, что стрельба, начавшаяся, видимо, в городе, быстро нарастает, приближается по реке. Весь отряд по боевой тревоге вышел из сарая и расположился среди кустарника на возвышении, с которого далеко просматривалась водная гладь. Стрельба длинными очередями действительно приближалась. Но минут через двадцать прекратилась. И больше не возобновилась.

Как ни присматривались партизаны к ночной реке, ничего не было на ее поверхности такого, что помогло бы разгадать причину столь длительной стрельбы. И вдруг боец, находившийся в секрете у самой реки, заметил пустую лодку, плывущую по самой середине. Он доложил об этом командиру. На перехват лодки были посланы двое. Один, не уверенный, что лодка все же пустая, с берега держал ее на прицеле. А другой поплыл наперерез, готовый нырнуть с головой, как только заметит какую-то опасность. Но лодка оказалась действительно пустой.

Партизан забрался в нее и, обнаружив на дне шест, быстро подогнал ее к берегу.

Лодку вытащили и заметили, что верхняя доска левого борта прострочена пулеметной очередью. Нашли несколько пробоин и у самой ватерлинии, обозначавшейся когда-то краской, теперь уже почти начисто облупившейся. Прострелен был и жестяной набалдашник на носу.

Напрашивался только один вывод: кто-то плыл в этой лодке, и его обстреляли.

Что с ним? Утонул, убитый? Взяли в плен? Или сумел уплыть?

На рассвете Моряк дотошно осмотрел простреленную лодку, приказал ее вытащить на берег, позабавить колышками пробоины и спрятать где-нибудь в камышах. А сам все никак не мог понять, что же произошло в лодке.

На лодке не обнаружено ни крови, ни каких-то других следов раненого. А при такой стрельбе не ранить человека не могло, даже если бы он лег на дно. Судя по этому, командир предполагал, что гребец нырнул с лодки еще до стрельбы по ней. И может быть, спасся. Если он местный житель, то, конечно, уплыл на правый, болотистый берег, где легче спрятаться.

Так поразмыслив, командир пришел к выводу, что надо пройти по всему берегу примерно до того места, где прекратилась вечерняя стрельба. Если же на этом берегу никого не обнаружат, перебраться на левый. Может, человек ранен, нуждается в помощи.

Взяв двух бойцов, Моряк отправился по берегу в сторону города. И вот они набрели на того, кого и не ожидали увидеть уже вообще.

Когда Колю отогрели ромашковым чаем и рассказали про лодку, тот вскочил от радости. По перечисленным приметам он узнал свою лодку.

Когда вернулись в лагерь, командир сразу же потребовал уложить мальчонку спать. Но тот запротестовал:

— Пока не расскажу все, что узнал, спать нельзя.

— О сестренке что-нибудь узнал? — участливо спросил Моряк.

Коля сник и коротко рассказал о том, что узнал о Вере. А потом стал подробно рассказывать обо всем, что увидел в городе, занятом врагами. И в заключение нарисовал в блокноте командира набережную, обозначил все огневые точки и проставил расстояния между ними.

Командир, тут же измерив его шаги своими, перевел их в метры.

— Ну а теперь спи, — приказал Моряк. — За самовольную отлучку из отряда тебя надо наказать. Но за разведку объявляю благодарность и зачисляю в отряд.

— И партизанскую клятву буду давать? — Коля так и встрепенулся.

Командир закрыл свой блокнот и, как бы взвешивая его, сказал сурово:

— Это вот и есть твоя клятва. Ты поклялся не испу-

гаться фашистов, когда шел по городу, и не испугался. Поклялся пройти по набережной, все разузнать и так сделал. Клятва в разведке — это самая верная клятва.

КЛАД ТОДОРА

Из того, что сообщил Коля, партизан больше всего обеспокоили сведения о бакенщике. До этого командир считал, что бакенщик может стать их помощником в предстоящей операции. И вдруг оказалось, что его сыновья в полиции, а значит, это не тот человек, на которого можно положиться. Теперь встал вопрос лишь о том, чтобы его обезвредить.

Правда, в глубине души Моряка одолевали сомнения в достоверности принесенных Колей сведений об этом человеке.

Дело в том, что, служа в Пинской флотилии, Сергей не раз встречался с бакенщиком. Это был многодетный человек, трудолюбивый и очень добродушный.

Когда в тысяча девятьсот тридцать девятом году Полесье было освобождено от ясновельможных, Чимарко стал получать большую помощь от Советской власти как многодетный. И конечно, был предан новой власти. Но что произошло с человеком за время оккупации, почему он переметнулся к фашистам? Все это надо было выяснить. А может, в доме Чимарко живет теперь совсем другой человек?

Тут-то Колина лодка и сослужила партизанам неоценимую службу. Моряк взял с собой трех автоматчиков, дал каждому по гранате, и, как только на речку пал вечерний туман, лодка отчалила. Веслами гребцам служили шесты, добытые в стрехе сарая.

Совсем стемнело, когда партизаны оказались возле дома бакенщика. Но они долго не выходили на берег, стояли под кручей, прислушивались, присматривались.

И не зря. Только было собрались подняться на берег, как из дому с веселым говором вышли двое парней и стали спускаться к реке. Тропинка от дома шла по круче, висевшей над водой, так что парни прошли над головами притаившихся в лодке партизан. За поворотом парни умолкли. Раздался скрежет цепи. И вдруг взревел лодочный мотор. На реку, к противоположному берегу, пал луч прожектора.

«Значит, правда, что сыновья бакенщика стали полицаями!» — подумал Сергей и, крепко сжав автомат, с трудом сдерживал себя, чтобы не дать очередь.

Лодка рванулась и, быстро набирая скорость, унеслась в сторону Пинска.

— Может, зря упустили этих гадов? — прошептал сидевший рядом с командиром Соколов, отважный, но неосторожный партизан.

— Разберемся.. — так же шепотом ответил Моряк и махнул гребцу, чтобы подогнал лодку к причалу.

Один остался в лодке. А трое пошли к дому. Удивились, что не было собаки. Сергей помнил злоющего волкодава, который когда-то встречал его захлебывающимся лаем. А теперь постучали в дверь, потом в окно — и ни лая, ни скуления. Хозяин молча вышел в сени и, широко распахнув двери, спросил:

— Вернулись? Чего вы?

И вдруг попятился.

— Кто вы? В чем дело?

— Зажгите свет, — сказал Моряк, узнав по голосу прежнего бакенщика. — В дом мы можем и не заходить, зачем будоражить семью. У вас ведь по-прежнему семеро по лавке бегают.

— И двое на полицейской моторке по реке носят, — невпопад добавил Соколов.

Командир его одернул. Он-то хотел настроить хозяина на мирный разговор, исподволь напомнить о

себе. А теперь все было испорчено. Пришлось сразу же переходить на официальный тон.

Бакенщик, пошарив рукой возле двери, зажег фонарь. И при свете его стал рассматривать пришельцев.

Чтобы не терять времени, Моряк напомнил о себе, назвавшись только по фамилии.

— Сережа! Механик с «Варяга»! — сам вспомнил старик. — Как же не помнить, Арсентия моего учил на баяне играть.

— Это он сейчас на моторке унесся? — спросил Моряк.

— Оба старшие служат, — печально ответил бакенщик. — Но об том так, на ходу, не поговоришь.

— Нам прежде всего об этом и хотелось потолковать, — признался Моряк.

— Тогда идемте в их хату, она сейчас пустует.

Вошли в новую пристройку к дому. Здесь действительно стоял нежилой дух. Хозяин поставил на стол фонарь и первым делом предложил выпить и закусить. Но Сергей ответил, что они сыты. А пить будут в день победы.

— Впервые попались неголодные партизаны, — с осторожной улыбкой сказал бакенщик.

— А часто они к вам заходят?

— Зимой реже, летом чаще, — уклончиво ответил хозяин.

— Местные или далекие?

— Больше всё проходящие. Местные знают, что сыновья в речной полиции, так гнушаются и заходить.

— Может, остерегаются? — уточнил Сергей.

— По-всякому.

— Ну а мы и не гнушаемся и не боимся. — Сергей обратился к своим: — Ребята, идите постоитте, один возле дома, другой возле причала.

Только партизаны вышли, хозяин сел на табуретку против старого знакомого и сразу заговорил смелей и откровенней.

— Так вот, Сергей, твой бронекатер «Варяг» стóит в камышах наполовину затопленный. Мотор Арсентий залил солидолом, чтоб не проржавел. В речную полицию сыновей заставил пойти кто-то из больших советских начальников. Того я точно не знаю. Перед нашими людьми мои сыны чисты, как и я. Это ты потом узнаешь и от людей. А сейчас помни одно: подашь сигнал, катер подыдем. Даже насос для этого дела тоже в солидоле своего часа дожидается. Вдобавок собрали тысячи полторы патронов. Да и взрывчатка найдется,— и хозяин решительно встал.

Сергея это признание ошарашило. Он молча и долго тряс сухую мозолистую руку бакенщика. Наконец сказал:

— Если так, то взрывчатку давайте сразу же.

— Она в десяти километрах отсюда, на той стороне речки.

От волнения Сергей начал ходить по комнате.

— Где же вы все это набрали? — спросил он.

— То еще в сорок первом, наши солдаты, что охраняли воинский склад, погибли на посту. Подорвать не успели. Оттуда потом люди тащили всякую всячину — и еду и одежду. А мы с сынами — боевые припасы. У нас и винтовки были, да понемногу раздали тем, кто выбирался из окружения.

— И все это на той стороне реки? — все еще недоумевал Сергей. — Там же сплошные болота, где там хранить!

— Для кого — сплошные. А я знаю там каждый сухой грудок. Заведу и выведу.

«Может, мы на тех кладовых сидим и не знаем!» — подумал Сергей.

— Так это из пулемета вчера вечером стреляли ваши сыновья? — неожиданно спросил Моряк.

— Они. Приказ получили отпугивать от берегов партизан. А сегодня еще такое придумал комендант: на тот берег никого не пущать, даже мальчишек с удочками. Как увидишь что живое на том берегу — стреляй.

Моряк невольно вспомнил о том, что Коля обещал дружку прийти к нему в субботу на рыбалку, чтобы узнать что-нибудь о сестре. Значит, это дело теперь неосуществимо...

— Когда можно будет увидеть боеприпасы? — спросил Моряк.

— Хоть завтра! — с готовностью ответил Чимарко. — За день мы управимся.

— А можно вам на целый день отлучаться? Вы ведь тоже у них как будто служите.

— Каждый день пуд рыбы на стол коменданта вынь да положи. С утра до полуночи с сетями. Так что день для себя могу урвать.

— Да вот еще, Егор Степаныч, нет ли у вас в запасе большой лодки с веслами?

— Отчего же? Есть четырехвесельная, есть дуб — на нем воз сена можно увезти.

— Нам поскромней да полегче.

— Ну то сразу и отвяжу ее. А вы на чем сюда? По берегу?

— На плоскодонке.

Вышли во двор, Моряк подозвал Соколова. Спустились к реке. Осмотрели четырехвесельную ладью, в которой мог поместиться весь отряд. Сели в нее, а свою взяли на буксир. С бакенщиком договорились чуть свет встретиться на той стороне реки в Черной старице, которую Сергей знал с довоенных времен.

— Ну а насчет катера, придет время, решим, что делать, — сказал Моряк, прощаясь с бакенщиком.

— Да-а,— поглаживая затылок, протянул Соколов, когда лодка отчалила.— Или же старик истосковался в ожидании освобождения и всеми силами старается нам помогать, или же хочет сыновьям карьеру сделать.

— Карьеру...— с сомнением качнул головой Моряк.— Пораньше бы, когда кое-кому казалось, что фашисты — на коне. А теперь, когда освобожден Киев, поздно думать о такой карьере. Но меры предосторожности надо принять...

Партизаны «Варяга» прошли около ста километров по Пипским болотам, пробираясь к Припяти. Но и не подозревали о существовании таких непролазных топей, таких речных лабиринтов, в какие бакенщик завел Сергея с Соколовым и еще одним автоматчиком. Часа

три петляли на лодках по речушкам и протокам, по старицам и озерам. Наконец среди камышей, где вспугнули целую тучу уток, причалили к высокому песчаному острову с тремя огромными довольно свежими сосновыми пнями.

— Тут стояли вековые сосны. По ним издали виден был остров,— выйдя из лодки, пояснил Егор Степанович.— Так мы с сынами их срезали, чтобы не маячили. Теперь никто, кроме нас, не найдет этого места.

— Да, найти этот остров в таком водном лабиринте мудрено,— заметил Моряк, выбравшись на сухой, поросший сочной травой остров.— А куда ж вы те сосны дели? Пожгли? — заведя в середине острова пепелище, спросил он.— Так нет, на пепелище уже березки растут, не меньше как пятилетние.

— То правда, тому пожарищу лет семь. А березки взошли на другой год после пала,— ответил бакенщик и кивком головы указал в конец острова, где между ольховыми кустами желтели штабеля дров, по-хозяйски прикрытые сеном.

— В начале войны делать было нечего, так хлопцы мои распустили те сосны на доски да и дровишек запасли. Может, кому тут и пригодятся. Вон люди бегут в лес от тех живодеров да ютятся потом в курепях. А мы из готовых плах можем в один день сбудовать какое-никакое жильё.

Сергея и его двух товарищей больше всего заинтересовало пепелище, поросшее березками. Бакенщик это понял и сказал, что здесь был большой деревянный дом.

— Еще после войны с Японией забрался злода солдат Тодор с женой,— подходя к березнячку, рассказывал Чимарко.— Ему грозила каторга. Он и сбежал от ясного пана. Да так тут и обосновался. Появился у него дом и семья. Так и жил бы. Да те сосны выдали.

Как-то во время зимней охоты пан спросил у своих сгерей: «А что за деревья посреди болот? Я там никогда не бывал». «Туда ваш конь не пройдет: болота незамерзающие», — ответили ясновельможному. «Становитесь на лыжи, а меня на санях везите!» — топнул пан.

Так и пробрался волчий бес на тайный хутор Тодора. Пробрался и узнал в Тодоре того самого солдата, что заковал покойного графа в кандалы, уготованные ему самому. Ага, так было. То и дед мой Иван подтверждал.

Провипислся как-то Тодор перед паном, и тот велел заковать его в кандалы. Отковал кузнец кандалы для Тодора, принес пану и положил на стол. Полюбовался пан на добрую работу. Ну, говорит, завтра и загремит мой враг на каторгу в этих кандалах. А ночью Тодор забрался в горницу через окно и самого ясного пана заковал в те железяки...

Так перед самым приходом Советов и нащли паны Тодора. Дом спалили, самого — в картуз-березу. То была у нас тюрьма для тех, кто против богатых. А семью выслали куда-то...

Вот и мы, как началась война, облюбовали это место про случай, если от тех гитлеряк тикать придется. Под пожарищем оказался глубокий погреб. Крепко сбил Тодор дубовый сруб, вода не проходит. Там и устроили мы свой схрон. Даже запас еды поддерживаем про всякий случай.

С этими словами бакенщик вошел в густой березнячок. Деревца были ему по плечо. Отвернул две сбитые вместе обугленные половицы. Показалась дубовая крышка погреба.

— Вы тут постойте, а я спущусь, — сказал Егор Степанович и, приподняв тяжелую крышку, влез в подземелье.

Тотчас внизу блеснул красный огонек фонаря.

Сергей заглянул в тайник. По крепко сбитой лестнице бакенщик поднимал наверх что-то тяжелое.

— Держите! — крикнул он снизу и подал цинковый ящик.

Сергей так и вздрогнул от радости — это был ящик с толом.

— Тут их всего восемь, — глухо донеслось из под-земелья.

— Степаныч! Давай пока половину.

— Такое богатство! — воскликнул Соколов.

— Есть еще и гранаты, — пробубнил, как из бочки, старик, — Сыны говорят — против танков они.

— Много их у вас? — нагнувшись в люк, спросил Сергей.

— Четыре.

— Давайте все сразу.

Патронов Сергей пока не стал брать. Самым дорогим сейчас была взрывчатка.

Возвращаясь с острова, партизаны чувствовали себя сильными, уверенными, хотя перегруженную лодку в каждый миг могло захлестнуть водой и потопить.

СЫНОВЬЯ БАКЕНЩИКА

Убедившись, что бакенщик не обманул, партизаны тут же назначили встречу с его сыновьями, работающими в речной полиции. На следующее утро, в воскресенье, Кирилл и Арсентий прибыли в гости к отцу, как всегда на моторной лодке.

На случай, если за братьями немцы следят, партизаны заранее места встречи не назначали. А когда возле хутора остановилась моторка, подали бакенщику условный сигнал.

Наскоро переодевшись в домашнее, сыновья отправились на весельной лодке туда, куда указал отец. Из

Припяти поднялись по одному из притоков, а там их встретил партизан и повел по лесу.

Кирилл и Арсентий были уверены, что их приведут в лагерь большого партизанского отряда, о котором после обстрела бронекатера ходили в городе легенды. Казалось даже, немцы сами раздували слух о том, что Припять до самого Днепра оседлана партизанами и всякое судоходство прекращено. Но партизан, встретивший полицаев, привел их на лесную полянку, где на поверженной бурей березе сидели Моряк и Соколог.

— Сергей! Товарищ Прохоров! — узнав бывшего механика бронекатера, обрадовался Арсентий и смело подошел к Моряку. — Кирюха, помнишь, этот товарищ обучил меня игре на баяне.

— Толковым был: с ходу все понял! — заметил партизанский командир. — Хорошо бы и теперь нам так же быстро понять друг друга, — и он рукой пригласил сесть на поваленное дерево.

— Все зависит от вас: как научите, так и будем играть, — отвечал Арсентий.

Говорил пока только он, видимо, по праву старшего в семье.

— Пока что и без науки вы действовали очень хорошо, — сказал командир. — За такой склад боеприпасов Советская власть простит вам очень много грехов...

— Товарищ командир, грехом нашим была только полицейская форма, — заметил Арсентий. — Но и ее мы напялили не по доброй воле.

— Да это нам понятно, — хмуро проговорил Моряк.

— Вы не о том думаете, товарищ командир, — смело возразил Арсентий. — На это дело нас уговорил товарищ Воронов Константин Андреевич.

— Константин Андреевич? Где он? Разве он тогда...

— Из-под бомбежки его вытащил Кирюха и привез

на хутор,— рассказывал Арсентий.— За недельку он пришел в себя...

— Это начальник порта,— пояснил Моряк Соколову,— и член бюро обкома партии.

— Ну а пока он выздоравливал, у нас тут целый штаб образовался. К нему приходили какие-то вооруженные люди в гражданском, шептались,— продолжал Арсентий.— А когда он встал на ноги, сразу ушел в лес. Перед уходом мы сказали ему, что загнали в нашу протоку катер, а что дальше делать, не знаем. Вот тогда он и посоветовал нам идти в речную полицию, чтобы быть хозяевами на реке. А катер велел замаскировать в камыше.

— Где же теперь Воронов? — спросил Моряк.

— Не видел я его с тех пор. Знаю только, что слава о его отряде «Буревестник» разносится повсюду. Помоему, они действуют где-то за Барановичами.

— Ну что ж, раз с Вороновым у вас получилось, то получится и с нами,— заключил Моряк.— Что вы сами могли бы сделать в помощь Советской Армии при освобождении вашего родного города?

— Взрывчатку мы прятали не зря,— сказал Арсентий.— Хотели пустить ее в дело... Да все не удавалось... Сами не умеем с ней обращаться, а другому как доверить в шкуре полиция?

И он стал излагать план подрыва одновременно двух-трех бронекатеров и казармы на берегу реки, в которой размещены немецкие военные моряки. План был сложный. И самым невероятным была доставка взрывчатки к месту действия.

Выслушав его, Моряк спросил:

— Водолазный костюм достанете?

— Хоть два! — с готовностью ответил Кирилл.

— Ну, тогда завтра привезете их и начертите план порта с обозначением, что где расположено.

Покончив с этим вопросом, Моряк раскрыл перед братьями карту набережной, нарисованную по Колиным данным. Арсентий удивился точности карты. Но Кирилл сказал, что самого главного на ней нет. И, нарисовав карандашом крестик между дотом и парком, добавил, что на втором этаже особняка, в котором останавливаются приезжие офицеры, стоит зенитный пулемет.

— Этого я не знал,— сознался Арсентий.

— Да и я-то случайно увидел,— продолжал Кирилл.— Во дворе этого особняка минометный расчет живет во флигельке. Но что там еще в том флигеле и в сарае, не знаю.

— И на том огромное вам спасибо, товарищи,— сказал Моряк.

— Вам спасибо, товарищ командир, что доверяете нам,— дрогнувшим голосом ответил Арсентий.

На этом партизаны распростились со своими помощниками до следующего дня.

А вечером двое из отряда «Варяг» болотами пошли в штаб бригады, понесли Колину карту.

ПО СЛЕДУ СЕСТРЫ

Коля был счастлив — опять партизанам потребовалась его помощь. Моряк показал ему карту пинского речного порта и просил, если он что-то запомнил, уточнить, так ли там все.

— А кто рисовал? — спросил Коля.

— Ну, это я по памяти,— слукавил Моряк.

— Да лучше я еще раз пойду и все хорошенько запомню,— сказал Коля, когда понял, что многое упустил в своих беглых наблюдениях.

— Нет, Коля, это не лучше,— вздохнул командир.— Один раз тебе повезло. А за второй ручаться нельзя.

Надо подготовить запасную базу где-нибудь среди непроходимых болот. И ты займись шалашом. У тебя хорошо получается с маскировкой. В помощь тебе оставим радиста Володю, а на охрану — автоматчика Сашу Реутова. Через час и выступайте.

— А вы?

— Мы тоже без дела не останемся,— уклончиво ответил Моряк.— Саша знает островок, какой я облюбовал для запасной базы...

К вечеру Коля с двумя партизанами пробрался на довольно сухой островок посреди незыбкого болота. Тут же решили строить шалаш.

Партизаны нарезали лозы и сделали остов шалаша. Потом начали руками рвать осоку для покрытия. Но Коля предложил вместо рассыпающейся осоки делать маты из камыша. Партизаны не знали толком, что такое маты и как их делать. Коля с радостью стал учить этому нехитрому искусству. Пока партизаны резали ножами камыш заданной длины, Коля надрал лыка и подготовил из него удивительно ровные узкие тесемки. Этими тесемками быстро привязывал камышинку к камышинке. Под ловкими движениями его умелых рук вскоре появился желтовато-зеленый коврик метра в полтора длиной и такой же ширины.

— Ну как коврик! — оценил Саша.

Теперь поменялись ролями — партизаны помогали Коле и переживали, что у них не получается так хорошо.

— Так ты и будешь числиться в отряде домостроителем и комендантом,— с доброй улыбкой сказал Володя.

У Саши Реутова еще не зажила рана в плече, поэтому он очень скоро устал, и его послали собирать хворост для костра. Зато радист оказался неутомимым и смекалистым. Он скоро так принаоровился, что все

делал не хуже своего учителя. Шалаш, крытый снопами камыша, получился крепкий и плотный. Дождь такую толщину никогда не промочит. Но на следующий день, когда закончили шалаш, стало скучно. От нечего делать пошли на рыбалку. Но даже удачный улов не развеселил Колю.

После ужина, когда молча сидели вокруг догорающего костра и невольно слушали кем-то обиженную выпь, Коля признался, что сосет его тоска по сестре.

— Все кажется, что я ей мог бы как-то помочь, а ничего не делаю,— будто бы сам себе сказал он.— Хотя бы к тетке Христе сходить.

— Где она живет? — как бы между прочим спросил Саша.

— Километров двенадцать оттуда, где мы познакомились,— ответил Коля, ни на что не рассчитывая.

А Саша вдруг загорелся:

— Ну давай сходим! За день справимся?

— Если выйти затемно, то в сумерки и воротимся,— живо ответил Коля.— И Володя с нами?

— Нет, ему нельзя шарманкой рисковать,— возразил Саша.— Он — душа отряда. Я даже боюсь, что влетит мне от командира, если узнает, что радиста оставили одного.

— Откуда он узнает? — ответил Володя.— Самп они ушли дня на четыре. Вы уж идите, а то Коля изведется. Только потом, чур, молчать.

На рассвете, провожая Сашу и Колю в путь, Володя взял с них слово, что в деревню они вместе не войдут. Подростку появиться под видом беженца в селе — это одно, а взрослому — совсем другое. Полиция придирается к каждому незнакомому человеку.

Слово свое друзья сдержали. Подойдя к Бульбовичам по ольшанику вплотную, они долго следили за покосившейся, почерневшей от ветхости деревянной ха-

той тетки Христи. Никто за это время не входил в дом и не выходил из него. Не было видно и самой хозяйки.

— Хуже, если ее нет дома,— прошептал Саша.—
Прождем зря...

— Да-а,— согласился Коля,— вдруг в Пинск ушла.

Но вот хозяйка вышла во двор, набрала воды в ко-
лодце и вернулась.

— Давай! — скомандовал Саша.— Войдешь в хату,
дверь не закрывай, чтоб слышал, если я свистну.

На этот раз Коля шел в дом тетки Христи, как по
раскаленным уголькам: а вдруг услышит о сестре та-
кое, что и небо станет черным! Сперва он шел вдоль
плетня степенно, осматриваясь. А потом все быстрее,
быстрее. И в дом уже вбежал, еще с порога окликнув
хозяйку.

— Это я, тетя Христя! — стащил с головы свою мяг-
кую от ветхости кепчонку без козырька и прижался к
косяку.

Отчужденно посмотрела на пришельца хозяйка и,
сложив руки на животе, молча прошла к столу. Что-то
смахнула с него и, сев на табуретку, бросила, не глядя
на гостя:

— Вижу, что ты, вижу. Явился, не запыхался.

Коля решил, что тетка Христя обиделась на него за
то, что не зашел на обратном пути из Пинска и ничего
не сказал о ее дочке. И он чуть не со слезами на глазах
подбежал к ней, ухватил за шершавые, потрескавшие-
ся от работы руки и начал оправдываться. Он говорил
о мальчишке, с которым подружился, о его доброй отзыв-
чивой маме, которая вызвалась помочь, о том, что дол-
жен был в субботу снова туда сходить, да немцы пере-
стали пускать мальчишек за речку.

Тетка Христя, молча выслушав его, кивнула на
скамью, чтоб садился, и, тяжело вздохнув, сказала:

— То я все знаю сама. Раньше хоть с курками да

яйками пускали через мост. А теперь с нашего берега никого не пускают в город — называют наш край бан-дитским.

Услышав такое страшное название своего берега, Коля с опаской оглянулся на дверь: она оставалась наполовину открытой.

Тетка Хрестя подошла к божнице и, вынув из-за крайней иконы конверт, бросила его на стол.

— Грамотный? Читай! — пробубнила она. — Да скорее, пока кто не пришел!

Коля сперва обрадовался, надеясь в конверте найти записку от Веры. Но там был измятый, грязный клочок синей бумаги, на котором карандашом было что-то нацарапано незнакомым, малопонятным почерком. Коля вопросительно посмотрел на тетку Хрестю, мол, зачем же мне чужое письмо!

— Читай, читай! — сердито бросила хозяйка. — Радуйся за свою сестричку!

Коля уткнулся в письмо. А хозяйка все не унималась:

— Иди к ней. Блинами из награбленной муки накормит, макать будешь в сметану, отнятую у маляток...

«Мамочка, родненькая, повезли нас в лютую чужину. Девчата горячими слезами умываются. Радуетса только Верка, которую мы с тобой приняли как родную сестру, когда пришла голодная и холодная. Прямо из вагона спас ее полицаи, женишок ее. На руки взял и унес. Так и обомлела от счастья. Ни слова на прощанье нам не сказала. Мамочка, миленькая моя! Только не подумай, что я ей завидую. Лютой ненавистью ненавижу! Это ж такое предательство! Лучше петля или каторга, чем такое позорное спасение».

Руки у Коли одеревенели, пальцы разжались, письмо выпало. Он поднял его и, бросив на стол, закричал на всю комнату:

— Брехня! Брехня! Не от счастья обомлела она! Испугалась, как увидела Митьку-полицая. Брехня! — И убежал, гулко хлопнув дверью.

Как он добежал до кустарника, как бросился в объятия Саши, Коля не помнил. Пришел он в себя, когда оказались у ручья и Саша обмыл ему лицо, намочил виски и затылок, заставляя побольше пить воды.

Успокоившись, Коля еще долго молчал, терзаемый сомнениями. А что, если в последнюю минуту Вера смалодушничала и согласилась выйти за того забулдыгу замуж.

«Нет, нет, нет! — протестовало в нем все. — Вера не такая!»

Вспомнилось комсомольское собрание, которое он подслушал, сидя за открытым школьным окном поздно вечером. Веру тогда выбрали секретарем комсомольской организации. Она говорила о том, каким должен быть комсомолец. Говорила так, что за нею все наверняка пошли бы в огонь и в воду. Потом Коля слышал клятву комсомольцев, их песни...

А потом этот пожар. Коля увидел, что на ферме уж очень сильно что-то загорелось, и крикнул в окно:

— Пожар! Ферма горит!

Вера первой выпрыгнула в окно и закричала:

— Комсомольцы, за мной! Не бояться огня!

Коля тоже бросился следом. Но не успевал за быстрой сестрой. Издали видел, как она голыми руками отодвигала охваченный пламенем засов на воротах, как потом сбили ее, опрокинули выбегавшие коровы.

Два месяца лежала Вера в больнице и спрашивала только об одном: правда ли, что успели спасти и телят, правда ли, что никто, кроме нее, не пострадал. Спрашивала о других, а у самой был перелом двух ребер. Долго не сгибалась нога. На лбу остался глубокий шрам.

Но и этот шрам не испортил ее красоты. Самые лучшие парни по ней убивались.

И вдруг из вагона ее уносит какой-то полицаи, провонявший водкой, и она «обомлела от счастья»! Нет, нет, если и обомлела, то от страха, от ужаса, как перед распахнутой пастью удава!

Уходя прочь от села и слушая рассказы Коли, Саша Реутов все больше загорался решимостью пойти к Вере и узнать о ней правду. Саша понимал, что от командира ему влетит за самовольность. Но мысленно оправдывал себя тем, что у партизан скоро станет столько дел, что им будет не до Колиного горя, и он решил на крайность.

— Идем, Коля! Только здесь надо быть еще осторожней. Обещай мне, что сперва зайдешь на какой-нибудь хутор и все разузнаешь, а уж потом решим, что делать.

— Пойдем к кузнецу, он хороший, дядя Федя,— ответил Коля,— всегда пам давал молотком постучать.

Кузница Федора Барабули стояла на отшибе за селом. Перед нею протекал широкий ручей, который здесь называли речкой. А за ней начинался лес. По этому-то лесу Коля и Саша пришли к кузнецу, никем не замеченные. Дядя Федя и удивился и обрадовался Коле.

— Живой, ну и слава богу. А то уже по селу пошло: вернется с войны Иван Приходько, а в доме ни души.

— А Вера? — вскрикнул Коля.

Виновато пряча глаза, кузнец предложил выйти в лесок и там поговорить.

— Мне в глаза тычут, что Вера за полицаи вышла! Что она спаслась! — с гневом, сквозь слезы продолжал Коля, когда вошли в ольшаник и уселись на траву.

— Сперва и мы думали, что так оно и вышло, что смалодушничала дивчина,— горестно сказал кузнец,

разведя своими жилистыми, тяжелыми руками.— Привез Митька Хряк ее с шиком на немецкой машине. На невесте фата, какой в селе ни у кого не бывало. А сам в черной форме, с черепами и на рукавах и на фуражке — где можно и не можно. Хрячиха, мать Митьки, еще с утра пустила слух, что сын вечером будет венчаться. Ну все и собрались до церкви, посмотреть, что оно будет.

После тридцать девятого ж, когда и у нас стала Советская власть, мало кто венчался.

Ждали до темноты. Поп даже домой ушел, рассердился, что морили голодом полдня.

А только утром люди догадались, что получился какой-то конфуз. Жених, тот прошел в свой полицейский участок с поцарапанной мордой. Говорили, что в доме целый вечер был какой-то крик и даже стрельба.

— Убил! Он ее убил! — задыхаясь, вскрикнул Коля и вскочил, готовый куда-то бежать.

— Ну куда же ты! — ухватил его за руку Саша.— Тут нельзя с налета. Ты послушай до конца...

— Мы сперва тоже думали, что убил. Да на другой день почтальонша была у них в доме и слышала, как за перегородкой кто-то плакал да кашлял, — кузнец неловко поводит руками, словно ворочал ими тяжелые слова.— Может, силком он ее держит взаперти, а та старая ведьма стережет.

— Только бы жива была! — с дрожью в голосе проговорил Коля.— Только бы жива осталась!

— Сколько в селе полицаев? — спросил Саша.

— Да всего-то двое,— ответил кузнец п, понимая, зачем Саша задал этот вопрос, предупреждаясь заметил, что их так просто не возьмешь.— Они в участке огородились, колючей проволокой обмотали дощатый забор, и две немецкие овчарки во дворе. Там все сделано по-немецки. Недавно в селе целую неделю жил

районный шеф: хлебушко да скотинку выкачивали. Вот для него ту крепость и соорудили. Так что с полицаем вы лучше не связывайтесь!

— Нам только бы Веру вырвать из рук этого гада,— сказал Саша.

Коля кивнул в знак согласия. Хотя думал и о мести полицая, о том, как задушить, уничтожить этого гада. Но он понимал, что силенок на это у него нет. И успокаивал себя тем, что Митька свое получит, когда придет Красная Армия, когда вернется отец. А сейчас только бы спасти Веру, если она еще жива.

Кузнец, словно подслушав эти мысли, предложил свой план:

— Могу помочь. Мое дело будет проследить, когда Митька выедет из села до своего начальства или куда еще.

— А если его не вызовут целую неделю? — вскинулся Коля.

— Тогда хуже,— кузнец поскреб в затылке,— тогда придется вам идти к нему домой, когда пообедает и отправится в участок.

— А он дома обедает? — обрадовался Коля и наивно предложил засесть в саду и застрелить полицая.

— Второй услышит стрельбу, созовет своих, и ты не успеешь скрыться с сестренкой! — охладил его кузнец.

— Вы говорили, что их только двое,— недоуменно заметил Саша.

— Полицаев двое, то факт. Да не на них только держится гитлеровская власть в селе, были у Советской власти враги, вот теперь они головы подняли, как недобитые гадюки. Теперь они первейшие пособники наших врагов. Таких у нас пятеро. Бывший жандарм. Старый уже, но лютый. А те кулаки. Им сам шеф оружие выдал.

— Что ж тогда делать?

— А я так себе думаю, надо просто, без фокусов, прийти вам до Хрячихи сразу, как Митька уйдет с обеда, и увести дивчину.

— Бабка поднимет крик, тут и сбегутся! — отмахнулся Саша.

— Все надо с умом, — продолжал кузнец. — Хрячиха всегда провожает своего выродка до калитки. Запирает со двора. Проводит его глазами до самого участка, перекрестит и запирается на все засовы. Ты у них бывал в доме?

— Заходил, когда моя очередь была телят пасти, — ответил Коля, уже с надеждой глядя в печальные, но такие добрые, черные, как уголь, глаза кузнеца.

— Ну, значит, помнишь, что из сада к ним в дом можно войти так, что от калитки не будет видно.

— Понял! — оживился Коля. — Пока они там провожаются, мы шмыгнем в сени и там дождемся, пока Хрячиха вернется и запрет за собой двери.

— А вдруг он зачем-нибудь вернется, — заметил Саша.

— Ну тут уж... На то и автомат у тебя.

— А как же мы по деревне проберемся в их сад? — не унимался Саша.

— До моего дома ольшаник, как вот тут. А двор мой по соседству с садом Хрячихи. Я своих, дочку с женкой, в тот день отошлю в поле картошку полоть. А сам вас проведу до сада. И снова в кузню! До самого дома автомат держи под полой, — и кузнец кивнул на длинный засаленный серый плащ, который был Саше до колен. — Одежка для этого у тебя в самый раз.

— Когда пойдем?

— Не спеши, есть еще одна загвоздка. Там собака. Целая зверюга.

Саша только руками развел, а Коля даже побледнел и тихо промолвил:

— Значит, ничего не выйдет.

— Да уж тот грех я возьму на свою душу,— тяжело вздохнул кузнец.— Хотя, признаться, сроду не был душегубцем, ни курицы не зарезал, ни кабанчика не забил. А тут... куда ж деваться. Сам я того Митьку люто ненавижу. Из-за него и согласен на такое.

— Что ж вы можете сделать с собакой? — развел руками Саша.

— Она бегаёт на цепи по проволоке, протянутой от ворот до середины сада. В жару отлеживается под яблоней. На меня не гавкает, прикормил я её на всякий случай. Ну то ещё раз угощу, чтоб поспала подольше. А что же делать?..

РИСКОВАННЫЙ ШАГ

Хрячиха, зайдя в сени, ещё раз перекрестила уже скрывавшегося за соседним домом сына и проговорила иступленно:

— Господи Иисусе, сохрани и помилуй сына моего Митрия.

Заперев дверь в сенях на засов и на огромный крюк, она ещё раз повторила:

— Господи боже мой, господи бо...— на этом Хрячиха запнулась и хотела было закричать, но только икнула.

Прямо перед глазами появился человек с автоматом на груди. Но Хрячиха испугалась не столько автомата, сколько сурового взгляда незнакомца, в упор смотревшего на неё и властно требовавшего молчать.

— Крикнете — пристукну. Ваш защитник не услышит! — тихо, но строго проговорил незнакомец.— Если по согласию договоримся, мы тут же уйдём.

— Так я ж ничего, берите все, что хотите. Берите. Вот бочка сала. Вон там окорок,— заметалась, засуети-

лась хозяйка.— А коли одежду какую надо, то идемте в хату.

— Мы не грабители! — услышала она в ответ.

И только тут заметила подростка, прильнувшего к смотровому оконцу из одного стеклышка. Этот, видимо, наблюдал за улицей. И вдруг она его узпала, картинно всплеснула руками:

— Коля, так то ж ты! Господи боже ж мой, а я спужалась, думала, чужие. Так ходить в хату, покормлю с дороги. Чи ты уже дома живешь?

— Где его сестра? — прервал эти словоизлияния Реутов.— Ведите нас к ней.

Бабка смолкла, словно язык проглотила, и только отрицательно покачала головой.

— Где Вера? — тряхнул автоматом партизан.

Коля распахнул дверь дома, крикнул через порог:

— Вера! Верочка! Это я, Коля!

— Какая Вера? — закричала хозяйка.

— Молчать! — цыкнул Реутов.— Входите в дом, говорите, где она! Жива ли?

Хрячиха как-то невольно кивнула головой. Однако тут же спохватилась:

— Думаю, что жива. Только ж я ее не видела с самой весны. Истинный боже! Говорю, как на исповеди! — и начала креститься в угол, где среди золотистой иконной мишуры желто поблескивал огонек лампадки.

В стену что-то бухнуло. Потом еще и еще.

Лицо хозяйки побелело, как стенка ее горницы, выбеленной известкой.

— То корова,— посиневшими губами выдавила Хрячиха.— Пить просит. Пойду ведро воды отнесу.

— Сядьте и молчите, а то рот завяжу! — сказал Реутов.

Коля и здесь, как в сенцах, сразу же прильнул к

окну и сквозь щелку между занавесками смотрел на улицу.

Услышав стук в стенку, Саша сразу насторожился и теперь прислушивался, нахмутив брови и плотно сжав губы. Подойдя к стенке за печкой, он постучал по ней кулаком. Удары не глухие, не такие, какие он слышал. Значит, стук был не в эту стенку. Стукнул еще раз. Понял, что это легкая перегородка из досок, оклеенных обоями.

— Где вход в эту отгородку? — подступил он к хозяйке. — Ведите!

— Господи, пресвятая богородица, пречистая, пресвидающая, — зачастила Хрячиха и, размашисто крестясь, попятилась в сенцы.

— Куда вы? — Саша нарочно сильно клацнул автоматом.

— Покажу, покажу, будь она неладная, растреклятая, — уже в сенях говорила хозяйка. — Всю душу мне вымотала. На кой бес она ему, хортица кусучая.

— Коля, ни шагу от окна! — бросил Реутов, уходя следом за Хрячихой.

Коля уже понял, что за стенкой томится его сестра. Хотелось скорее увидеть ее, вырвать из плена, срезать веревки, если связана. Но он помнил уговор: каждый делает свое — он только наблюдает за улицей, чтоб кто не вошел во двор, а Саша ищет Веру.

В сенях Хрячиха взялась за старую шубу, висевшую на стене, потянула ее, и вдруг открылась дверь в какой-то темный чулан.

— Свет! Дай свет, ведьма! — выходя из себя, потребовал Реутов, все уже понявший.

Опять раздался стук в стенку, теперь уже громче, совсем где-то рядом в темном затхлом чулане. И теперь этот стук уже не прекращался.

Отступив за дверь, хозяйка взяла где-то фонарь «летучая мышь», зажгла его и первой направилась в чулан.

Выхватив фонарь из руки хозяйки, Саша шагнул в глубь душевного чулана и увидел связанную по рукам и ногам девушку, рот которой был завязан широким ремнем.

— Вот почему она молчала! — закричал Реутов и теперь уже без сожаления толкнул хозяйку в угол чулана. Расстегнул туго затянутый на затылке девушки ремень и тут же нацепил его на рот хозяйки, затянув до предела.

— Теперь ты, проклятая фашистка, узнай, каково в этой вонючей узде! — бросил он и, размотав сыромятные

ремни на руках и ногах пленницы, связал ими Хрячиху.

Но, повернувшись к девушке, увидел, что та даже не встала. Свесив руки и ноги, она обмякла, словно неживая.

Подхватив на руки легкую, худую, безжизненную девушку, партизан вынес ее в сени, потом перешагнул порог дома. Навстречу уже бежал Коля.

— Вера! Верочка! — с каким-то диким отчаянием закричал брат.

Сестра в этот момент простонала:

— Пить! Воды!

Саша положил ее на кушетку. Коля бросился было к сестре.

Но Саша строго приказал не отходить от окна, а сам поднес пострадавшей кружку воды.

Рана в плече, о которой в последние дни Саша уже забывал, вдруг заныла, когда он поднял девушку, и теперь боль усиливалась. Но было не до того. Сейчас главное выбраться отсюда подобру-поздорову.

О том же заговорила и Вера, когда напилась.

— Скорей тикайте! — замахала она тонкой изможденной рукой. — А то он вернется.

— Уходим вместе! Как на улице? — обращаясь к Коле, спросил Саша.

— Можно, — ответил тот и, подбежав к сестре, хотел ей помочь.

— Запри чулан, чтоб та яга не выбралась раньше времени! — отстранил его Саша, а сам подхватил девушку на руки и вынес ее в сени.

— Я сама, я сама! — слабым голосом просила Вера. — На улице увидят. Поймут.

— Через сад пойдем, — пояснил Саша. — Собаки нету:

— Опустите, может, смогу, — говорила девушка.

Опустив ее на пол, Саша подставил ей свое плечо, чтобы держалась, и повел ее. Коля открывал и закрывал дверь, потом смотрел с крыльца на улицу и к соседям. На счастье, двор и сад были обнесены высоченной оградой из новенького теса, доска к доске. Ни с улицы, ни от соседей не видно было, что творилось во дворе. Только вечернее солнце беспрепятственно смотрело через забор.

В саду стоял кузнец и рукой указывал туда, в угол, где зиял широкий пролом в заборе.

— Веди их на опаленный дуб, — подбсжав к Коле, проговорил он, — там лодка под ольшиной справа. — И, сунув ему за пазуху краюху хлеба, скрылся в вишняке.

— Скорее в лес! — когда вышли из сада, прошептал Саша.

Но Коля махнул рукой направо, где в конце небольшой лужайки чернел опаленный молнией дуб, о котором говорил кузнец.

А тут, как назло, из соседнего сада вышла женщина с бельем на плечах и тоже направилась к речке. Она разинула рот от удивления, когда увидела троих беглецов. Но, насунув платок на глаза, продолжала свой путь, будто ничего особенного не заметила. Теперь люди боялись быть свидетелями в таких делах.

Через несколько минут беглецы были в лодке. Прачка, шедшая к речке, теперь была за кустами и не смогла бы уверенно сказать, куда они делись.

Коля знал, что речушка эта ведет в глубь леса, где попадает в более широкую протоку.

То ли от свежего воздуха после затхлого застенка, то ли от усталости, Вера, как только усадили ее на дно лодки, уснула с куском хлеба в руке, который дал ей брат. Саша снял свой плащ, свернул и подложил ей под голову, Вера испуганно всхлипнула, но не проснулась.

Изо всех сил отталкиваясь шестом о твердое дно,

Коля быстро гнал лодку, ловко лавируя на поворотах. Саша с завистью смотрел на его умелую работу.

В жизни полещукон для Саши Реутова вообще было много непривычного. Он попал сюда уже в войну. Ехал в Брест к отцу — пограничнику. Поезд разбомбили перед самым Брестом. Саша долго бродил по лесам и болотам, пока не прибился к красноармейцам, пробиравшимся к линии фронта, а уж потом попал в партизанский отряд. Многому он здесь научился. Но до сих пор еще не мог овладеть вот этим искусством управления лодкой с помощью простой палки. У Коли лодка мчалась намного быстрее весельной. Но сейчас, когда за спиной в любой миг могла начаться стрельба полицейских, хотелось плыть еще быстрее. И Саша, видя, как петляет по густеющему лесу ручей, даже думал, не скорее ли было бы идти пешком, тем более что плыли они совсем не в ту сторону, где их лагерь. Но, глянув на обессиленную девушку, понял, что идти они все равно не смогут. И лишь спросил Колю, куда этот ручей приведет.

— В настоящую речку, по какой сможем пробраться в нашу протоку.

— Ну тогда учи меня работать шестом, как сам, и я сменю тебя.

— Отъедем подальше от села, тогда дам, а пока прислушивайтесь, вдруг погонятся.

Солнце только что зашло, но в лесу быстро темнело, впереди вставал туман. Плыть стало трудней, лодка часто натыкалась на какой-нибудь откос или валежину, сваливающуюся в воду. Коля взямок до нитки, но смены не просил.

И только когда совсем стемнело и выплыли на широкую тихую речку, Коля передал шест Саше. Тот попробовал опираться шестом в неглубокое прибрежное дно. Лодка сразу начала так рыскать из стороны в сто-

рону, что пришлось сесть и махать шестом, как двухлопастным байдарочным веслом. Намного медленней, чем у Коли, но все же лодка двигалась вперед.

— Пожуй хлеба и поспи,— понимая, что Коля скоро все-таки заберет шест, сказал Саша,— отдохни.

Коля решил отдохнуть до рассвета и вскоре уснул рядом с сестренкой, согревая ее своим теплом.

«Вот они и вместе,— радовался за них партизан,— скорей бы все этого дождались!..» — и он стал грести сильнее, будто бы только от быстроты хода его лодки сейчас зависело приближение того радостного времени, когда все люди, разбросанные войной, будут вместе, как эти вот брат и сестра.

ДОЛГОЖДАННЫЙ СИГНАЛ

Партизаны «Варяга» еще при первой встрече с Колей восприняли горе подростка как свое. Каждому хотелось помочь мальчишке отыскать сестру или хотя бы как-то облегчить ее участь. В судьбе Веры они видели судьбы всех юношей и девушек на оккупированной территории. Любой партизан, не задумываясь, пошел бы на самую рискованную операцию ради спасения тех, кого фашисты угоняли в рабство. Все это было так. Но когда вернувшийся с боевого задания Моряк услышал, что Коля ушел в деревню, чтобы узнать о судьбе сестры, он не мог простить радисту, оставшемуся старшим, что отпустил мальчишку, да еще с Сашей Реутовым, совершенно невоенным парнем.

— Значит, ушел четыре дня назад? — уточнял командир. — Во сколько?

— На рассвете,— глухо отвечал Володя, мысленно проклиная себя.

— Двадцать километров за четыре дня? И ты веришь в их благополучное возвращение?

— Да уже мало верю.

— Надо немедленно посылать в разведку. А кого? Все, кроме меня, ранены.

— Что, в Пинске ничего не удалось сделать? — не надеясь на ответ, спросил Володя.

— Пинск укреплен и переполнен войсками так, будто гитлеровцы не собираются дальше отступать. Но все-таки два бронекатера мы пустили на дно... На том и досталось нам по пуле. Передо мной граната разорвалась. Спасла каменная ограда, — отвечал Моряк, смягчая свою раздраженность. — Давай перевяжем ребят. Посмотрим, кто из них сможет отправиться со мною.

— Пойду я, — категорически заявил Володя.

— Это невозможно. Единственному в отряде радисту нельзя уходить на разведку!

Раны трех партизан оказались непростыми, к тому же были загрязнены при перевязке в темноте. Пришлось греть воду, отмывать, заново перебинтовывать. Но, несмотря на занятость, командир не переставал думать о Саше и Коле. В душе все больше укреплялось опасение. Незадачливые разведчики могли попасться в руки фашистов.

Когда закончили перевязку, Моряк сказал радисту:

— Бери свою бандуру и отправляйся навстречу нашим. Они появятся со стороны сарая. Я отвезу тебя на лодке к тому берегу, а там ты все знаешь. Скажи, чтоб до появления моего связного сюда не возвращались.

Володя смутно догадывался, почему его «отселяют». Но противиться приказу он не мог...

Командир сам повез его и еще раз напомнил о связи. А когда вернулся, увидел у берега только что причалившую лодку, из которой выбирались Саша и Коля, бережно поддерживавшие под руки хрупкую девушку.

«Неужели Веру нашли?» — молнией ударила радостная мысль, и мгновенно рассеялась досада на радиста.

Саша Реутов усадил девушку на траву и, оставив при ней Колю, подбежал к командиру и виновато доложил обо всем происшедшем.

— Я понимаю, что нельзя было уходить без разрешения на такое дело,— говорил он тихо, чтоб не услышала спасенная.— Но...

— Хвоста не привели? — спросил Сергей.— Если так, то молчим, чтоб ее не расстраивать. Говоришь, вся в сипяках?

— Рассказывала, что этот изверг тиски деревянные придумал. Зажмет ими кожу и крутанет. Только лицо оставил чистым, все надеялся, что она согласится пойти с ним под венец, и пытал так, чтоб люди не увидели потом следов пыток.

— Может, надо было отвезти ее в тот курень, где они жили до встречи с нами? Обеспечить едой. Там она чувствовала бы себя свободней.

— Боюсь, сбежит и погибнет,— возражал Саша.— Она и в дороге, как только очнулась, рвалась назад, чтобы дом своего мучителя подпалить. Просила у меня автомат. Я, говорит, знаю, где их застать всех вместе и переколошматить одной очередью.

— Что она имела в виду?

— В доме одной вдовы собираются полицейские и сынки кулаков. Там их можно запросто накрыть

— По-моему, назревают более серьезные события, чем расправа с кучкой полицаев и всяких прихлебателей. Они свое получат...

* * *

Красная Армия подходила к городу с северо-востока, и Пинская флотилия, находившаяся в это время в низовьях Припяти, ждала приказа, чтобы ударить по береговым укреплениям города с реки.

Партизаны «Варяга» по сигналу должны были под-

пять затопленный бронекатер и присоединиться к основным силам регулярных частей, а главное, дать своего лоцмана днепровцам. Обменявшись с днепровцами связными, партизаны вернулись в свой лагерь, чтобы ждать условного сигнала.

Вера и Коля стали хозяйственной частью отряда. Поселились они в сарае, очень быстро превратив его в жилое помещение. В большом котле, оставшемся еще от панских батраков, готовили пищу. За нею с ведром три раза в день приходил дневальный и уносил в отряд, расположившийся в двух километрах выше по реке.

Среди густого ольшаника в ста метрах от Припяти партизаны устроили засаду и перевезли туда все боеприпасы со склада бакенщика и стали ждать.

Партизаны «Варяга», до этого беспрерывно «щекотавшие» фашистов на железной дороге Пинск — Брест, попав в вынужденное бездействие, начинали скучать, искать способ насолить оккупантам. Взрыв казармы моряков и двух бронекатеров уже забывался.

Зато у Веры с братом каждый день был полон все новых забот. То они устраивали стирку и штопку белья, то ходили за грибами или ставили силки для ловли пернатой дичи, чтобы разнообразить партизанский стол. А тут вдруг затеяли баню. На чердаке сарая Коля нашел клепки от огромной рассыпавшейся бочки. Под ними оказалось и днище. Стащив все это вниз, Коля с радостью сообщил сестре, что у них будет бочка для воды, на случай, если к ручью во время боя нельзя будет подойти.

В обручах из березовых прутьев бочка постояла сутки с водой, которую сначала доливали. Но потом клепки разбухли, и вода перестала вытекать. Вера предложила греть в котле воду и сливать в бочку. Потом закрыть и закутать сухой травой. Вода в бочке будет долго горячей. А когда наполнится доверху, устроить

баню. Вместо мыла молодая хозяйка приготовила из древесной золы щелок.

В войну все женщины на оккупированной земле вспомнили это уже забытое современницами стиральное средство.

И вот утром, когда дневальный Саша Реутов пришел с ведром за едой, комендант, как теперь гордо называл себя Коля, объявил, что сегодня банный день. Саша тут же «снял пробу» с бани. Они с Колей вместе вымылись, натирая друг другу спину мочалкой из сухой осоки и поливая из берестяного ковша.

После них пришел командир с двумя бойцами. А Вера тем временем уже добавила в бочку горячей воды. На троих бочки хватило с лихвой. И вот тут-то, после баньки, командир пожал руку брату и сестре и объявил благодарность. Так и сказал, что благодарность будет записана в боевом приказе по отряду, потому что перед выступлением в бой банька для партизана все равно что прибавка боеприпасов. И на прощание, улыбнувшись Вере, добавил:

— А ты все просила боевое дело. Это и есть самое боевое твое дело! — и опять сурово насупился. — Ну а с твоим мучителем мы сами расправимся. Тут уж мы перд тобою в долгу.

* * *

Ночь была темная, тихая. Бойцы спали, а командир сидел возле шалаша. И вдруг вдали, где-то за Пинском, блеснула молния, донесся гром, дрогнула земля.

«Неужели началось?» — насторожился командир.

Из шалаша выскочил радист со своей «шарманкой».

— Давай включай свою «катюшу», — распорядился командир под грохот сразу трех артиллерийских выстрелов.

Не успел радист расположиться, как послышалось

глухое тяжелое урчание моторов где-то в низовье Припяти. По характерному рокоту моторов моряк догадался, что идут бронекатера.

— Подъем! — крикнул он во весь голос.

Через несколько минут все партизаны, кроме радиоста, были в лодке.

Накануне Моряк с двумя товарищами побывал у бакенщика. Испытали мотор бронекатера. Завелся он безотказно и работал несколько минут. Теперь Моряк беспокоился лишь о том, чтобы сдвинуть с места осевший на дно затона катер.

И как только лодка подошла к катеру, Сергей первым взбежал на его борт, где уже хлопотали бакенщик с сыновьями.

При свете фонаря Моряк осмотрел машинное отделение, чутьем механика почувствовал, что все в порядке. Но спросил бакенщика, что делать, если случится худшее — не пойдет катер. Партизаны все равно должны идти впереди днепровцев, потому что лучше них знают береговые укрепления. Значит, придется на лодке подойти к флагману и пересесть.

Этот разговор был заглушен взрывом, раздавшимся где-то внутри катера. Но тут же взрыв перешел в ровный рокот заработавшего мотора. К этому рокоту прибавилось бесшабашное партизанское «ура!».

— Не радуйтесь раньше времени! — мало заботясь о том, чтобы его услышали, сказал старый бакенщик. — Труднее сдвинуть с места. — И уже на ухо командиру прокричал: — Если катер сидит на мели, придется бурлачить. Веревки я припас.

— Людей много, вытащим! — кивнул Моряк.

Мотор долго работал вхолостую, прогревался. Потом он взвыл, и катер дернулся. Но тут же мотор был

выключен. Все вышли из машинного отделения на палубу и объявили, что нужно выводить катер из затона собственными силами.

Артиллерийская стрельба в стороне Пинска перешла уже в сплошную канонаду, рокот катеров Днепроградской флотилии был совсем рядом, а «Варяг» все еще не был сдвинут с места. Десяток дюжих мужчин тянули за толстый канат, а Сергей включал в это время скорость. Но никакого толчка, никакого сдвига. Наконец бакенщик подпряг своего коня. Но и это не помогло.

— Товарищи! — подняв руку, командир остановил напрасные усилия. — Всем нам хотелось выйти навстречу нашим друзьям-днепровцам в полном боевом. Но раз не получается, не будем терять время напрасно. Главная наша задача дать своего лоцмана идущей к городу флотилии. Арсентий, садитесь в свою лодку, мы им отсюда просигналим.

Моторная лодка тут же умчалась вниз по реке, навстречу военным судам.

На борту бронекатера, который принял пинского лоцмана, оказался бывший матрос «Варяга», теперь помощник командира корабля. Он не оставил в беде родное судно. «Варяг» был взят на буксир и, выйдя на стрежень реки, нашел свое место в строю наступающих боевых кораблей.

МЕСТО В БОЮ

Коля проснулся от грохота и грома, потрясавших землю, от черно-красных сполохов, подергивавших небо. В сарае ворот не было, можно было бы выйти и смотреть. Но Коля боялся пошевелинуться, чтобы не разбудить сестренку, которая спала, держась за его руку, словно и во сне боялась его потерять.

От нового удара земля дрогнула, сарай скрипнул,

на голову посыпалась мелкая соломенная труха. Попытался высвободить руку, чтобы встать. Но Вера судорожно обхватила и прижала его к постели из старой, прелой соломы.

— Поспи еще. Поспи,— прошептала она.

— Я давно не сплю, да боялся тебя разбудить — испугаешься,— ответил Коля.

В сарай вошел радист. При очередной вспышке неба на груди его тускло блеснул автомат. Он держал его так, словно каждую минуту могли на него напасть и нужно было стрелять.

— Началось! — торжественно объявил он.— Пинск берут.

Брат и сестра встали, подошли к косяку и остановились, в страхе прижавшись друг к другу.

— А мы что же, будем бездельничать, пока там такая война? — с дрожью в голосе спросила Вера.

— Наше дело ждть здесь, охранять боеприпасы,— ответил Володя.— Будут приходиться за патронами или раненых привезут.

— Раненых? — испуганно переспросила Вера.

— Бой без этого не бывает! А в таком, как сегодня, все будет...— Володя умолк, глядя в сторону Пинска, за которым все выше поднималось сплошное зарево пожара, все чаще вспыхивали кроваво-сизые разрывы снарядов.— За городом у фрицев были военные склады. Все теперь там горит.

— Чего ж мы будем стоять, ждть, пока привезут раненых? — вдруг сказала Вера.— Привезут, а у нас даже раны обмывать нечем. Коля! Растапливай печку. А я вымою котел, накипятим воды. В бочке запас делаем. Давай!

Теперь страх перед тем, что творилось в Пинске, отошел на второй план — у всех было дело. Володя тоже нашел себе занятие. Подумав о том, как будет

спешить тот, кто придет сюда за патронами, он решил перетащить их к берегу. Теперь уж чего прятаться? После этого боя фашисты сюда не нагрянут. Ведь это уже не партизанские налеты, а наступление Советской Армии.

Коля растопил печку. А пока грелась вода, они с Берой помогали радисту подносить к берегу реки ящики с патронами.

Давно уже слышался тяжелый нарастающий гул моторов. Но все думали, что это самолеты. Однако что-то уж очень долго они приближались. Наконец этот гул стал сотрясать ветхое строение сарая, прислонившись к которому стояли брат с сестрой. Они отошли от сарая и приблизились к радисту, сторожившему боеприпасы у берега реки.

И только остановились в лозняке, по воде полоснул белый и тонкий, как лезвие, луч света.

— Катера! — с восторгом воскликнул радист. — Днепровская флотилия идет!

— А может, гитлеряки? — робко возразила Вера, подходя к брату.

— Оттуда, с низовья, — только наши. Мы давно их ждем, — заявил Володя. — Из-за них нас и прислали сюда по болотам...

Брат и сестра многозначительно переглянулись.

«Знал, а мне ничего толком не сказал, — с упреком подумал Коля. — Вот какой! — И тут же сам оправдал партизана: — Ведь тогда это было военной тайной».

Луч прожектора вдруг погас, словно утонул в глубокой реке. Но ударил второй луч, со стороны дома бакенщика. Он пробежал по воде туда-сюда, словно искал тот, утонувший луч. Мигнув два раза, он тоже погас.

Сжав руку юному другу, радист торжественно объявил:

— Наш катер ожил! Всю войну «Варяг» стоял в затопе, а теперь вот подает сигнал, значит, мотор завелся.

Коля и Вера чувствовали себя такими маленькими и беспомощными в сравнении с теми силами, которые наступали на занятый фашистами город, что не могли даже слова промолвить. Вера чувствовала, что из глаз ее ручьями текут слезы.

После того как погасли прожекторы, тьма над Припятью сгустилась до непроницаемости. И только вспышка над осаждаемым городом время от времени выхватывала силуэты низко посаженных бронекатеров, медленно продвигавшихся вдоль правого берега. На каждом катере Коля прежде всего старался разглядеть пушку или пулемет. Но в темноте угадывались только общие очертания судов. Замыкала караван огромная баржа, груженная чем-то непонятным.

— Кажется, кирпич на барже,— заметил радист.— Видно, для заслона. Выдвинут ее потом наперед и, как за крепостной стеной, начнут давать жизни!

— Чего они не освещают себе путь, ведь могут на мель сесть? — спросил Коля.

— У них первоклассный лоцман,— вспомнив о посланном к днепровцам сыне бакенщика, сказал радист.— Самое страшное за поворотом. Там, сам знаешь, какой широкий залив, видно далеко. Вон поблескивает за ольшаником, это немцы шарят прожекторами. Наши хотят поближе подойти незамеченными. Даже гудеть стали тише — идут на приглушенных моторах.

Может быть, моторы и были приглушены, Коля в этом не понимал. Но пока боевые катера проплывали мимо них, под ногами дрожала земля. И было так досадно, что все тянутся туда, где идет последний смертный бой с фашистами, а он, Коля, здесь любитесь огнями да громами. Он догадывался, что и Вере обидно. Может, в этой флотилии — ни одной медсестры. А Вера так хоро-

шо делает перевязки. Коля невольно вспомнил школьную стенгазету, на которой долго висела фотография Веры, где она ловко действовала бинтом и ножницами.

Его мысли словно подслушал Володя. Глядя вслед катерам, скрывшимся за поворотом реки, он сказал, что хорошо было бы всем им находиться там, на «Варяге», или на одном из этих катеров. Но надо выполнять приказ командира — оставаться в лагере.

— А ну, марш к печке! — скомандовал он. — Там все потухло, как раз когда вот-вот может понадобиться горячая вода.

И словно в подтверждение его слов с речки раздался оклик:

— Володя, на берег!

— Это Саша! — по голосу узнал радист, и все побежали к воде.

В лодке было двое — Саша Реутов и незнакомый дюжий парень в простой деревенской рубаше нараспашку.

— Носите патроны, — распорядился Саша. — Поведем их туда, — он кивнул в сторону города.

— Мы уже перетасили их к речке, они тут, рядом, — ответил радист.

— Молодцы!

Через несколько минут тяжело нагруженная лодка снова отчалила от берега и уплыла туда, где разгорался бой.

— Володя, ты не узнал, кто это был с Сашей? — спросил Коля, когда снова остались втроем и пошли к сараю, где совсем погасла печка.

— Мне он шепнул — это младший сын бакенщика, — ответил Володя.

— Даже полицай и то там, а мы... — недовольно протянул Коля.

— Это другое дело, Коля. Бакенщик и сыновья лучше всех тут знают реку. Только они и смогут провести

флагманский катер к городу, минуя отмели и всякие речные каверзы.

Ответ был убедительным, и все же Коля оставался недовольным.

— А полициями сыновей бакенщика не называй,— поучительно сказал Володя.— Это была очень удачная, но и пелегкая маскировка партизан. Теперь уж мы всё знаем об этих ребятах...

Была уже, наверное, полночь, когда над рекой обрушился пулеметный шквал и где-то сразу за поворотом, над ольшаником, разом вспыхнули совсем близкие огни. Это началась стрельба из береговых орудий, упрямых немцами в доты. В ответ им, видимо, ударили с бронекатеров.

Все, что творилось над самим городом, теперь отступило на второй план.

Коля заметил, что теперь и радист все больше говорил о том, что нужно бы быть там, где весь отряд. Он попробовал было соединиться со штабом в это неурочное время. Но ему не ответили. Это был не его час. И Володя, кажется, даже обрадовался этому — стал поспешно прятать свою «шарманку» в яму под стенкой сарая.

Завалив свою драгоценность кучей старых листьев и щепок, Володя отряхнул руки и сказал:

— Теперь, я думаю, не будет греха и отдохнуть от нее,— он кивнул туда, где спрятал рацию.— Надо же и мне уничтожить еще хотя бы одного фашистского зверя!

— Поплывем? — обрадовался Коля.

— Рискнем, не дожидаясь посыльного. Нагрузим лодку патронами и двинемся навстречу. Чего же сидеть сложа руки.

Коле было ясно, что Володя всеми способами хочет оправдать нарушение приказа командира. В душе он

боялся за старшего товарища и в то же время радовался, что наконец-то увидит настоящий бой.

Однако все их планы рухнули, когда о них узнала Вера. Она ни за что не соглашалась отпускать брата. Или вместе в любое пекло. Или вместе ждать. Хватит с нее! Надрожалась, когда полицей связал ее, а брата грозил повесить, если появится.

Пока они спорили, вся набережная превратилась в сплошную и конвульсивно подергивающуюся молнию. Глядя на нее, Володя сказал огорченно:

— Ничем мы там уже не поможем. Давайте разведем большой костер — маяк для тех, кто выйдет из бол раненым и захочет попасть к своим людям.

— А если фрицы начнут удирать и прорвутся в нашу сторону, а мы тут все приготовили? — заметил Коля.

— Ну так мы с тобой пойдем в секрет с автоматом, — ответил радист. — Засядем в кустах и будем ждать. Появится наша лодка — милости просим, а не наша — свинцом угостим.

Но в секрете не пришлось побыть. Только спустились к воде и затаились в лозняке, послышался плеск весел. А вскоре и лодка показалась. Опять четырехвесельная. Она направлялась прямо на костер.

Подпустив ее поближе, Володя взял автомат на подготовку и окликнул:

— Кто в лодке?

— Володя? — послышался в ответ голос Саши. — Командира десантников везу.

— Ранен? — в один голос воскликнули двое.

— Тяжело. Неси плащ-палатку, две палки. Носилки смастерим.

— Да мы и так унесем. Сейчас Вера придет.

— Без носилок тяжелораненых нельзя переносить. Да тут еще матрос из флотилии.

Саша и Володя стали вытаскивать на берег раненых, а Коля побежал к сараю. Вдвоем с Верой они из плащ-палатки смастерили подобие носилок и бегом спустились к берегу.

Командир, у которого снарядом была раздроблена нога, лежал без сознания. Еще на катере ему врач сделал все, что было можно. Теперь ему нужен только покой.

А матрос, раненный в голову, то и дело приподнимался, хватался руками за окровавленный бинт, пытаясь сорвать его. Около этого нужно было сидеть и все время придерживать руки.

Вера подбежала к метавшемуся матросу и вопросительно посмотрела на Сашу, словно спрашивала, что делать.

— Я хотел ему руки связать, чтоб сам себе не навредил, — сказал Саша, — да нечем было.

— Нельзя вязать! Нельзя! — так и взвилась Вера. Даже кулачками засучила.

Саша испуганно отступил от нее. Но понял, что она, видимо, теперь всю жизнь не сможет спокойно видеть связанного человека.

Вера, тихонько плача и вздрагивая, словно в ознобе, присела возле матроса и, положив руку ему на лоб, дала пить. Немного выпив, раненый спросил:

— Мама, ты? — И блаженно добавил: — Хорошо. Как хорошо! Ты нашла меня.

Он успокоился, притих.

Вера, не снимая руки с его лба, кивнула стоявшему между командиром и матросом Саше, одними губами спросила, что у него с правой рукой.

— Царапнуло, — отмахнулся Реутов.

Убедившись, что матрос успокоился, Вера встала, чтобы обмыть лицо командира. И вдруг, подбежав к Саше Реутову, ухватила его за руку:

— Так у вас кровь!

— Все еще сочится? — с деланным равнодушием заметил тот. — Царапнуло уже в пути. Перевязывать нечем было. Я ремнем затянул выше локтя. А она вот... не останавливается.

Он это говорил, словно оправдывался. А Вера уже развязала ремень и стала закатывать рукав.

— Как же вам не стыдно! Зачем же вы притворяетесь, что не больно? Тут глубокая рана, а не царапина!

— Завяжите поскорей! Мне некогда, — торопил Саша. — Там ждут патроны.

— Володя, товарищ радист! Вы слышали? Там ждут патроны, и этот храбрец с такой раной хочет гнать лодку! — жаловалась Вера.

— Я поплыву! — с готовностью заявил радист.

— Ты же сам говорил, что весла держать не умеешь! — возразил Реутов. — А тут против течений. Да и не знаешь ты, где там искать наших.

— Я с ним, — робко спросился Коля. — Буду вдоль берега шестом гнать. Вера знает, как я это умею.

— Опять ты за свое? — вскрикнула сестра.

— Но теперь-то ты со своими людьми, — возразил Коля. А Саша торопил:

— Перевязывайте поскорей. Да мы с Колей отправимся. До поворота он погонит лодку. А там я его оставлю на берегу, в безопасном месте.

Вере пришлось согласиться. Понимала она, что Саша одной рукой не сможет гнать лодку против течения, да еще в такую даль. И сама уложила остаток цинковых ящичков на дно лодки.

Обеими руками она подержала брата за лицо, прижала к себе и прошептала:

— Смотри, будь осторожней. Нас только двое осталось ожидать папку с победой.

Коля молча кивал, стараясь поскорее уйти.

СКВОЗЬ ОГНИ И СМЕРЧИ

Привычно отталкиваясь шестом от неглубокого прибрежного дна реки, Коля сперва довольно быстро гнал большую неуклюжую лодку. Но потом все больше стал чувствовать ее тяжесть. Сама по себе она такая огромная, да и груз нелегкий, к тому же против течения.

Это вот когда плывешь на двухместной чайке, там стоит толкнуть шестом посильней, и она мчится — только барашки за бортом пошелестывают, побулькивают. Одно удовольствие!

А на этом дредноуте жми изо всех сил, а берег почти на месте. Оттолкнешься и только поднимешь шест, чтобы снова опереться, а течение уже сбilo ход. Не лодка, а норовистый конь, над которым все время надо помахивать кнутом. Что думал Саша, когда одной рукой собирался возвращать эту ладью к пристани? Сюда-то ему течение помогало, а вверх — он эту посудину с места не сдвинул бы. Коля очень быстро устал, под мышками взмокло, рубаха к спине прилипла, в горле пересохло. Нагибаться, чтоб зачерпнуть воды, нельзя — лодка потеряет скорость. А главное, что, только поддайся жажде, потом обопьешься и все равно пожар во рту не погасишь. Уж это Коля знал.

Все ближе поросший высоким ольшаником мыс, за которым река круто поворачивает вправо, куда-то в бездну огня, охватившего теперь уже все небо, в гром и грохот, в сплошной пулеметно-ружейный шквал. Теперь Коля все больше задумывался о том, как же они поплывут за поворотом, где река освещена, где все просматривается из дотов проклятыми гитлеряками.

Никогда еще Коля так не спешил. Даже когда изпод носа полиция увозил сестру, и то спокойнее работал шестом. А тут чем ближе к цели, тем больше он нажимал, боялся, что опоздают со своим грузом. Руки

что-то уж очень саднило, и они так взмокли, что шест выскальзывал. А тут уже вот он, поворот. Из-за косы, словно зарево заката перед ненастьем, все больше бушует пламя пожара.

«Теперь, Колька, нажимай на все педали!» — сам себе приказал гребец и перед решительным моментом быстро вытер об штаны сперва одну, потом другую руку. Сорвав с головы фуражку, туго протер шест. И только теперь понял, что скользким он был от крови — мозоли полопались и кровоточили.

Так много не наработаешь! Коля это знал. Надо было взять в руки по тряпке. В одной уже была кепка. Саша догадался, отдал свою кепку и предложил:

— Давай теперь я так же потолкаюсь.

— Ты шестом не сумеешь, — рукавом смахнув пот с губ, возразил Коля, — а на веслах — очень медленно.

— Все равно в заливе нельзя плыть стоя — сразу фашист срежет из пулемета.

Коля пригнулся, одним коленом стал на поперечной лавочке и, продолжая толкать лодку, нарочито бодро сказал:

— Можно и так, чтоб не маячить.

— Выберемся в залив, там видно будет, что можно, а чего нельзя.

Обогнув высокий лесистый мыс, лодка оказалась на безбрежном живом зеркале, в котором отражалось все, что творилось в городе. Коля даже растерялся, и лодка ткнулась носом в торфянистый берег.

— Немного постоим, оглядимся, — сказал Саша и, приложив козырьком руку к глазам, стал всматриваться в происходящее.

Коле, когда окинул взором все видимое, показалось, что он попал на какую-то дикарскую пляску огня и дыма. И он почувствовал себя крошечным, абсолютно беспомощным. Теперь он больше всего боялся за лодку.

Тяжелые цинковые ящики казались спичечными коробками, которых в этом океане огня и дыма хватит на одну вспышку, если даже их довести, куда следует. Но куда тут их следует везти?

На пожар, которым было охвачено все небо над городом, над всей окрестностью за рекой, Коля уже не смотрел. Сейчас его внимание привлекло то, что творилось на широком разливе реки, упиравшемся в набережную, в бухте, где был речной порт. Прямо перед ним ярко-желтым пламенем горел пакгауз, освещаая весь залив. Треск этого пожара был слышен даже сквозь пулеметную стрельбу, грохот орудий и минометов.

Немцы стреляли из трех дотов. Четвертый, тот, что у моста, дымился, будто он был наполнен сырым хвостом.

По дотам били пулеметы с двух наших катеров. Один из них укрылся за полузатопленным грузовым пароходом. Другой палил из-за баржи, груженной кирпичом, той самой, которую вечером видел Коля на Припяти. Этот бронекатер все время маневрировал. То уйдет к носовой части баржи и оттуда строчит из пулемета, пока над ним не начнут взметаться фонтаны воды от взрывающихся снарядов, то вернется к корме и повторит то же самое.

Чуть правее горел какой-то катер. Густой черный хвост дыма падал на воду и обволакивал все до самого берега. Но и там, над задымленной частью залива, все чаще взлетали водяные смерчи, вспыхивали огни разрывов. Видно, гитлеровцы боялись, что, пользуясь дымовой завесой, советские моряки высадят на берег десант, поэтому стреляли без перерыва.

— Куда ж нам тут плыть? — глотая застрявший в горле комок, спросил Коля старшего товарища.

— Наши не здесь, они защищают мост от взрыва,—

ответил Саша, не отводя глаз от набережной, извергавшей тремя жерлами сплошные трассы пулеметного огня. — Немцы заминировали мост, а взорвать его не успели: наш пулеметчик их вспугнул. Но они постараются подобраться к нему, подпалить шнур или что там у них. А мост этот, сам понимаешь, Красной Армии нужен, чтобы гнать фашистов дальше.

Коле сперва показалось, что Саша медлит от нерешительности. Но теперь он понял, что тот присматривается, можно ли пройти на лодке вдоль берега, так, чтобы немцы не обстреляли.

— Наши поставили катер между опорами моста и бьют по берегу с этой стороны. А ручной пулемет установлен за мостом, на нашем берегу. Туда патронов нужна чертова прорва. Но как тут их провезешь?

— Саша, у тебя ножик есть?

— Что нож против пулемета? — все так же не отрывая взгляда от горящей в огнях разрывов набережной, отвечал Реутов.

— Нарежем торфа. Загрузим лодку, так чтоб только водой не захлестывало. Такую толщину торфа пулемет не пробьет?

— Не знаю. Ну а как мы ее погоним?

— Как сено возят. Сами с этой стороны побредем по горло в воде и лодку будем толкать, — подсказывал Коля.

— А что, идея! Лодка с грузом глубоко сядет, авось и не заметят ее. Только пока возимся с торфом, ночь пройдет.

— Как же тогда? — огорчился Коля.

— А если просто зачерпнуть воды столько, чтобы лодка села поглубже?

— Эх ты! — обрадовался Коля. — Конечно, так быстрее. А воду тоже не пробьет?

— Вода надежней торфа. Пуля в ней сразу теряет силу.

И вдруг Коля встревожился, не намокнут ли патроны. Но не спросил об этом, чтоб партизаны потом не смеялись. Поразмыслив, он сам себе ответил, что ведь ящики металлические, сам видел, как они запыаны.

С полчаса провозились они, пока переложили цинковые ящики к левому борту и зачерпнули воды. Правда, был момент, когда боялись, что совсем затопят лодку, но потом она выровнялась. Воды в ней было по среднюю набоину.

Сначала наполненную водой лодку тащили, как бурлаки,— один идет вдоль берега и тянет за цепь, а другой шестом направляет ее. А когда подошли к мысу, за которым река простреливалась, оба разделись и, положив одежду на корму, влезли в воду. Саша хотел было и автомат оставить в лодке, но побоялся, что там его прострелят. Войдя в воду по горло, Коля держался за борт и тащил лодку. Саша двигался, подгибая ноги в коленях, чтобы не маячить над бортом. Метров пятьдесят шли они, понемногу толкая лодку вперед, как вдруг неподалеку раздался взрыв, лодку сильно толкнуло с противоположной стороны. Потом еще и еще.

— Заметили, паразиты! Из миномета шпарят! — сказал Саша и попросил прибавить шаг.

Коля и так шел по вязкому холодному дну из последних сил. Часто дно уходило из-под ног, и тогда приходилось выгребаться к берегу, на мелководе.

Вдруг ослепительный всплеск огня осветил берег, и вслед за взрывом на голову обрушились потоки жидкой грязи. Лодку закачало так, что казалось, она перевернется.

— Нащупывает! — заметил Саша.— Но нам еще десять метров бы, за поворот.

Фонтан воды, вдруг взметнувшийся за лодкой, накрыл обоих с головой. Но хуже было, что воды в лодке прибавилось настолько, что при малейшем крене она могла пойти ко дну.

— Еще бы немножко! — толкая изо всех сил, торопил Саша. — Вон видишь под мостом катер? Это наш «Варяг».

Коля увидел струю огня, вылетавшего из-под моста, догадался, что это бьет пулемет.

На какое-то мгновение Коля оглянулся туда, откуда они уходили. Дым с горящего судна теперь застилал уже половину залива. Пулеметная стрельба слилась в сплошную барабанную дробь. Мины повизгивали теперь во всех направлениях. Так что нельзя было понять, чей миномет в какую сторону бьет.

Наверное, случайный орудийный снаряд крупного калибра взорвался на середине залива, поднял голубовато-красный смерч воды и погнал к берегу огромную волну.

— Не поднимай голову! — закричал Саша.

Коля пригнулся вовремя. Над лодкой, словно метелица, пронеслась светящаяся пулеметная трасса.

— Еще немножко! За косу! — видимо, сам себя подгонял Саша. — Поняли, гады, что плывет не коряга!

И вдруг он как-то нелепо взмахнул правой рукой, словно хотел за что-то ухватиться, и скрылся под водой.

— Саша! — закричал что было силы Коля и метнулся назад.

Миновал то место, где только что был партизан. Но не наткнулся на него. Прошел назад, держась за лодку, которую течение уже разворачивало. С огромным трудом завернул лодку к берегу. И тут сзади нее, словно бросили горсть гальки, на воде вспыхнули бурунчики. Значит, такой вот пулеметной очередью скосило Сашу,

когда он высунулся из-за кормы. Надо было поставить лодку у берега и найти погибшего Сашу. Но Коля понял, что причалить перегруженную лодку он не сможет. А отпускать ее нельзя — сразу же унесет, и партизаны не получат патронов. Да и мало верил Коля, что разыщет убитого товарища, которого по крутому дну вода уже утащила на глубину. Хотелось кричать, звать на помощь. Но кто здесь услышит?

Опять светлая свинцовая метелица пронеслась над головой. Но тут же спасительный крутой поворот берега. Здесь Коля вовремя сообразил, что, заворачивая за мысок, лодка открывает его, обнажает перед тем, кто стрелял с набережной и сразил Сашу. Он забежал вперед, вытащил цепь и стал тянуть за нее, находясь впереди лодки. Теперь лодка его защищала всей своей огромной массой. А через несколько шагов он оказался за высоким мыском, вне досягаемости пулеметного огня. Какое-то время пули еще посвистывали высоко над головой. Но теперь его заботило уже другое: пайдет ли своих, сумеют ли они потом отыскать убитого Сашу. Пулемет под мостом теперь не стрелял: может быть, «Варяг» перешел в другое место. А может, фашисты его затопили...

От всего пережитого Коля начал мерзнуть и терять силы. Мост довольно быстро надвигался на него своей темной громадой. Но не верилось, что все же удастся добраться с этой неимоверно отяжелевшей ладьей.

Вдруг из-под ног ушло дно. Видимо, здесь был обрыв или лодка отошла от мелководья. Окупувшись с головой и чуть не захлебнувшись, Коля быстро ухватился за борт и, перебирая руками, перешел к корме. Изо всех сил стал грести ногами и свободной рукой тащить лодку к берегу. Но течение здесь было настолько сильное, что легко развернуло лодку в обратную сторону. Тут Коля увидел, что у самого берега темнеет кустар-

ник. Мгновенно созрело решение причалить лодку и привязать цепь за куст. Забравшись в лодку, он шестом направил ее по течению к берегу и, когда она прошуршала по рогозу, выскочил и закинул конец цепи за куст. На счастье, это была довольно толстая ольха. Цепь натянулась, но лодка пристала к берегу.

Первым делом Коля стал доставать со дна ящички с патронами и выбрасывать на берег. Они показались ему вдвое тяжелей, чем были, когда грузили. Будто бы и на самом деле отсырели. Выбросив ящички, он вышел на траву и чуть не упал. И все-таки преодолел бессилие, опираясь на шест, побрел по берегу, продираясь по густому кустарнику.

Теперь он не боялся за патроны. Если даже лодку и снесет случайной волной, партизаны подберут ящички. Только бы найти их самих.

Мост уже был совсем рядом. Тут, за мыском, стояла полутьма. Вода слабо освещалась отблеском пожаров. Под мостом угадывалось что-то черное. Но теперь оно больше отпугивало своей неизвестностью, чем привлекало.

Саша считал, что здесь стоял «Варяг». Но прошло столько времени. Может, вместо партизанского здесь уже фашистское судно.

И вдруг черный силуэт ударил красной огненной струей в сторону вражеского берега.

Дождавшись, когда пулемет утих, Коля закричал:
— Товарищ Моряк! Это я, Коля!

Из-под моста гулко раздалось в ответ:

— Коля! Ложись! Прячься под мостом. Я сам к тебе...

С противоположного берега ударил пулемет. Вокруг Коли затюкали пули. И он, пригибаясь за кустами, убежал под мост.

ЗА МИНУТУ ДО ПОБЕДЫ

Из черноты, царившей под мостом, подошла маленькая лодка, и на берег выскочил Моряк.

— Коля! Откуда ты? — Он ухватил юного друга за холодные мокрые плечи. — Как ты сюда попал? Ты околел.

— Мы с Сашей прив-в-в-зли патроны...

— Патроны? Где они? Скорей давай! — сняв с себя кожанку, Моряк накинул ее на плечи Коли и пошел с ним к лодке.

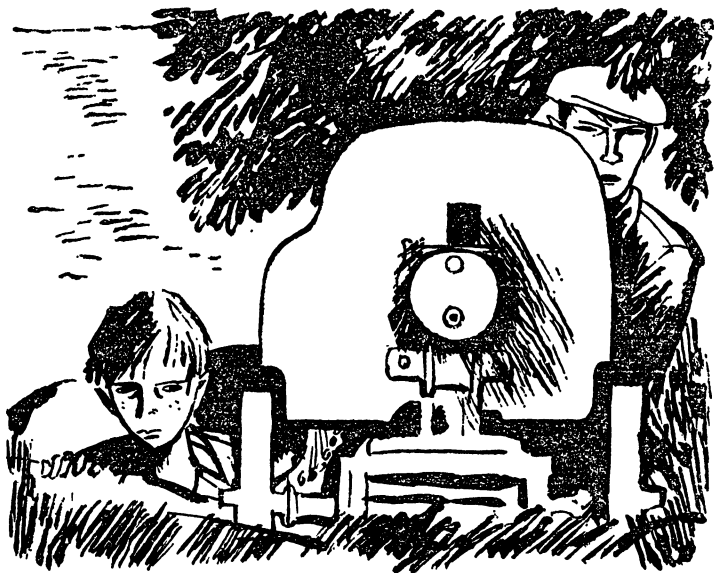
— Товарищ командир, а вы возьмите еще бойца на помощь. А то патронов много, за раз не унесем.

— Некого брат, дружище, — печально ответил командир. — Пулеметчику из своего гнезда выходить нельзя. В развалинах дота засели двое, подкарауливают гитлеровцев, ждут, когда появятся у моста. А на катере я остался один во всех лицах... Но ты скажи, как пробрался через тот ад. Ведь там все горит — щепка не проплывет!

Пока бежали к лодке, Коля немного согрелся и перестал стучать зубами. Но руки и ноги все еще мелко дрожали. Однако он храбрился и, с трудом поднимая цинковый ящик с патронами, старался не отставать от командира.

Когда перенесли под мост патроны, начало светать. Артиллерийская канонада утихла. В городе стояла сплошная трескотня от пожаров и ружейно-пулеметной стрельбы. Но на реке и пабержной все затихло. Видимо, десантники Пинской флотилии выбили фашистов из дотов. Бой шел где-то в парке. Коле показалось, что зря они с Сашей старались. Никому тут патроны уже не нужны. Все будет закончено где-то там, в центре города, и без их участия.

Распределив боеприпасы между тремя огневыми

точками, Моряк сам понес пулеметчику его долю, два ящика, и повел туда Колю.

Когда вышли из-под моста, Моряк окликнул кого-то еще невидимого:

— Кирюха!

— Здесь я, товарищ командир. Окоп углубляю,— слышалось в мелком кустарнике.

— Вот тебе напарник, обогрей его,— говорил командир, подходя к окопу, замаскированному ветками ольхи.— Но ты учти, что обстановка изменилась: то, что саперов мы выбили из развалин дота, полдела. Немцы могут воспользоваться мостом при массовом отступлении из города. Так что твоя задача держать дорогу к мосту под прицелом. Патронов мы тебе несем больше, чем надо!

— Тогда все будет в порядке,— весело ответил пулеметчик.

— Смотри, Кирюха, если здесь будет жарко, отошли Колю к развалинам сторожки по траншее. Там есть подвал.

— Будет сделано, товарищ командир.

Коля вздрогнул. Его испугал голос Кирилла. Ему казалось, что это он совсем недавно прокричал с моторной лодки: «Эй, голопузые! Рыбачить только до заката солнца!»

А командир, словно угадав Колины мысли, тут же подтвердил его догадку:

— Это наш лучший пулеметчик, Кирилл Чимарко. Слушайся его, как меня. Если какая опасность, сразу — к развалинам.— И, предупредив, чтобы без сигнала не стрелял, он пожал руку пулеметчику, потом Коле и ушел.

Коля отчужденно сел в просторном окопе и недоуменно пожал плечами: о какой опасности еще говорит командир, если бой ушел куда-то в сторону. Самым опасным Коля считал свое новое соседство. Совсем недавно Броник называл этого Кирилла Ястребом, а теперь партизаны считают его своим лучшим пулеметчиком. Но раз Моряк доверял этому Кириллу, значит, он свой, а в полиция только рядился. И Коля попросил какую-нибудь работу.

— Умеешь набивать ленту патронами? — спросил Кирилл.

— Покажите, научусь,— живо ответил Коля.

Кирилл показал ему, как это делается, и продолжал наблюдать за дорогой, которая по мере рассвета, казалось, становилась все шире.

Пулеметчику видна была только левая сторона дороги, выходявшей из-за двухэтажного белого дома и круто поднимавшейся на мост. Кирилл не сводил глаз с

этого дома даже тогда, когда открывал цинковые ящики с патронами.

— Главное, вовремя заметить! — озабоченно говорил он.

— А кого там надо замечать? — набивая ленту патронами, спрашивал Коля.

— У гитлеряк только один путь к отступлению — через мост, — пояснил пулеметчик. — Если какая недобитая свора вырвется из окружения, она хлынет сюда. Вот тут у нас и начнется работенка. Только ты, пожалуйста, кончай с патронами и — в развалины. Забирайся в подвал и оттуда корректируй огонь.

«Чего вы смеетесь надо мной? Я вам столько патронов привез, а вы...» — хотелось сказать Коле. Но неудобно было упрекать. Кирилл, видать, добрый парень и просто жалеет его, считает маленьким.

— Уходи! — вдруг крикнул Кирилл и прильнул к пулемету. — Поздно! Ложись на дно окопа.

Коля успел увидеть только передок черной легкой машины, высунувшейся из-за белой стенки дома, — партизан силой усадил его на дно продолговатого окопа.

— Уж если хочешь помогать, продолжай копать, — глядя, видимо, туда, откуда вышла машина и нарастал гул моторов, сказал пулеметчик. — Я не успел сделать ход к мосту. Хотя бы канаву прорыть, чтобы уползти отсюда, если нас засекут.

— Я быстро, — с готовностью ответил Коля, — где лопаточка?

Кирилл подал ему лопатку и вдруг тревожно спросил:

— Что у тебя с руками? В крови?

— А! — отмахнулся Коля.

Гулко раздался выстрел под мостом. Видимо, это

был сигнал командира отряда. Пулемет Кирилла тут же дал очередь.

Ударил и другой пулемет, за мостом. И началось. С немецкой стороны обрушился целый ураган — заработали и пулеметы, и винтовки, и автоматы. Раздался взрыв, от которого мост, казалось, зазвенел. Но он уцелел.

Коля копал изо всех сил, не жалея рук, на которых чуть присохшие окровавленные мозоли болели еще больше, чем когда орудовал шестом. Там холодная вода хоть немного притупляла боль. Здесь же на окровавленные ладони попадала земля, царапала, разъедала. Но рыть надо было. Канавка нужна метра два в длину. Вот он уже добрался до чахлого кустика чертополоха, который намечал для отдыха. Оглянувшись на Кирилла, Коля увидел, как он, припав к пулемету, подрагивал вместе с ним, когда давал очередь. Поняв, что пулеметчик его не видит, Коля чуть-чуть поднял из канавки голову и сквозь сухие нижние листья чертополоха глянул на дорогу, в сторону белого дома. Перед самым мостом густо дымила большая грузовая машина. В бок ей уперлась другая, словно пыталась столкнуть ее с дороги, но только загородила проезд. За ними чуть поодаль собралось десятка два грузовиков. К горячей машине подбежали пятеро немцев, но тут же они попадали. Было непонятно, чья очередь их скосила — Кирилла или тех, кто залег по другую сторону моста, в бывшем доте.

— Копай, — крикнул Кирилл, заметивший, что Коля увлекся опасным наблюдением.

И тут Коля услышал позади себя туканье пуль. «Фашисты засекли пулеметчика!» — понял он, и руки его заработали изо всех сил.

— Коля, быстрее! Переходим! — сквозь длинную очередь закричал Кирилл. — Коля, патро...

Коля оглянулся: Кирилл лежал на дне окопа, без-

жизненно разбросав руки, а пулемет стоял в углу, и струйка дыма синела над отверстием его ствола.

Страх сковал и ноги и руки. В ушах зазвенело. Коле показалось, что он остался совсем один на всем белом свете.

Новый взрыв за мостом то ли гранаты, то ли артиллерийского снаряда словно подбросил Колю. Почти не остерегаясь, он подбежал к пулеметчику, надеясь помочь ему, но понял, что тот убит. От ужаса Коля словно заоченел.

За мостом поднялся победный крик множества голосов. Видно, это фашисты по-своему кричали «ура». слышался топот их ног по мосту. Но длинная пулеметная очередь остановила и этот крик и этот топот.

«Патроны! Туда надо тащить патроны»,— Коля понял, что он должен делать в эту минуту.

На дне окопа, на мокрой рубашке убитого, лежали две полные ленты и еще не раскрытый цинковый ящик. Завернув все это в бушлат командира, Коля потащил узел за рукав. Тяжело, но тащить можно. Только канавка короткая. И рыть ее некогда. Надо скорее тащить патроны. Ведь командир разделил патроны поровну на троих. Кирилл половину своих израсходовал. Значит, и у тех осталось не больше. Пока он будет рыть канавку, патроны у других пулеметчиков кончатся — и фашисты прорвутся на мост.

И вдруг его осенила мысль, которая показалась самой главной: ведь немцы перестали стрелять в его сторону, раз пулемет Кирилла больше не работает. Уж наверняка у них есть бинокль, и они видят, как нелепо, совсем в другую сторону дулом стоит пулемет партизана. Значит, можно перебежать к катеру.

Дотащив тяжелый узел до своего наблюдательного пункта за кустиком чертополоха, Коля опять посмотрел на скопление гитлеровцев перед мостом. Теперь ему

показалось, что те чего-то ждут, попрытавшись за машинами. Даже стрелять перестали. Со стороны моста тоже прекратилась стрельба.

Жаль, что совсем рассвело, а то бы вот так переполз к мосту, и все. И вдруг Коля увидел свой катер и стоящего на нем Моряка. Тот смотрел в его сторону и, казалось, о чем-то спрашивал. Наверное, он понял, что пулеметчик погиб, и не знает, что теперь делать. И Коле в этот момент показалось самым главным заявить о себе, что он жив, что есть еще патроны. Выскочив из канавки, он побежал к мосту, волоча свой узел.

Пулеметная очередь, которую услышал уже под мостом, показалась вдвое громче, и Коля упал.

Тяжело дыша, он уткнулся лицом в сырой песок, но чувствовал, что не ранен, что в него не попали.

— Ползи к воде, — слышалось с катера. — Скорей к воде! Там не простреливается.

Коля узнал тревожный голос Моряка, хотя самого его теперь не видел. Быстро спустился к воде. Здесь, за широкой стеной железобетонной опоры, он почувствовал себя в полной безопасности. Оставив свой узел на песке, он поднялся во весь рост и старался увидеть кого-нибудь на катере, пришвартованном к опоре моста. Вдруг на палубу в одной тельняшке выскочил командир, махнул Коле, чтоб сел возле воды, видно, боялся, что залетит шальная пуля. И на шлюпке быстро подплыл к берегу.

— Что ты тащишь? — еще стоя в шлюпке, в сердцах воскликнул командир.

— Патроны.

Моряк выскочил на берег, схватил Колю и прижал к себе так, словно мог защитить своим телом от пули врага. Его тельняшка пахла машинным маслом и пороховым дымом. Плечо было в крови. Она уже запеклась и почернела.

— Эх ты, партизанище! Вовремя не ушел к развалинам. А теперь подниматься туда нельзя — все простреливается. Что же мне с тобою делать? Куда тебя в этом аду?

— С вами.

— Ты шутишь! Мотор не работает. Теперь это не катер, а железный гроб. Немцы снова могут появиться. А Кирюха что? — поднимая узел, спросил Моряк.

— Его сразу... — опустив голову, ответил Коля. — Замолчал, и все...

— Замолчал, и все... — тяжело вздохнул Моряк. — Видел бы, сколько он переколошматил эсэсовцев. Ему в центре города надо памятник поставить, чтоб люди знали, что полицаем он никогда не был.

Снова загудели машины на подступах к мосту.

— Пошли! — Моряк решительно взял юного друга за руку и втащил на шлюпку. — Одному тебе еще опасней.

На катере их было только двое. Да двое партизан с «максимом» засели на вражеской стороне реки, среди камней развороченного взрывами дота. Взмахом руки Моряк начал подавать им сигналы. Второй номер пулеметчика отвечал ему таким же способом.

— Патроны кончаются! — сказал Моряк, раздеваясь. — Я вплавь отнесу им патроны. А ты лезь в трюм.

Взяв цинковый ящик, Моряк поплыл к другому берегу.

Коля в трюм, конечно, не полез. Он притаился на палубе и следил за уплывавшим командиром. Ему казалось, что, пока он не спускает с Моряка глаз, с тем ничего не случится.

Моряк переплыл реку, отдал патроны подбежавшему партизану и тут же вернулся.

— Марш в трюм! — скомандовал он, увидев Колю на палубе. — Сейчас начнется...

Коля и сам уже слышал рев моторов каких-то, видимо очень больших, машин. И, уже спускаясь в трюм, увидел бронетранспортер и огромные грузовики, крытые брезентом. Колонна остановилась. С бронетранспортера ударил миномет. Спустившись в трюм, Коля подбежал к люку и понял, почему Моряк не стреляет отсюда, а остался с винтовкой на палубе. Из люка была видна только часть дороги, развороченный дот и часть набережной справа от него. Немцев на набережной не было. Теперь Коля видел только то, что делали партизаны, засевшие в развалинах дота.

Вот перед развалинами взорвалась мина. Партизаны мгновенно провалились куда-то в нагромождение обломков бетона. Второй взрыв брызнул как раз над этими обломками. Третий, четвертый. Всего Коля насчитал двенадцать минных разрывов. От некоторых верхних глыб бетона осталась только щебенка.

Когда стрельба из миномета прекратилась, моторы снова взревели и, видимо, двинулись к мосту беспрепятственно.

Скрежещущие, грохочущие траки бронетранспортера, казалось, шли прямо по спине Коли. Коля стал бояться, чтобы на катер не обрушился мост. Ему казалось, что вот-вот загромыхает мост под тяжестью железных громадин и разрушится, раскрошится, как те обломки дота, погребет «Варяг» на дне реки. Хотел было окликнуть командира, но побоялся его отвлекать. Услышит голос, шевельнется, и его обстреляют с берега.

Печально посмотрел на безжизненные развалины дота. И вдруг заметил, что там перевернулся один камень, потом второй. Показалось дуло пулемета. Потом высунулся весь пулемет, а за ним из развалин выбрались и оба партизана.

От восторга Коля чуть не закричал.

Машины, очевидно, уже подошли к мосту, но партизаны сидели, притаившись, у нацеленного пулемета — то ли не было команды, то ли сами выжидали. Но вот один из них выбрался из развалин и по тропинке пополз в сторону моста. Снизу Коле не было видно, как он там ползет.

И вдруг взрыв! Даже катер закачался.

В первое мгновение Коля подумал, что это взорвался мост. Уж очень здорово грохнуло. Но потом увидел, что опора моста цела и сверху ничего не валится. Зато после этого взрыва прекратился рев бронетранспортера, который будоражил все вокруг с момента появления его на площади.

— Коля! — окликнул с палубы Моряк. — Слышал? Остапенко подорвал бронетранспортер!

Коля живо откликнулся, готовый выскочить на палубу.

— Ты сиди, сиди! — остудил его Моряк. — Не высывайся. Немцы этого так не простят. Уж теперь они возьмутся за нас всерьез.

Раздался дробный стук пулемета. Коля прильнул к люку. Стрелял «максим». Но в то же время вокруг него на камнях вспыхивали белые фонтанчики. Значит, били и враги. «Максим» умолк, а с вражеской стороны по развалинам ударило сразу несколько пулеметов.

И вдруг Коля закричал на палубу:

— Товарищ командир! К доту от набережной ползут фашисты!

— Молодец, Коля! Одного я уже вижу, — ответил Моряк. — А вон и второй. Но ты не высывайся.

Раздался выстрел, прогремевший в трюме, как гром. Гитлеровец уткнулся в землю и даже гранату выронил, она так и скатилась к воде. Коля понял, что уложил его Моряк.

Второй выстрел остановил другого.

«Как он их? Ведь они в касках! — подумал Коля.— Бронебойными, что ли?»

На берегу послышался крик немецкого командира. Кого-то он торопил или бранил запальчиво, взаклеб.

Возле катера вдруг раздался взрыв, и в открытый люк сверху хлынул целый каскад воды. В трюм влетел Моряк.

— Засекли, гады! — возбужденно и как будто бы даже торжественно объявил он во весь голос.— А ну дай я отсюда, из люка,— и он устроился на месте Коли.— А-а!

Коля удивился, каким энергичным, каким кипучим был в этот момент командир.

— Вижу! Прекрасно! Третий ползет. Этот взял ниже. Ну, посмотрим, куда он доползет. А ребята ведь не увидят его... Молодец, Коля! Как ты их вовремя заметил!

Раздался выстрел, казалось, разорвавший весь трюм.

— Ну-ка посмотри, Коля, а я перезаряжу винтовку.

Коля прильнул к люку. Трое в зеленых касках застыли на пути к доту. Партизаны лежали у пулемета, пока что молчавшего.

Опять послышался визгливый голос немецкого офицера.

Коля из-за спины Моряка хотел глянуть через люк. Но командир не разрешил высовываться и сказал, что пока не видит больше никого на пути к доту.

Так они сидели возле люка в ожидании, что будет дальше. И вдруг катер подбросило сильным взрывом. Колю оглушило так, что он как-то недоуменно посмотрел на командира, словно хотел что-то спросить и не мог.

— Выбираемся отсюда,— проговорил Моряк.— Ты плавать умеешь?

Коля утвердительно кивнул.

— Спустимся в воду с кормы и за опорой в воде попробуем укрыться от обстрела. Катер эти гады теперь расчихвостят.

Новый взрыв задрал нос корабля, и в боковой пролом хлынула вода.

Повесив винтовку через плечо, сумку с патронами через другое, Моряк ухватил Колю за руку и потащил за собой. Он не пускал его вперед — видимо, боялся, чтобы тот не высунулся на палубу в опасный момент. Выбравшись на палубу, он подхватил Колю под мышку и одним махом переметнул за борт, в воду.

— Скорей плыви, прячься за опорой, — приказал он, — там продержимся.

Через минуту они оба ухватились за железные крючья, торчавшие в бетонной опоре моста, и, считая себя в безопасности, смотрели на тонущий катер.

На берегу совсем неожиданно послышалось многоголосое «ура!». Винтовочные выстрелы, автоматные очереди, разрывы гранат приближались к мосту откуда-то слева, не с той стороны, с которой появлялись немцы, стремившиеся на мост.

Раздался еще один взрыв за бортом наполовину затонувшего катера. Но на этот взрыв Моряк уже не обратил внимания. Его теперь захватило то, что происходило на берегу.

— Наши! Коля, наши! — кричал он в восторге. — Красная Армия! Теперь и пулеметчики спа... — и вдруг он осекся, увидев кровь на голове своего юного друга.

Коля, держась одной рукой за крюк, смотрел на него, широко раскрыв рот, словно хотел что-то сказать, но не мог. Ему показалось, что голову окунули в огонь, в темноту, в страшную боль.

— Коля! — закричал Моряк, подняв мальчишку над водой. — Мальчик мой!

И, держа над собой сразу обмякшего, истекающего кровью мальчишку, Моряк на спине поплыл к берегу.

Мост громыхал под колесами множества машин. Победное «ура!» удалялось от моста, видимо, туда, за угловой дом, откуда совсем еще недавно выкатывались удиравшие фашисты. Больше не было слышно ни немецкой команды, ни буханья немецких пулеметов, ни оружейных выстрелов.

Но все это как-то не радовало теперь Моряка. Не слышно было самого главного — голоса Коли, звонкого и немножко робкого голоса Найденыша.

Добравшись до берега, Моряк положил юного партизана на влажный песок. Пригоршней принес воды и смыл кровь с раны, которая уже переставала кровоточить: тело уже остывало. Потом так же отмыл лицо. Убрал с глаз легкую прядку волос.

— Одной минуты не дотянул до победы, — сам себе тихо промолвил Моряк.

Он мельком глянул на тот берег, где теперь уже во весь рост стояли на развалинах дота двое партизан. Устало махнул им, мол, идите сюда. И, словно они могли услышать его через реку сквозь шум и грохот городского боя, тихо, уверенно сказал:

— Теперь там управятся без нас.

И сел рядом с Колей. Маленький, худой, мальчик, казалось, с горькой обидой смотрел в светлое небо, на котором уже блеснули первые лучи утреннего солнца.

Р А С С К А З Ы

БОЕВОЕ ЗАДАНИЕ

В начале войны я оказался в окружении и попал к партизанам. Командир отряда узнал, что у меня почти что высшее образование, назначил меня писарем. Штаба еще не было, но штабные дела уже появились. Должность это почетная, но мне она показалась нудной. Ну сами подумайте: товарищи мои ходят на боевые задания, пускают под откос фашистские поезда с военной техникой да горючим, подрывают мосты, уничтожают гитлеровцев, а я все это только записываю да приказы командира строчу.

Пришел как-то командир диверсионной группы Саша Золотов и рассказывает, что творилось, когда пустили под откос эшелон с бензином. Над фашистами небо рвалось — громы и молнии. А под ногами у них земля горела.

Я же все это только записываю.

Однажды после большого боя приносят партизаны целый килограмм фашистских орденов. И прямо ко мне: «Ну-ка, писарь, занеси в свой конduit». Куда деваться? Заносу. А сам еще ни одного фашиста не убил.

Так прошло больше года. В отряде уже около ста человек. И много таких, что могли бы занять мою должность. Вот я обратился к командиру с решительной просьбой перевести меня в боевую группу или хотя бы раз послать с подрывниками или разведчиками на боевое задание.

— Чем же у тебя не боевое задание? — ответил командир. — Ты на самом боевом посту — душа отряда. Вот создадим штаб, тогда и посмотрим,.. А пока пиши.

Что будешь делать? Сижу, пишу. Воюю на бумаге.

А тут стряслась беда. Ушли подрывники на железную дорогу и не вернулись. Послали мы по их следам разведку и узнали, что ребята наши даже не дошли до железной дороги, погибли тут, рядом, за рекой. Их перестреляли бандеровцы. Люди прозвали их секачами, сокирниками *, за то, что секли и рубили всех, за кого им гитлеровцы платили.

Нам уже сообщали, что за речкой, в Волчищах, появились эти сокирники, что они ловят партизан и передают гестаповцам. А те платят им продуктами да табаком. Мы не верили, что это правда. Очень уж это дико. Ну а когда эти головорезы подняли руку на наших ребят, мы тут же решили с ними расправиться.

В первую очередь надо поймать главаря. Ведь не все село в банде. Ну а как ты узнаешь, кто там главарь?

Послали мы в разведку Сережу Пасечника. Смелый был хлопец, разбитной. Но схватили его бандиты, связали и отвезли в гестапо.

Пошла наша самая хитрая разведчица, Зося Ткачук. Уж эта все разузнала бы до тонкости, она умела к людям подходить, особенно к женщинам. Но и ей не повезло. Зося родом была из Малевичей. Это на границе с Западной Белоруссией, за сотню километров от украинского села Вербное, в котором стоял наш отряд. Мы надеялись, что тут Зосю никто не знает. Да и она была в этом уверена. А входит она в Волчищи, и вдруг ей навстречу хромает бабуся с палочкой, ее соседка из Малевичей.

---

* Сокира — топор (укр.).

— Зосечка! А сказали, что ты была в партизанах да тебя немцы убили! — на всю улицу запричитала старуха и руками всплеснула от радости.— Иди ж я тебя поцелую, моя дорогая соседочка!

На лавке перед домом, возле которого они встретились, сидят женщины, уши развесили. А бабуся не унижается:

— Ты думаешь, чего ж я тут? Вот же когда твоего батька повесили немцы, а хату подпалили, занялась и моя халупа. Осталась я в чем сейчас перед тобою стою. Так я за палку и пошкандыбала от села до села. Люди добрые кормили и переночевать пускали. На десятый день и пришкандыбала сюда, в Волчищи. Тут же у меня брат жил. А только и его уже нету. Хашисты заporоли шонполами. Хатынка стоит, то я в ней и притулилась. Ну то теперь вдвоем будем бедовать. Ты мне будешь и за дочку и за внучку. Между людьми не пропадем...

Ну, после такой «радостной» встречи Зосе ничего не оставалось делать, как поскорее уйти: через час все село будет знать, что она дочь замученного фашистами коммуниста...

Вернулась она в отряд, рассказала о случившемся. Загоревали мы. Сидим вечером в хате: командир, комиссар и я. Сидим и думаем, что делать. Лучина в пещурке чуть поблескивает, да нам свет и не нужен. Досада берет.

Вдруг вбегает часовой:

— Товарищ командир, там задержали дядьку, в Волчищи шел.

А мы теперь никого не пускали за речку через наше село.

— Давай его сюда! — требует командир.

Входит печник. Я это сразу понял по заляпанной глиной одежде, по инструментам. И невольно вспомнил

отца. Он тоже был печником. Но всегда и уходил на работу чистым, и приходил таким, будто бы только что искупался. Но таких мастеров мало, каким был мой батя.

Командир подбросил в печурку лучины. Смолистые чурочки вспыхнули, осветили усатое, мрачное лицо задержанного.

— Вы что, печник? — спрашивает командир мужика, робко остановившегося у порога.

— Га? — печник приставил руку к уху, как делают глухие. — Вы мини? Кажить дужче, бо я тугый на вухо.

Командир усадил его на скамейку рядом с собой и расспрашивает, зачем шел, почему именно в Волчищи и как раз через село, занятое партизанами. Тот поясняет, что из его села другой дороги в Волчищи нет. А шел именно туда потому, что там можно хорошо заработать: село богатое, в начале войны домов понастроили, а печек нету.

Командир спросил, большая ли у печника семья. Тот ответил, что жену и четырех маленьких дочек фашисты сожгли в их собственном доме за то, что накормили и обогрели партизан. Осталась только старуха мать да семилетний сынишка, но и те уцелели случайно: мать грибы собирала в лесу, а мальчишка пас корову. Теперь они в лесу живут, в землянке.

Пока они так перекинулись на всю комнату, мы с комиссаром потихоньку говорили о том, что, если бы печник не был глухим, ему и поручили бы разведку в бандитском селе. Но что может узнать глухой? Кто станет кричать ему в ухо про банду и ее главаря?

И тут я вспомнил своего батю, как он звал помогать ему и все твердил: «В жизни любая специальность может пригодиться». Вспомнил я все это и вполголоса говорю комиссару:

— Дурень я, не научился у батьки делать печи, теперь пошел бы вместо глухого и все разузнал.

Командир повернулся. Лицо красное, то ли от печурки, то ли от гнева.

— У тебя батько был печник?

— Да,— говорю,— печник. Да еще какой! Печка у него звенела, как медный колокол!

— И ты, бисова душа, не научился печи делать? — командир подошел ко мне так быстро, что я думал — за уши отдерет, как провинившегося мальчишку. Он был вдвое старше меня, мог наказать попросту, по-отцовски.

Я только руками развел:

— Вот же не научился, грязной работы боялся.

— Ну так садись и учись,— приказал он.— Дядьку этого мы задержим, а ты пойдешь вместо него. К утру чтобы стал первоклассным печником.

Тут же натаскали в хату кирпича и начали делать печку. Командир и комиссар перебрались в другую хату, а мы работаем.

К утру я должен стать «первоклассным печником», а штабных дел у меня по горло. И много таких, что надо за ночь завершить, иначе без меня тут не разберутся. Подставил я стол с бумагами к самой печке. Пишу приказы, подшиваю дела, а изредка посматриваю на шуструю работу печника. Я считал, что самое главное в печном деле — это запомнить, что за чем идет — когда дверцы вставить, когда колодезя выводить.

Мастер долго молчал, делал свое дело. А потом, когда уже возвел половину печки, сказал скорее с насмешкой, чем с упреком:

— Учитесь вы, я вижу, как мой племянник, заглазно. В тридцать девятом, как пришли Советы, Володька поехал в Москву, поступать в институт. А через месяц вернулся с двумя чемоданами книг.

«Не приняли?» — испугалась мать.

«Чего же. Припяли. Учиться буду заглазно. И работать и учиться».

Вот и вы тоже заглазно... А только печка не институт. Тут главное, чтобы руки навыкли.

Да, прав этот добрый дядя. Тысячу раз прав. Но что мне делать? Надо и то и это...

Вот тут я и вспомнил своего батю печника...

Когда я учился в пятом классе, мечтал стать корабелом. День и ночь строил катера, крейсера, эсминцы. Все доски, какие отец запасал для дела, я изрежу, бывало, на кораблики.

Закончил шестой класс. Большой стал, такой дядя, как сейчас, только лет меньше. Отец и говорит:

— Раз у тебя каникулы, идем со мною печи делать.

А батя был самый лучший печник во всей округе. За ним нередко приходили из таких дальних деревень, что я и названия их не слыхивал.

Зовет он меня с собою: поработаешь каникулы, на инструмент заработаешь, а зимой опять строй свои корабли.

Я мнусь: очень уж не хотелось учиться на печника. Наконец набрался храбрости и бухнул:

— Я не хочу быть печником! Выучусь на корабела.

— Да я тебя и не заставляю всю жизнь ходить в печниках. Только летом будешь помогать. Я-то без тебя обойдусь, а тебе лишняя специальность в жизни пригодится.

— Печи делать пригодится? — не поверил я. — Что я, на скоростном лайнере буду ляпать из глины твои печи?!

— Не хочешь, оставайся собак гонять!

На том дело и кончилось. Отец ушел на все лето один.

А через год он опять мне свое:

— Ну, ты уже совсем большой, да и поумнее стал, Идем все же печи делать.

И опять я ему:

— Не хочу печником быть.

Теперь я уже мечтал стать полярным летчиком.

Он опять повторяет, что не собирается делать меня печником, но что в жизни мне это пригодится.

— Что? На самолете печку из глины лепить пригодится? — опять я поставил его в тупик.

Ушел мой батя один. А я остался «собак гонять»...

И вот теперь вспомнил я об этом и пожалел, что ни разу не пошел с отцом. Хоть инструмент научился бы держать, руки привыкли бы, сноровка появилась бы.

...В полночь печник сделал голландку, а меня заставил разобрать, чтоб лучше запомнил, что к чему. Разбирал я охотно и быстро. А когда он начал вторую, я снова сидел за своими бумагами. Дел было еще целый ворох, а ночь таяла, как снег в теплый весенний день.

Утром приходит командир и спрашивает, научился ли я делать печи.

— Научился, товарищ командир! — браво отвечаю ему, а сам засовываю штабные бумаги в портфель.

— Ну, вот тебе и боевое задание, о котором ты мне уши прожужжал, — говорит командир. — Иди в Волчицы, делай печи, а краем уха слушай да наматывай на ус. Хоть всем бандитам поставь печи, а пока не разнюхаешь про главаря, не возвращайся. Ты украинец, тебе нетрудно будет войти в доверие. Ну а как бывший учитель, сумеешь подружиться с мальчишками. Через них скорее всего и разознаешь, что надо.

— Ну а если и узнаю, кто главарь, что тогда? Ведь их так просто не возьмешь.

— Завтра пошлю группу автоматчиков на ту сторону Волчиц. Они поселятся в сарае лесника, где мы с

тобою прятались во время облавы. Надо будет, враз оцепим эти Волчищи и выловим фашистское зверье, какое там развелось. Условимся о сигнале, в случае если что с тобою случится...

Напялил я на себя заляпанную глиной одежонку печника. Взял его нехитрый инструмент и отправился на свое первое боевое задание.

И должен вам признаться, дорого обошлось бы мне, это долгожданное задание, не попадись мне тогда Федя, двенадцатилетний мальчишка, сын красноармейца-фронтовика.

Ну так вот, перевезли меня на лодке в глухом месте на тот берег. Километра три я еще прошел лесом вдоль реки, подковой огибавшей Волчищи, и вышел на скошенный луг. Теперь кто встретится, скажу, что иду из Вишняков. Это село совсем по другую сторону Волчищ. И только выбрался из леса, смотрю — на лужайке пасется стадо коров. И возле него два мужика. Один сидит на пне, а другой пасет коня на поводу. Кажется, о чем-то спорят.

Дальше, за кустарником, виднеется село. Среди почерневших от времени хат и сараев заметно выделялось несколько огромных домов, срубленных из свежеспиленных сосновых бревен.

«Дорвалось кулачье до дармового леса!» — подумал я с досадой. Прошел еще немного и вижу, что пастухи меня заметили. А тот, что с конем, даже ладонь приставил к глазам, присматривается ко мне. Я иду, не обращая внимания. Но он по моей заляпанной одежде, видно, догадался, кто я, кричит:

— Эй, дядько, ты печник?

А я еще, когда плыл на лодке, подумал:

«Ну хорошо, приду я в село, буду делать печи, но какой дурень станет при мне говорить о бандитах. А что, если притвориться глуховатым? Меньше будут обращать

на меня внимания и, может, хоть шепотом, да в чем-то проговорятся».

Так я и вышел на поляну, притворившись глухим. Поэтому, когда тот мужик окликнул меня, я даже не глянул в его сторону. Он крикнул громче. Молчу: ведь я глухой. Тогда он спутал коня концом повода и быстро пошел мне наперерез и почти в упор задал все тот же вопрос, печник ли я.

Я как можно бессмысленнее посмотрел на него и, как тот глухой печник, приставил руку к правому уху:

— Га? Вы мини? Кажить дужче, бо я тугый на вухо!

Дядько орет на всю поляну. Я ему отвечаю в том же духе: ведь глухие говорят громко.

Уже начиналась осень, и мужику позарез нужна была печка — простая голландка для обогрева. Он сказал, что готов уплатить сколько угодно. Я и запросил с него двойную цену.

Мужик сердито глянул на меня из-под рыжих лохматых бровей, но сказал, что согласен, только бы печка хорошо грела. Так мы сторговались, а вернее сказать, скричались и пошли в село. Мужик назвался Иваном, а я — Гавриилом.

— В вашем селе еще много коров осталось? — сказал я, чтобы завязать разговор, а главное, приучить хозяина говорить со мною, как с глухим. — Наверно, штук двадцать?

— Вы про этих коров говорите? — в ухо закричал мне Иван и самодовольно ухмыльнулся. — То мое стадо. Пополам с братом.

Видя мое удивление, он охотно рассказал, откуда появилось у них с братом такое большое стадо. При Советской власти он работал возчиком райпотребсоюза. И, как началась война, запасся солью и еще кое-чем... А через полгода уже за пять килограммов соли давали добрую корову.

— При немцах хозяйственному человеку жить можно,— заключил он самодовольно.

— Помни первую заповедь: не зевай! — сказал я, за простодушной улыбкой скрывая свое истинное отношение к этому хапуге.

Он же весело подхватил:

— Так-так! То добрая заповедь на все времена и на всякую власть.

Мы остановились возле большого деревянного дома из толстых, еще не потемневших и, видимо, не высохших сосновых бревен. Дом стоял наполовину в лесу. И я сразу подумал, что в случае неудачи отсюда легко бежать.

— За месяц срубили дом! — похвалился Иван. — В старом остался брат, а я скоренько, пока не было никаких лесников, ни советских, ни немецких, навозил лесу и сбудовал.

«И тоже соль помогла», — подумал я, уже хорошо понимая этого хапугу.

Ну, вошли мы в дом, разделенный на две половины огромными, как сарай, сенями. Открыли дверь направо, в нежилую просторную «залу», как ее назвал хозяин. На середине этой «залы» из-под пола выступал каменный фундамент, на котором и предстояло соорудить мою первую в жизни печку.

— Да-а, чтобы обогреть такую площадь, нужна огромная голландка, да еще и с духовкой,— со знанием дела сказал я, сомневаясь, что она мне удастся.

Иван ответил, что духовки у него нету. Единственный в округе кузнец и жестянщик в начале войны ушел в Красную Армию.

В помощники мне хозяин привел худого, тонкошегостого подростка, у которого были непомерно большие руки и лохматая, видно, с самого начала войны не стриженная голова.

— Вот, Федько, помогай пану,— громко, чтоб слышал и я, сказал хозяин, назвав меня чуждым, враждебным с детства словом пан. — Буду платить, как и за молотьбу. Пойдешь на обед, так чтобы одна нога там, а другая тут. Пан мастер не должен тебя ждать. — А мне еще громче добавил: — Не давайте Федьку спуска, бо плачу я ему целый килограмм проса. Что не так, то и подзатыльника ему не стесняйтесь отпускать. Теперь, слава богу, миновала вольница голодранцев.

Мальчик посмотрел на меня так умоляюще, так печально, что в душе у меня шевельнулась мысль: «Вернули фашисты батрацкую долю...» И я решил про себя, что буду звать его Федей, а не пренебрежительным Федько.

Пока хозяин сколачивал из старых досок короб для размешивания раствора, мы с Федей нанесли в хату кирпича и начали просеивать песок. Работали мы с ним дружно и молча. Я-то на положении глухого не мог задавать ему вопросов. А он, видимо, стеснялся мне кричать. Впрочем, мы очень скоро научились понимать друг друга. Федя был очень догадливый и сноровистый, к тому же выяснилось, что он уже помогал однажды печнику.

Когда все подготовили и развели раствор, я вспомнил, что ему надо постоять, чтобы размякли крупички глины, и сел на кучу кирпича. Юному помощнику своему я жестом указал место рядом. А хозяину громко сказал, кивнув на короб с раствором:

— Пусть немного загустеет.

Пока раствор загустеет, я отдохну, соберусь с мыслями, настрою себя на новое для меня дело.

Но тут вошла хозяйка, неправдоподобно полная, краснощекая женщина с короткими пухлыми пальцами, и позвала завтракать.

Я махнул Феде, мол, идем. Но тот отрицательно мотнул головой. А хозяин прокричал не очень громко:

— Он у нас поденно работает. На своих харчах.

Кулацкая жадность хозяина так меня возмутила, что я сделал вид, что не расслышал его. Положив руку на плечо батрачонка, я молча повел его за хозяйкой. Вошли на кухню, из которой две двери вели в другие комнаты. Справа полкомнаты здесь занимала огромная русская печь. А слева, в углу, сплошь завешанном иконами, стоял дубовый стол величиной с добрую кровать.

«Все здесь массивное и добротное. Какую же печь надо соорудить, чтобы угодить хозяину!» — озабоченно подумал я, все больше чувствуя себя не в своих санях.

Хозяин прошел в угол и сел под образами, во главе стола. Там уже дымилась большая глиняная миска темно-красного наваристого борща. На другом конце стояла другая такая же миска. Я понял, что это для меня.

Хозяин удивленно глянул на батрака, и тот, выскользнув из-под моей руки, робко сел на скамье у самого порога.

— Я не сам. То они, дядя печник, меня привели, — униженно пролепетал Федя. — Я уже позавтракал дома. А они меня повели. Я лучше пойду пока молотить, — и он сорвался было с места.

Но я все так же за плечо подвел его к столу.

— Вы уж не прогневайтесь: мы разделим с Федей мою порцию, — сказал я, не глянув на хозяина, которого уже ненавидел. — У меня дома двое. Они всегда хотят есть.

Видимо устыдившись, хозяйка принесла еще одну миску борща и поставила перед Федей. Но ложку положила все-таки выщербленную, завалящую.

Хозяин быстро съел борщ, облизал ложку и спросил меня:

— А сами вы издалека?

Мне так не хотелось с ним говорить, что я сделал вид, будто не слышу вопроса. А чтобы не выдать себя какой-нибудь неловкостью в движениях или выражении лица, я подсунул Феде большой ломоть хлеба и сказал:

— Ты побольше хлеба ешь, сила будет. А то я тебя сейчас знаешь как гонять буду... Федя, подай! Федя, принеси! Помешай! На одной ножке крутиться будешь.

— Я работы не боюсь! — весело ответил во весь голос разругавшийся от сытной еды мальчонка. — Я крепкий!

Однако, чувствуя, что хозяин сгорает от любопытства, я решил открыться, откуда я и как попал именно в Волчищи.

— Борщ хозяйка сварила, прямо скажем, царский, — начал я издали. — Давно такого не ел. Я ж из дому уже вторую неделю.

И тут мне Федя помог: задал тот же вопрос, что и хозяин. Только он говорил громче и ясней, поэтому я и «услышал».

— Из Любешова я, Федя. На лодке целый день плыл до Нобля. В Нобле больше недели прохворал. Ни дела, ни работы. Зато узнал там, что в вашем селе много новых домов, а печника нету.

— Бывал я, бывал в Любешове, — подхватил хозяин громче прежнего и пытливо посмотрел на меня.

«Ему хочется задать вопрос, чего же я в такую даль пошел на заработки», — догадываюсь я и дальше гну свою линию:

— В Любешове теперь никакого заработка. Многие дома за последнее время перешли на центральное отопление. Ну а кому и нужно бы переложить печь, так не затевает, бо нечем платить. Какими-нибудь тряпками я не возьму. Мне нужен хлеб. Детей кормить нечем. Теперь все из города стараются в село пробраться на заработки. Даже учителя, видел, молотят в селах, — уж

это-то я говорил на случай, вдруг провалюсь как печник, то легче будет выкручиваться, мол, беда погнала на такую малознакомую работу.

И вдруг хозяин задал вопрос, на котором я мог бы сразу погореть, если бы не знал Любешова.

— Там была старинная гимназия. Так, говорят, ее разбомбило,— принимаясь за молочную пшеничную кашу, которую всем подставила хозяйка, сказал Иван, будто бы между прочим.

— В гимназии теперь комендатура, и никакой бомбежки в нашем городе не было. То вам кто-то неправду сказал,— ответил я еще более равнодушным тоном и стал рассказывать о городе.

В Любешове два года стояла воинская часть, в которой я служил. А недавно я записывал доклад командира группы подрывников, которым удалось подорвать в этом городе склад боеприпасов. Об этом, единственном в городе взрыве я тоже сказал Ивану.

Вернувшись после обеда к своей работе, мы с Федей принялись размешивать раствор. А хозяин стоял возле фундамента и ждал, когда я начну работать.

И вот впервые в жизни беру я в руки мастерок.

Да, а в какую руку брать мастерок, в какую кирпич? Печнику-то я помогал только глазами! А как делал отец, даже не видывал.

Вот тут-то я и вспомнил предсказание своего бати. Откуда он знал, что мне его профессия в жизни так пригодится?

Раздумываю, с чего и как начинать, а хозяин и мой помощник стоят с двух сторон, смотрят на меня, как болельщики на боксера.

Но думай не думай, а начинать надо. Беру мастерок в правую, кирпич в левую руку. Держу так крепко, что пальцы побелели. Зачерпнул раствора. На полную лопаточку захватил. С размаха плеснул на ребро кирпи-

ча. Половина раствора рикошетом отлетела и все лицо залепила хозяину, стоявшему слева.

В другое время я бы расхохотался. Но тут положение у меня было такое, что в пору плакать, а не смеяться. Положил я свой кирпич в угол будущей печки. Беру второй. А чтоб не залепить теперь Феде, держу кирпич прямо перед собой, к груди прижимаю. Теперь подхватил раствору только половину лопаточки. Брызнул. Липкая жижа отлетела от кирпича и облепила мне самому весь подбородок.

Вытираюсь рукавом и думаю: «Если и дальше дело пойдет не лучше, хозяин поймет, какой я печник, и недобровать мне».

Тут я второй раз добрым словом вспомнил батю и отругал себя, что не послушался, да и у глухого учился не так, как надо.

На третий кирпич я уже смотрел как на бомбу, которая разнесет меня, как только неудачно возьму ее в руки. Беру его опять-таки в левую руку, а мастерок в правую. Но на этот раз уже не ляпаю раствор, не бросаю с размаха, как это делал настоящий мастер, а намазываю аккуратно, как масло на хлеб. Положил я этот «бутербродик», прижал к первым двум кирпичам,— получилось лучше и спокойнее. Так бутербродик за бутербродиком — приноровился, и дело пошло.

Выложил под, так сказать, основание будущей печки. Теперь надо замазать дверцу. Ставлю ее, с двух сторон зажимаю кирпичами. А она тяжелая, чугунная — то и знай выскальзывает, падает. Кладу еще по кирпичику, руками придавливаю. Уже половина дверцы в глиняных тисках. Но чувствую, что тут что-то не так. Да и Федя косится на мою работу. Мне он ни слова, а хозяину вполголоса говорит:

— Как же она будет держаться, та дверца?

Иван отмахнулся от него:

— Да молчи, человеку ж не первый раз!

«Да-а, не первый раз!» — подумал я и рукавом отер взмокший лоб: неудача с этой дверцей может послужить провалом всей операции. Поймут, что никакой я не печник, и начнут: «Кто ты? Откуда? Зачем тебя подслали?»

Однако Федя не вытерпел, сказал, что печник, который делал у них печку, пропускал проволочку от дверцы в разные стороны, чтоб лучше держало.

Как я обрадовался этой подсказке! Ведь она спасла меня. В душе поблагодарив нетерпеливого Федю, я еще немного повозился с непослушной дверцей и отложил ее в сторону.

— Ну вот, примерили. А теперь несите проволоку, будем закреплять. Только потоньше, — говорю со знанием дела. — А сверху над дверцей обруч пропустим или какой прут железный, чтоб прихватило эту тяжелую чугуняку.

Когда я по бокам проволокой, а сверху обручем закрепил дверцу, хозяин с укоризной пробурчал мальчишке:

— Я ж говорил, что человеку не первый раз!

Так, пока я работал, Федя не раз делал мне замечания. А Иван все отмахивался от него, как от назойливой мухи, и все твердил, что человеку не впервой.

За день измотал я мальчонку до упаду, гонял то за кирпичом, то за раствором.

Уж потом, после войны, присмотревшись к работе настоящих мастеров, я понял, что в свою первую печку я вогнал раствора втрое больше, чем положено.

— Если хочешь, чтоб голландка быстро прогревалась, — говорил мне потом отец, — экономь раствор. Чем меньше втюришь глины, тем больше отдача тепла.

И правда, его печки звенели, когда затопишь, и сразу же нагревали комнату. Ну да мне тогда было не до

звона. Важно, чтоб хорошая тяга была. Про эту тягу мне все время галдели и хозяин, и его жена, которые время от времени входили поглазеть на мое сооружение.

Секрет сильной тяги мой учитель открыл мне одной фразой: «Колодезя делай широкие, а горловину заузь, печка будет гоготать». Этому совету я последовал в точности. Но все-таки сомневался — потянет ли. Ведь первый раз.

На второй день к вечеру слепил я эту злополучную голландку. Огромная получилась, с пятью колодезями, с тремя карнизами, как хотелось хозяйке. Стоит эта орясина из глины и кирпича, не шатается, не валится. Но будет ли тяга? А тут, как назло, набежали соседи: многим тоже нужны печи.

Приносит хозяйка стружек. Зажигать берусь сам. Присел возле дверцы, чтоб не видели моего лица, не узнали, что на нем написано. Беру спички, а у самого руки и ноги дрожат... Чиркнул спичку. Погасла. Чиркнул сразу две. Поднес к золотистым завитушкам сосновых стружек. Прикрыл дверцу и сижу, не в силах пошевелиться.

Вдруг в щелке блеснул огонек, и вскоре дверца задрожала, запела: «Др-р-р!» Потянуло, значит. Я так облегченно вздохнул, словно кончились на этом все мои беды. Поднимаюсь не спеша. Голова кружится, и чувствую, что устал я за эту минуту больше, чем за всю войну. Стою, руки вытираю. А хозяин косится на батрака и ворчит:

— Я ж говорил, что человеку не первый раз!

По случаю удачного окончания работы хозяйка внесла стол в новую комнату, зажгла керосиновую лампу и поставила бутылку самогона к ужину. Этого противного зелья не брал я в рот ни до того, ни после. Сидим, вечеряем. А в дом еще и еще приходят люди, которым

нужны печи. Очередь за мной уже человек тридцать, до самой зимы хватит работы.

Первой пришла солдатка Векла. Муж ее в Красной Армии. А она осталась тут с двумя детьми, как овечка с ягнятами в волчьей стае.

Я как только понял, кто она такая, сразу решил — сделаю ей первой, может, что разузнаю про банду — не от нее, так от детей. Ее мальчишка учился при Советах в пятом, а девочка в третьем классе.

Но хозяйева, как узнали о моем намерении первой делать печку этой женщине, замахали руками:

— Не надо ей совсем печку, она советка, пусть ее батько Сталин греет.

И оба стали уговаривать меня завтра пойти к дядьке Охриму. Они согласны даже Федю послать в подручные, раз он так хорошо мне помогает. Сами и оплатят ему этот день.

А я еще днем видел того дядьку. Идет мимо окна, тихо так, вразвалку, белый, жирный, как откормленный гусь. Голова бритая, и только с макушки свисает черная прядь, оселедец, как называли в старину. Правда, этот оселедец еще не закручивался рогом вокруг уха, как у Тараса Бульбы, но все равно смешно. Я еще подумал: что за чучело забрело в наш двадцатый век из далекой Запорожской Сечи.

И теперь, когда хозяйева стали так горячо ходатайствовать за дядьку Охрима, я спросил, почему они так для него стараются, что он, староста немецкий или полицай? Иван махнул рукой:

— Никакой не староста, просто так, добрый человек. Да вы не того... Охрима у нас все уважают. Ему нельзя отказывать.

Чтоб не навлекать на себя подозрения, я решил утром пойти к этому «доброму человеку».

Пользуясь удачным моментом, я решил узнать что-нибудь о моем юном помощнике и спросил:

— А Федю из дому отпустят к дядьке Охриму? Это недалеко?

— Его там держать некому. Мать троих все равно не прокормит. А отец Федьки где-то уже за Уралом.

Я удивленно спросил, почему так далеко.

— Он же в Красной Армии.

— А что, немцы уже до Урала дошли?—спрашиваю как можно наивпей.

— Давным-давно! — лениво махнув рукой, сказал Иван как о чем-то пропащем.— Теперь железная армия Гитлера домолачивает большевиков где-то в краю белых медведей.

— Да я что ж, со своею глухотой ничо не знаю, как оно там. Жду себе, чтоб скорее кончилось...— ответил я. А сам, конечно, знал и о разгроме немцев под Москвой. И перед самым уходом на это задание слышал сообщение Совинформбюро о том, какая битва завязывается у Сталинграда.

Из того, с каким злорадством говорил Иван о «молотьбе» за Уралом, я окончательно понял, что он наш враг. Но мне-то нужен был не просто враг Советской власти, а главарь банды или его помощник...

И вот я у дядьки Охрима. Сам этот дядько не помогал мне, как первый хозяин, хотя он не старше Ивана. Кирпич носили и раствор делали мы с Федей. А хозяин войдет, посидит за столом, надымит своим трескучим табачищем из огромной черной люльки и уйдет.

Здесь я работал уже смелее, увереннее, хотя и попи-мал, что мастер из меня еще не ахти какой. И мне казалось, что дядько Охрим это видит.

«Вот где пригодилась бы мне месячная практика в работе с отцом!» — в который раз подумал я с великой горечью.

Дядьке Охриму я, как и первому хозяину, надеялся сделать печку за два дня, но хозяйка начала выдумывать: то духовку, то еще какие-то отдушины, которых я никогда в печках и не видывал. Потом захотела еще и плиту вмазать в середину голландки. Такие сооружения я встречал. У нас, помню, дома был такой комбайн — и духовка, и плита, и даже вытяжка для пара. Но я считал это сооружение секретом фирмы моего бати и не знал, может ли простой смертный постичь всю эту сложную механику. Ни за что не стал бы возиться с проклятой духовкой да плитой, не будь это партизанским заданием!

Выслушал я хозяйку, сел на порог и задумался. И тут пришел мне на память немецкий танк, в который мы с дружкой забрались в начале войны. Танк остался на поле боя. Мы влезли в него ночью, выбросили оттуда убитых фашистов, сидим, смотрим на всякие там приборы да рычаги, глазами хлопаем. Друг мой хорошо знал только бабушкину швейную машину, которую освоил в раннем детстве. А я прекрасно ездил на велосипеде. Однако за два часа мы поняли сложную механику танка, завели и поехали по изрытому траншеями полю. Танк разбежался так, что, видим, никакой силой его не остановишь, а уже совсем близко речка. И тут мы нашли, чем его тормозить и как повернуть. Так и загнали тот танк к нашим.

И вот теперь передо мною такая же сложная механика — голландка с плитой, духовкой и двумя отдушинами из орудийных гильз. Крепость Измаил, и только! Долго я думал, как взять эту крепость. Наконец сделал макет из кирпича, без раствора. Примостил плиту, духовку. Позвал хозяйку. Глянула она и от радости в ладоши хлопнула:

— Оце ж так!

Макет отнял у меня полдня. Я с тоскою понял, что

работы мне хватит на три дня. Зато буду делать уверенно.

Возвел я это сооружение лишь на третий вечер. Устал до того, что кирпичи из рук валяются. А про банду ни слова. Стою на табуретке, последний карниз выкладываю, с собачьей тоской посматриваю на заходящее солнце и думаю: «Хорош! Товарищи мои бьют фашистов, пускают вражеские поезда под откос, одним словом, воюют день и ночь, а я бандитам печи делаю. Может, сложу самому главарю, а так ничего и не узнаю!»

И такая взяла меня досада, что согласился делать сперва этому жирному прокуренному борову, а не жене красноармейца, — себя ненавижу за малодушие, да и на хозяина кошусь, как на врага.

Дядько Охрим почему-то все больше казался мне хитрой бестией. Особенно не нравился его взгляд. Лицо у него большое, лоснящееся, как переспелая тыква. А глаза маленькие, юркие, как мыши, притаившиеся под черными кустиками бровей. Глянет он на человека этими колючими мышастыми глазами, и кажется, что в чем-то тебя заподозрил, в чем-то уличил.

Я старался не смотреть в эти подозрительные глаза. И решил, как только закончу здесь печку, сразу же уйду к той солдатке и выпрошу, что за тип этот Охрим.

Последний луч заходящего солнца уже догорал на окне, когда в комнату вбежал взлохмаченный, чем-то очень взбудораженный парень. Остановился у порога, потому что на пути стояло корыто, из которого Федя выскребал остатки раствора.

— Савка, что там стряслось? — спросил Охрим хриплым басом.

Изогнувшись и таинственно махнув рукой, Савка позвал хозяина:

— Дядько Охрим, скорей!

Охрим лениво повторил свой вопрос, что случилось.

Но парень, прикрыв себе пальцем рот, кивнул на меня и на Федю, мол, нельзя говорить при посторонних. Хозяин успокаивающе махнул черной трубкой:

— Говори тихонько. Один глухой, а другой дурной, еще не поймет.

Меня как морозом прошибло. Вот где пригодилась моя «глухота»! Крепко держу кирпичик, двигаю его туда-сюда по карнизу, а сам слушаю и ушами и затылком.

Савка все же не решался раскрывать свой секрет даже дурному, как Охрим назвал Федю, и, перешагнув через корыто с раствором, он подошел к столу и прошептал:

— Там партизаны.

— Сколько их? — спросил дядько Охрим все тем же хрипящим голосом, видно не считая нужным шептаться. — Что делают?

— Их трое. Обедают в хате Мирошника.

— Откуда они?

— Из Вербного.

«Врет, — решил я, — видно, испытывают меня».

Дядько Охрим зевнул и опять махнул своей дымящейся черной загогулиной:

— Ну то, выйдут за село... сам знаешь, что делать.

— Они с автоматами. Взять их не так-то просто.

— Вы привыкли надурняк! — недовольно проворчал Охрим. — Ну то пока едят, гранату им на стол шархни, хай подавятся!

Я невольно глянул на Охрима. А оттого, что резко обернулся, выронил кирпич.

Дядько Охрим вскинул голову, его мышастые колючие глаза успели перехватить мой растерянный взгляд.

И хотя я сделал вид, что уронил кирпич нечаянно, этот хитрец понял, что я его слышал. Ну а я конечно же понял, что он и есть главарь банды, раз ему докладывают и он дает приказания. Да, я узнал, что мне бы-

ло нужно, а смогу ли уйти отсюда подобру-поздорову и доложить обо всем командиру?..

Вот уж тут я просто клял себя за то, что не послушался отца, не обучился его ремеслу. Умел бы я эти кирпичики держать в руках по-настоящему, не выронил бы, никакая неожиданность не застала бы умелые руки врасплох. Узнал бы я от бати и то, что печники и каменщики, которые дома строят, не работают одной рукой. Устанет правая, берут кирпич в левую. Потом переменят. А я левой держал кирпич, пока она не онемела. И вот результат.

Дядько Охрим был, видать, очень выдержанный, умел владеть собой. Он сделал вид, что ничего не случилось, и, кивнув трубкой, отпустил Савку.

Когда Савка повернулся, чтобы уйти, Охрим вдруг резво встал, и они вместе вышли из дома.

Федя так и подскочил, застучал лопаткой по корыту, видимо, хотел привлечь мое внимание. Наверное, хотел подать мне какой-то знак. Но я не повернулся к нему, чтобы не вмешивать в свои дела. А хозяин тут же вернулся. Так что мы с Федей как раз и попались бы, если бы начали обмениваться какими-то знаками.

Хозяин вдруг весело спросил меня, много ли еще осталось дела, а то ужинать пора. Говорил он это таким тоном, что мне показалось, я ошибся, считая, что главарь банды в чем-то меня заподозрил. И я решил это проверить.

На голландку оставалось положить еще десяток кирпичей, чтобы закрыть верх. Но я вдруг придумал, что верх нужно скрепить кусками железа, чтоб кирпичи не проваливались внутрь.

Хотел выйти из дому и — в лес! Партизаны должны как можно скорее схватить Охрима, чтобы успеть выручить тех троих, с которыми бандиты могут расправиться

в любую минуту. Кто знает, может, и правда эти ребята из Вербного, посланы узнать что-нибудь обо мне. Я же здесь провел четыре дня, а никаких вестей от меня командиру.

Спустился я с помоста.

— Вот такая железка мне нужна,— показываю руками и направляюсь к дверям.

— То я сам принесу, вы за день утомились. Посидите немного,— сказал Охрим, выходя из дома.

Я все-таки иду вместе с ним. Я — за сарай, и он — по пятам. А ведь все время до этого я ходил свободно, куда хотел. В первый вечер даже в пруду искупался. Ясно: значит, птичка попалась!

Просто пуститься наутек по лесу, который начинался сразу же за домом, бессмысленно. Когда Охрим выходил с Савкой в сени, он вернулся с пистолетом в кармане. Это я сразу же заметил. А у меня-то нету ничего. Я зашел в сарай, где до этого находил всякие железки, нужные для печи. У меня родилась дерзкая решимость схватить какой-нибудь тяжелый болт и шарахнуть им Охрима по руке, которую он все время держит в кармане. Это можно сделать так быстро, что выстрелить враг не успеет. А чтоб не поднял крик, тут же и оглушить вторым ударом.

Но дядько Охрим не был бы атаманом шайки бандитов, если бы не догадался, что такое может случиться. И он меня обхитрил. Ковырнув ногой железный прут длиной в полметра, он сказал:

— Больше тут вы ничего не найдете.— И первым вышел из сарая.

Пришлось поднять ту железку и отправиться во-свояси.

Вхожу, а на скамейке, что от порога тянулась вдоль стены почти до стола, сидит здоровенный парень с немецким автоматом на груди.

У меня мороз пошел по спине: вот и конвой для меня. Или еще хуже...

Но продолжаю свое дело и лихорадочно ищу выход из трудного положения. Железный прут я вlepил между последними кирпичами. Заштукатурил, загладил верх моего второго сооружения. И нарочито усталой походкой подошел к корыту и попросил Федю полить мне на руки. Наскоро ополоснувшись, я попросил у хозяина спички, чтобы затопить печку.

— Настоящие мастера не затопливают новую печку, пока не просохнет! — с явной издевкой заговорил Охрим. — Ну да этому тебя не успели обучить. Садись, выкладывай: из какого отряда, с каким заданием.

Я стоял посреди комнаты с видом ничего не понимающего человека. И уже хотел было сказать привычное: «Кажить дужче, бо я тугый на вухо!» — как дядько Охрим опередил меня:

— Слух у вас лучше моего. Это заметил еще Иван. И ни к чему играть комедию, — выложив на стол пистолет, Охрим предложил мне сесть с другой стороны стола.

За окном уже стемнело. И я, как в зеркале, увидел Федю в оконном стекле. Тот сидел возле корыта ни живой ни мертвый. Глаза расширились, рот приоткрылся в немом вопросе. Мне стало его жалко, и я хотел было сказать, мол, отпустите мальчишку. Но что-то удержало меня.

Еще с той минуты, когда Савка сообщил о трех партизанах, мне в голову закралась мысль, а не убежал ли тот печник и не оказался ли он подосланным к нам, как я вот сюда. Тогда нашим ничего не оставалось делать, как послать в разведку ребят, чтобы как-то предупредили меня.

Думаю, гадаю, что делать. И вдруг автоматчик встает со скамейки и подходит к столу.

— Охрим Савостьянович, дозвоьте я его заставлю заговорить. Раз-два суну в зубы, и...

— То потом,— властным жестом отстранил его Охрим.— Сперва попробуем по-хорошему. Вот скажите, товарищ, как там вас величать, кто вас послал: Мацура или вы из другого отряда?

Скрипнула дверь, и я увидел в своем «зеркале», как Федя выскочил из дома.

Бандит с автоматом тоже услышал и бросился следом. Но Охрим зло рявкнул:

— Сядь! Ты на посту!

— Так он же в Вербное побежит,— растерянно сказал автоматчик.— Он же все тут слышал. К самому Мацуре побежит!

— Вот это мне и важно знать, куда он побежит,— спокойно заметил Охрим.— Куда он побежит, значит, оттуда и этот мастер. Садись, не танцуй. За хлопцем в четыре глаза следят. Речку он не перескочит. Все продумано.

— То вы умеете, батько Охрим. Иначе не были б вы нашим славным атаманом,— с явным подхалимажем сказал автоматчик и успокоенно сел.

Мелькнувшая было у меня надежда на спасение, когда Федя убежал, теперь погасла, как спичка на ветру.

— С проходящими,— Охрим кивнул на меня,— просто. К ногтю, и все. А со своими труднее. Всех не распознаешь. Но таких, как этот звереныш, надо топить, как слепых щенят.

Где-то в лесу послышались выстрелы. Сперва из пистолета, потом автоматная очередь.

У меня опять встрепенулась надежда. Может, наши столкнулись с бандой?

А дядько Охрим растворил окно и выругался.

— Расстреляю сукиного сына, если упустил мальчишку! Своими руками задушу! — оторвавшись от окна, он грузно встал и кивнул своему сподручному.

За спиной у меня слышались шаги, и тут же на голову обрушился удар, от которого все сразу потемнело, и я куда-то провалился.

* * *

Как только Федя понял, что печник — партизан и его Охрим уже не выпустит, он решил во что бы то ни стало сообщить об этом партизанам. В Волчицах все знали, что за речкой в Вербном стоит большой партизанский отряд, которым командует Мацура. Везде были развешаны приказы коменданта, в которых за голову Мацур фашисты обещали сто тысяч марок.

Федя догадывался, что возле дома Охрима может дежурить кто-нибудь из его банды. Поэтому, выскочив из сеней, он не побежал прямо в Вербное. А спокойно, будто его отпустил хозяин, направился домой. Решил заодно предупредить мать, чтоб на время ушла с ребятами из дому. Но только отошел от дома Охрима, сразу же заметил, что за ним кто-то идет. Остановился за углом и, выждав, пока Савка пройдет дальше по направлению к его дому, юркнул в лес. «Предупредить маму не удастся. Зато от погони уйду. А партизаны потом выручат и своего и маму», — подумал Федя, углубляясь в густой смешанный лес. В лесу его сразу охватила тьма, будто стояла уже глубокая ночь. Но он знал этот лес, как свой двор. И быстро выскочил к большой поляне. Надо было пересечь поляну, там дорога на Вербное. Но он ее обежал по лесной опушке. Уверенный, что ушел от погони, он круто повернул к дороге на Вербное. Теперь на пути его к Припяти оставалось только одно препятствие — заболоченная речушка-старица, через которую обычно пробирались по кладке из жердочки. И тут-то

Федя увидел своего преследователя, бегущего тоже к этой единственной переправе. Федя был ближе к кладке. Но Савка здоровее. Два его шага больше, чем Федяных три. И все же Федя первым подбежал к кладке. Обычно люди ходили по этим бревнышкам, наполовину засосанным болотной трясинной, с помощью палок с рога-тульками на конце, чтобы опираться. Но Феде было не впервой пронестись по жердочке безо всякой опоры. И сейчас он перемахнул по ней, не покачнувшись. Но, очутившись на другом берегу трясинной, он оглянулся и увидел, что к Савке еще кто-то бежит на помощь. Савка ему что-то кричит и рукой машет. Решение, как спастись от дальнейшей погони, пришло мгновенно, и Федя вернулся к жердочке, поднял свой конец и, подавшись вправо, изо всех сил сбросил его в болотину. Толстый конец жердочки оставался на своем месте, но тонкий теперь лежал наискось метрах в двух от берега. Пробраться по жердочке на этот берег теперь невозможно.

Федя бросился в кустарник. Но вслед ему раздался выстрел из пистолета. Потом второй, третий. Федя увидел впереди глубокую канаву, вырытую перед войной для осушения болота. Бросился к этой канаве, но уже в двух прыжках от нее послышалась автоматная очередь. Кубарем свалился в канаву. Понимая, что спастись можно только бегством, он изо всех сил бежал по колени в воде, заполнившей канаву. Закусив губу, чтобы не закричать, и чувствуя, что из глаз текут слезы от страха, он все дальше убегал от того места, где все еще строчили из автомата. Наконец канавка кончилась. Немного пробежал по кустарнику. И вот она, речка! Не раздеваясь, Федя бултыхнулся в воду.

Переплывал он речку здесь не один раз. А одежда на нем не тяжелая. К тому же босиком. Главное, чтобы Савка его не догнал... .

Со стороны Вербного вдруг послышался ободряющий окрик:

— Держись! Посылаю лодку!

И тотчас от того берега отчалила лодка с двумя гребцами.

— Держись, Гаврюха! — слышалось уже с лодки.

«Они принимают меня за кого-то другого», — понял Федя и вдруг вспомнил, что печник назвался Гавриилом.

— Скорей! — нашел в себе силы крикнуть Федя, думая в этот момент о печнике, над которым нависла смертельная опасность.

Лодка подлетела, и сильные руки выхватили Федю из воды...

* * *

Очнулся я утром в той же комнате. Но теперь на месте дядьки Охрима за столом сидели командир и комиссар, а на скамье — другие партизаны нашего отряда. В голове у меня звенело, в глазах вдруг замелькали огоньки, и все снова погрузилось во тьму.

— А Федя? Где Федя? — крикнул я, боясь, что снова потеряю сознание и ничего не узнаю о своем юном друге.

— Жив, Гаврюха? — ответил всегда веселый голос моего командира. — Твой Федя молодец, крепыш.

— Давай скорей приходи в норму да будешь приказ писать на двоих, — в тон командиру заговорил комиссар. — Обоих представим к награде за разоблачение главаря банды.

— Если бы не Федя, ничего бы не узнали и обо мне, не только о главаре, — ответил я, снова впадая в забытие.

Прошло столько лет, а я все еще не могу себе простить той оплошности с кирпичом. Как прав был отец, когда твердил: «В жизни всякое дело может пригодиться!»

ДВЕНАДЦАТИЛЕТНИЙ ГЕНЕРАЛ

Командиру партизанского отряда «Смерть фашизму» доложили, что в соседнем районе появился советский генерал.

— Генерал? — удивился командир и строго посмотрел на связного, стоявшего навытяжку у порога землянки.

— Так точно, товарищ командир, самый настоящий советский генерал! — повторил свое донесение связной, паренек боевой и сообразительный. — В деревнях только о нем и говорят.

И связной подробно изложил все, что знал об этом деле.

Появился тот генерал со своей огромной армией и сразу стал наводить страх на оккупантов, которые бесчинствовали по деревням и селам.

В одной деревне захватчики собрали хлеб, все под метлу выпребли. Уложили на брички. Целый обоз получился. Ну и перед дальней дорогой решили попировать: набрали курочек, яиц, сала и сидят себе объедаются.

Вдруг выстрел... Фашист, охранявший обоз, свалился с брички, словно куль с мукой. Остальные — за винтовки и к возам. А там на первой повозке уже фанерка приколота:

«Бей фашистов!

Не давай им ни хлеба, ни мяса!

Генерал Заруба».

Из-за дома, в котором только что пировали враги, ударил автомат.

Фашисты кинулись к задним повозкам, а им наперез автоматная очередь уже с другой стороны. Они решили, что окружены, побросали награбленное и на одной бричке удрали из села.

И так везде: только гитлеровские грабители появляются в селе, автоматчики генерала Зарубы тут как тут.

Партизанский командир выслушал связного, недоверчиво улыбнулся, мол, все это немножко смахивает на легенду. И все-таки решил проверить сообщение.

Сам он был человеком не робкого десятка, из пограничников. Да и ребята в отряде на подбор, умели «нагнать дичи» на захватчиков. То пустят под откос поезд с эсэсовцами или боеприпасами, то забросают гранатами комендатуру, то подорвут мост, по которому проходят танки. Храбрые подобралась ребята в отряде «Смерть фашизму» и неутомимые — ни днем ни ночью не давали покоя фашистам. Они и песню пели, похожую на их жизнь:

Партизанское дело такое —
И во сне не бросаешь ружья,
И себе ни минуты покоя,
И врагу ни минуты житья.

Но мало их было в отряде, всего только тридцать человек. А у генерала конечно же тысячи.

Собрал командир своих товарищей, рассказал о донесении связного и говорит:

— Если все, что сообщил связной, правда, то нам прямой смысл податься к генералу.

— Конечно, большой силой воевать лучше, чем маленькой, — согласился комиссар. — Но главное, что у него паверняка знамя есть. А уж это каждый знает, что под знаменем воевать совсем другое дело.

— Комиссар прав, — кивнул изжелта-седой головой семидесятилетний дед Иван, с которого и началась когда-то вся жизнь отряда. — Армия без знамени, что дом без крыши. Только ж у меня другое сумление...

— В чем вы сомневаетесь, Иван Трофимович? — спросил командир, всегда внимательно относившийся к словам ветерана.

— Это потом. Я посижу, послушаю...

— Чего тут много говорить? Идемте к генералу, и все! — решительно заявил самый молодой в отряде боец Саша Синицын.

— Встал да пошел! — возразил пожилой пулеметчик, задумчиво покручивая жесткий седеющий ус. — Где ты его найдешь? Что ж он, стоит на большой дороге, добровольцев зазывает?

— А верно говорит Ефим Степанович, — согласился командир с пулеметчиком, — найти генерала, если он и на самом деле есть, будет не так-то просто. Маскирует он все свои дороги лучше, чем мы. Но найти надо.

— Товарищ командир, разрешите мне пойти на это дело! — раздался от печки звонкий девичий голос.

Все недоуменно уставились на повариху Марусю. А она еще раз помешала кашу в огромном чугуне и так с длинной деревянной ложкой подошла к столу.

— Мне кажется, товарищи, что это дело рук моих вояк. По стилю работы догадываюсь. Приключенчеством пахнет от этой затеи. Обстрелял, подорвал, сжег и подпись свою оставил: мол, знайте наших!

— Пожалуй, вы правы, Мария Федоровна, — задумался командир. — Вы этот народ знаете лучше нас.

Марией Федоровной повариху называли только тогда, когда вспоминалось, что она бывшая здешняя учительница.

— Я тоже согласен с Марией Федоровной, — сказал комиссар, — это скорее всего выдумка подростков.

— Вот и я о том сумлевался, — поглаживая белую бороду, заговорил Иван Трофимович. — Прикидывал я и так и сяк, нет, думаю, сурьезный полководец не станет трезвонить в тылу супротивников. Как пить дать это ее, Марусины, енералы.

— Тогда тем более надо скорее найти этих генералов, — уже встревоженно сказал командир. — Спасать

их надо от расправы карателей, отвлечь от опасной за-теи. Ведь ясно же, что генерал этот не одиночка.

Посоветовались и решили послать Марусю на поиски прославленного генерала.

Оделась Маруся в деревенское, обулась в лыковые лапоточки, взяла старенькое лукошко и отправилась в лес. Кто встретится, скажет, что деревня ее сгорела, она пробирается к родным и вот питается тем, что найдет в лесу...

Ушла Маруся на связь с генералом Зарубой.

Нет ее день. Нет ее два дня. Проходит целая неделя. Командир уже начал тревожиться: не попала ли в какую ловушку. И уж хотел послать разведчика, как вдруг Маруся заявляется. Худая, оборванная и почерневшая от усталости и голода. С нею деревенский мальчонка лет двенадцати, тоже замученный, с ног валится, одни глаза да зубы.

Маруся молча опустила у костра, где в огромном ведре готовился обед. Налила еще недоваренного супа и стала есть из одной миски вместе со своим спутником.

Мальчишка ест быстро, мясом обжигается, ни на ко-го не смотрит, словно в чем-то виноватый.

Партизаны поняли, что люди голодные, оставили их в покое, пусть поедят, отдохнут, а потом сами все рас-скажут.

Стоят партизаны в сторонке и, глядя на мальчишку, дивятся — уж очень странно одет. Солдатская гимнаст-ерка так вылиняла, что и не поймешь, какого она цвета. Подпоясан широченным пожарным ремнем с огромным кольцом на боку. Галифе синие, как у милиционера. На голове пехотинская пилотка с ярко начищенной звездоч-кой. А на ногах постолы — аккуратно пригнанные ла-поточки из свежего, еще зеленого лыка. Но самым не-ожиданным в его наряде был алый, словно новенький, пионерский галстук.

Больше всех заинтересовался мальчишкой комиссар отряда, бывший учитель. И, когда заметил, что тот утолил первый голод, спросил его:

— Ты что же, товарищ пионер, и по селу, занятому фашистами, ходил в красном галстуке?

— Не! — мотнул головой мальчишка, обгладывая кость. — Я с самого начала войны живу в лесу.

— В лесу-у? — удивленно переспросил комиссар. — С отцом, с матерью?

— Не! — все еще не выпуская из рук совсем обглоданную кость, ответил тот и нахмурился.

Комиссар понял, что мальчишка чего-то недоговаривает, но решил пока что его не донимать. И только спросил:

— А кто же тебе так выстирал да нагладил пионерский галстук? Или это уже Мария Федоровна?

— Не! — тот опять тряхнул лохматой и, видать, давным-давно не мытой головой. — Стирал сам. Речек в лесу хватит. Вместо мыла — глина. А гладил на гильзе от орудийного снаряда.

— Не видывал такого утюга, — признался комиссар. — Как это?

— На костре нагрею орудийную гильзу, вытру ее, потом обмотаю галстуком. Он и высохнет и выгладится.

— Неплохой способ! — одобрил комиссар. — А моя дочка даже электрическим утюгом не всегда охотно гладила. Все маму просила.

— Это пока ее жареный петух не клюнул, — убежденно заметил мальчишка. — А попала б, как я, в беду, сразу всему научилась бы.

— Но все же и в лесу теперь опасно ходить в красном галстуке. Вдруг попадешь фашистам на глаза...

— А это зачем? — и мальчишка вытащил из-за пазухи новенький вороненый пистолет. — В десятку я еще не попадаю. Но голову фашиста за двадцать метров продырявлю!

Комиссар только руками развел: мол, возразить нечего.

Отложив дочиста обглоданную кость, мальчуган не спеша полез в карман своих широченных галифе.

— А если фашистов будет целая куча, то вот им! — с этими словами он вынул из кармана гранату-лимонку.

— Ну-ка, ну-ка! — протянул было руку комиссар.

Но мальчишка проворно сунул лимонку обратно в карман.

— Ты сам-то не подорвешься на ней? — в тревоге спросил комиссар.

— Что я, маленький, что ли?

Комиссар улыбнулся, но ничего на это не сказал и

пошел с Марусей в землянку командира. За ними последовал и мальчишка...

Комиссар хотел оставить его возле костра, но Маруся сказала, что мальчишка сейчас нужнее командиру, чем она сама.

Командир за руку поздоровался с Марусей и, кивнув на мальчишку, сказал:

— Мария Федоровна, может, вы одна обо всем доложили бы.

Командир нарочно при пионере назвал по имени-отчеству учительницу. Маруся сказала, что Ваня знает больше, чем она.

— Ну что ж, тогда садитесь, отдохайте, рассказывайте,— командир указал на бревно, лежавшее вдоль всей стены и служившее скамьей сразу для половины отряда. Сам он сел на пенек по другую сторону стола, которым служила опромная дубовая колода. Рядом с ним, тоже на пенке, сел комиссар.

Когда уселись, командир спросил:

— Ну так что же вы узнали о генерале, Мария Федоровна?

Маруся тяжело вздохнула и устало, словно ее после тяжелого похода принуждали подниматься на высокую гору, ответила:

— Ваня лучше расскажет,— Мария Федоровна кивнула на подростка.— После всего пережитого он, по-моему, стал взрослым. И говорить с ним можно на равных.

— Коли так, идите, Мария Федоровна, отдыхайте. Мы тут разберемся,— сказал командир.

Маруся ушла. Командир совершенно серьезно, как с равным, заговорил, обращаясь к мальчишке:

— Как тебя зовут? Сколько лет? Откуда родом?

— Ваня Дубровин. Двенадцать. Из Поречья,— односторонне отвечал мальчишка.

Но мало-помалу он разговорился и все о себе рассказал.

Фашисты, как только пришли в Поречье, сразу повесили отца. Он был председателем колхоза и депутатом областного Совета. Повесили прямо на площади, возле школы, где раньше праздновали Первомай и годовщину Октября.

Ночью мать уложила Ваню в постель, а сама пошла к виселице, хотела снять труп отца и похоронить. Но фашисты ее застрелили, когда она пыталась перерезать веревку над головой повешенного. В отместку фашистам Ваня поджег дом, в котором поселился их самый главный. Деревянный дом с соломенной крышей загорелся быстро и долго освещал Ване Дубровину дорогу в лес.

С этого дня Ваня даже ночью не боялся ходить по лесу. Фашистов там не было. А все другие лесные ужасы — волки и прочие звери, которыми взрослые пугали детей, — отошли теперь куда-то в сторону. Самым кровожадным, диким зверем сейчас на всем белом свете был только один — фашист.

Выходя из села, Ваня забрел в пожарный сарай и там нашел брезентовый ремень, который очень пригодился ему в лесу. Вечером забирался он на густолистое дерево, привязывался за толстое кольцо ремня и спал. Полная безопасность! Если ночью повернешься на другой бок, не упадешь. Повиснешь, и только.

На пятый день кончился хлеб, и пришлось уходить из своего леса. И тут ему повезло: он набрел на мальчишек-пастухов из соседней деревни. Те отдали ему все свое продовольствие, как только узнали, кто он такой и почему остался бездомным. Мальчишки посоветовались между собой и открыли Ване свою самую тайную тайну. Они свели его в шалап, где у них жил другой

такой же бездомный мальчишка, Яша Шток. Фашисты убили его родителей только за то, что они евреи.

Вдвоем жить стало веселее.

Несколько дней пожили они в шалаше без нужды, без заботы. Пастушки их кормили.

А потом стало досадно, что где-то там наши воюют с фашистами, а тут два пионера, которые в мирное время мечтали стать героями, Родину прославить, отсиживаются, как последние бездельники и трусы.

И вот однажды в лесу вспыхнула ураганная перестрелка. Ваня и Яша решили, что это наша воинская часть, выходящая из окружения, столкнулась с гитлеровцами. И устремились на эту стрельбу — может, хоть патроны будут подносить красноармейцам.

Шли они по берегу речушки целый день и только к вечеру набрали на место кровопролитного боя.

Огромная лесная поляна в полукилометре от дороги была похожа на только что перепаханное поле. На пути от шоссе к ржаному полю стояло несколько сожженных немецких танков. Один еще дымился. Там и тут попадались убитые красноармейцы. Многие так и лежали на своем автомате или винтовке.

Друзья уже хотели добыть себе по автомату, как вдруг заметили на опушке леса трех красноармейцев, которые несли кого-то на самодельных носилках. Увидев мальчишек, красноармейцы подозвали их и попросили помочь им похоронить командира.

Мальчишки глянули на убитого и остолбенели. Это был генерал.

Живого генерала они еще не видели. Только на картинках да в кино. А тут вот самый настоящий генерал. Но убитый. Брови, большие и черные, сурово нахмурены. Губы плотно сжаты, будто последнее, что он собирался сказать перед смертью, было короткое слово: «Бей!!!»

— Ребята,— просил суровый бледнолицый лейтенант.— Мы его похороним, а вы обложите могилу дерном. Мы должны сегодня же отомстить за нашего генерала. Знали б вы, что это был за человек! Он вывел нас из такого пекла... А тут вот...

— Идите, мстите проклятым фашистам! — сказал Яша так торжественно, громко, что у Вани горячие мурашки пробежали по спине.— Мы тут все сделаем.

Как только забросали могилу землей, лейтенант отдал ребятам свою маленькую, но острую лопаточку и увел бойцов по лесу. Все они шли с рюкзаками, нагруженными чем-то очень тяжелым.

Ребята считали, что красноармейцы пойдут в глубь леса. А они стали краем кустарника приближаться к шоссеиной дороге.

— Наверное, хотят мост перейти, пока светло,— высказал предположение Яша.

— Да,— согласился Ваня,— может, в том лесу, что за мостом, еще есть наши.

Ребята провозились целую ночь. Лопаточка только вначале показалась удобной. А потом работать ею стало трудно — очень короткий черенок. Да и дерну хорошего поблизости не было. Приходилось носить издалека, с болотистой низинки.

На рассвете, когда могила генерала была аккуратно обложена дерном, мальчишки уснули неподалеку, под ольховым кустом.

Ване приснился сон, будто вышел генерал из могилы, поднялся на бугор, грозный, величественный, весь как из огня. Правой рукой указывает на фашистов, а левой зовет:

— Вперед!

Бегут красноармейцы туда, куда указал генерал, бьют фашистов, кромсают нещадно. И в первом ряду они — Яша и Ваня с автоматами в руках.

Проснулись друзья от какого-то тяжелого, всю землю сотрясающего рева моторов и лязга железа. Глянули на дорогу и обомлели. По шоссе прямо на мост шли на полной скорости огромные, похожие на бегемотов танки с черным крестом на башнях. Их было пять.

— Перейдут через мост и догонят наших, проклятые! — беспокоясь прежде всего о лейтенанте и красноармейцах, сказал Ваня.

— Они, по-моему, перебрались через мост и ушли в лес, а танки по лесу не могут догонять, — рассудил Яша.

Ваня только кивнул в знак того, что хорошо, если так.

Передний танк уже был на середине моста, а второй только поравнялся с перилами, когда там вдруг рвануло и огромное черное облако взметнулось в небо, вскипело красным, рыжим и черным пламенем. А когда опустилось, то не было ни моста, ни тех двух танков. Третий железный бегемот с черным крестом на башне с разбега остановился над пропастью и стал разворачиваться. Но из кустов, зеленевших за кюветом, в него полетели сразу три блестящие штуки, сверкнули на солнце, как рыбины. Ваня подумал, что это гранаты, но Яша воскликнул с восторгом:

— Эх ты, бутылки с горючей смесью!

Его предположение сразу же подтвердилось — танк вспыхнул, словно стог сена.

Ваня и Яша не видели, кто забросал танки бутылками. Но вскоре из кустов возле самой дороги выскочили те трое, о которых мальчишки думали, что они уже давно в дальнем лесу. Бросились они прочь от дороги, петляя по мелкому кустарнику. И может, так благополучно и ушли бы. Но к подорванному мосту прикатили грузовики. Только остановились, из них, как

воронье, высыпали фашисты в касках. Разбежались по кювету и начали палить из всего, что было: из автоматов, винтовок, пулеметов.

Ребятам стало страшно. Они похватали припасенные еще с вечера автоматы и гранаты и хотели скрыться в лесу, да увидели лейтенанта, бегущего к могиле. Заметив ребят, он даже не остановился, а только спросил, на месте ли носилки, на которых они вчера принесли генерала.

— Убегайте, ребята, в лес! Фашисты лютуют — мы им перцу под хвост насыпали, — крикнул лейтенант и, схватив носилки, побежал назад, к своим.

Ребята догадались, что кто-то из троих тяжело ранен, и Ваня крикнул лейтенанту:

— Можно, мы с вами будем уходить в лес?

— Давай! — ответил лейтенант.

Раненым оказался молодой кудрявый боец. Он был без пилотки; желтые, как солома, кудри покраснели от крови, проступившей сквозь бинт.

Ребята забрали у второго бойца пустые рюкзаки. Положив раненого на носилки, лейтенант и боец быстро пошли в лес. За ними поспешили и ребята.

Ване казалось, что фашисты стреляют прямо ему в спину. Однако он старался не оглядываться, чтоб не показаться трусом. Посматривал назад только сам лейтенант. Ну, это он как командир, чтоб знать, что делается вокруг.

Стрельба не умолкала. Но красноармейцы и мальчишки уходили от нее все дальше и дальше в глубь леса.

Наконец остановились отдохнуть. И тут Ваня не вытерпел. С восторгом глядя на лейтенанта, пилоткой отиравшего пот с лица и шеи, он сказал:

— Здорово дали вы им!

— Это не мы, это генерал Заруба,— ответил лейтенант.— Он им не даст покоя и мертвый!

— Да, наша часть рассыпалась, но она не разбита. Мы еще им покажем! — сказал черный то ли от порохового дыма, то ли от пыли красноармеец.

И вдруг он склонился над носилками и быстро застегнул пуговицы на гимнастерке раненого. Он это сделал торопливо и старательно, заслоня собою от мальчишек грудь неподвижно лежащего товарища.

Однако Ваня успел заметить то, что так поспешно прятал от него боец: край алого, словно свежая кровь, знамени и даже кончик золотой буквы, кажется, «П». Он многозначительно посмотрел на Яшу. Но тот о чем-то увлеченно говорил с лейтенантом.

«Знаменосец!» — с восторгом подумал Ваня о раненом.

— Ну а теперь давайте знакомиться,— предложил лейтенант.— Меня зовут Сергеем Соловьевым. Товарища — Николаем Черновым. А ранило Володю Сорокина, гордость нашей части, комсорга. А вы кто такие?

— Я — Ваня. Он — Яша,— ответил Ваня за обоих.

— Все ясно, до мельчайших подробностей,— улыбнулся лейтенант.— А откуда вы?

— Я из Поречья, тут недалеко. Яша — из Вишнёвич.

Насчет недалеко Ваня приврал, чтоб лейтенант не спрашивал, почему ушли из дому в такую даль. Но провести его не удалось, он тут же посмотрел на карту и присвистнул:

— Вот так недалеко! Восемнадцать километров! Это ваши родители там уже...— и вдруг он умолк, заметив, как помрачнели оба мальчика.

Яша коротко, но очень внятно рассказал о том, что произошло с их родителями.

Лейтенант долго после этого молчал. Потом тихо, но сурово сказал:

— За все это фашисты еще поплатятся!..

Трое суток жили ребята с красноармейцами в шалаше, сделанном в лесной чащобе под старой развесистой елью. Раненый пришел в себя и стал понемногу выздоравливать. А вскоре лейтенант и красноармеец Чернов ушли за продовольствием, закопанным на месте расположения их части.

Ушли на день-два. Да так и не вернулись.

Ребята снова перешли на иждивение пастушков. Теперь у них была одна забота — помочь красноармейцу Сорокину скорее выздороветь.

Однажды пастушки, приносящие ребятам еду и лекарство, сказали, что в село пришли фашисты и поселились в их школе, а сам их командир — прямо в красном уголке.

Лейтенант и красноармеец оставили в шалаше все, что не было нужно им в походе, в том числе и бутылки с горючей смесью. Две бутылки Ваня и Яша подарили своим новым друзьям. А те запустили их в окно немецкого жилья в полночь, когда часовой зашел за угол школы.

А чтоб немцы не подозревали мирных жителей в поджоге, ребята воткнули возле дороги кол с фанеркой, на которой было заранее написано углем:

«Смерть проклятым фашистам!

Генерал Заруба».

Не знали ребята, что их выдумкой скоро начнут пользоваться сельские комсомольцы и все, кто увидал фашистов и старался хоть как-то с ними бороться. Слава генерала Зарубы росла не по дням, а по часам.

Красноармеец Сорокин уже начал ходить. Узнав о

поджоге дома с фашистами, он запретил своим друзьям такие опасные вылазки.

Но «генерал Заруба» уже действовал и в соседних районах. Он проник даже в город.

Ваня и Яша ждали теперь только полного выздоровления раненого красноармейца, чтобы отправиться на восток, к линии фронта. Как вдруг ночью на их костер набрела разведчица Маруся.

...Выслушав эту горькую исповедь, командир печально посмотрел на Ваню и совершенно серьезно, как взрослому, сказал:

— Да, пережил ты, товарищ, немало. И хорошо, что Мария Федоровна тебя нашла. Нельзя сейчас действовать в одиночку, непродуманно. Давай веди своего Яшу и красноармейца. Будем вместе бить этих гадов. Организатор нашего отряда Иван Трофимович говорит: «В большом огне и сырое полено горит лучше».

— Да я-то пошел бы и Яша тоже. Но красноармеец ни за что не пойдет.

— Это ж почему? — удивился командир.

— У него хранится страшная тайна, которую он, наверное, никому не раскроет, только своему командиру. Я поклялся ему молчать. Но вы сами спросите его, может, вам он и скажет.

— Ну что ж, ради важной тайны я готов сам пойти к нему на переговоры,— заявил командир с готовностью.

А через несколько дней была годовщина Октябрьской революции, и партизаны принимали присягу под воинским знаменем, которое принес в отряд красноармеец Сорокин.

Первыми у знамени стояли Ваня и Яша, а уж потом сам знаменосец Владимир Сорокин и остальные партизаны.

ТВОЙ ПОДВИГ ВПЕРЕДИ

Пионерский лагерь, стоявший на лесистом берегу Припяти, сразу же, как началась война, был приспособлен под госпиталь. С утра до вечера везли сюда раненых красноармейцев, которых нельзя было эвакуировать в глубокий тыл.

Директор пионерлагеря, учитель рисования Василий Сергеевич Сомов, прямо из лесу пришел в военкомат проситься на фронт. Но его в строевую часть не взяли, так как у него был порок сердца. А направили в госпиталь.

— Начальник госпиталя сам решит, что вам поручить, — сказали в отделе.

В привычные стены бывшего пионерлагеря Сомов вернулся со своим учеником, восьмиклассником Андреем Терехиным, который тоже рвался на фронт. Андрей хотел было прямо из военкомата удрать на передовую, но пожалел своего учителя и решил ему помочь на первых порах.

Главврач, увидев крупного, широкоплечего учителя и не менее крепко сложенного, рослого ученика, приказал им принимать раненых и размещать по палатам. Учитель ничего не сказал о своем больном сердце. А ученик старался всячески облегчить ему работу. Вдвоем они бережно снимали с машины или с повозки раненого, клали на носилки и относили в палату. При этом Андрей ухитрялся делать так, что основная тяжесть носилок доставалась ему, а не учителю. Он брался за ручки носилок у самого изголовья раненых.

В первые же часы все комнаты были заполнены до отказа, а раненых все подвозили. Главврач прошел по палатам и приказал поставить дополнительные койки. А к вечеру заняли и сарай и чердак.

Все врачи к концу дня превратились в хирургов,

делавших сложнейшие операции. Санитары вообще сбились с ног. А учитель Сомов лежал во дворе под деревом бледный, неподвижный, и врач сидел возле него со шприцем.

Андрею теперь пришлось работать с маленьким, медлительным и слабосильным человеком. К полуночи Андрей дошел до того, что, подходя к койке тяжело раненного, споткнулся, упал, да так и уснул как убитый.

Очнулся он от грома и грохота, сотрясавшего все здание. Но спать хотелось так, что он только повернулся удобнее и снова впал в забытие. Вдруг что-то упало ему на голову, запорошило глаза. Он вскочил, отряхиваясь. Это с потолка обвалилась штукатурка.

В темной комнате творилось что-то невероятное. Все кричали. Одни звали санитаря, сестру, доктора. Другие просто ругали весь белый свет.

При вспышке и взрыве за окном Андрей увидел, что все, кто был в этой огромной комнате, столпились у дверей, стараясь поскорее выйти. Одни пробирались на своих ногах. Другие ковыляли с помощью товарищей или придерживаясь за стенку. Некоторые ползли.

«Бомбежка!» — только теперь понял Андрей и бросился на помощь раненому, лежавшему на койке без движения.

— Дружок, — слабо проговорил тот, — не надо. Мне уж все равно: что там, что тут.

— Внизу — подвал! — пытаюсь приподнять тяжелого, словно прикованного к постели бойца, сказал Андрей.

— Помоги тем, кто ползет. А за мною пришли носилки.

Здесь трудно было понять, что нужно делать сначала, а что потом. И Андрей на минуту растерялся.

Дом опять осветился пламенем близкого взрыва,

вздригнул, стряхивая штукатурку со стен и потолка. Бомба разорвалась близко, но стены не повредило. Андрей понял, что скорее надо спустить всех со второго этажа.

С полчаса сплошной вереницей тянулись раненые в подвал, в окопы и траншеи среди двора. В доме остались только самые беспомощные. Ими-то и занимался Андрей. Одних он вел в подвал, держа под руки, других перетаскивал на спине. К концу первого палета бомбардировщиков он спустил в подвал всех, кроме того, неподвижно лежавшего на койке и упрямо не желавшего никого беспокоить.

Но тут Андрею повезло — он перехватил санитаров с носилками, которые выходили из другого подъезда

дома, и уговорил спустить и его больного. Те последовали за ним понуро и молча, как выбившиеся из сил бурлаки.

Когда внесли в подвал и этого, Андрей прислонился к косяку, едва держась на ногах.

В подвале было сыро и холодно. Под ногами хлюпала вода. Где-то в крошечной тьме свистела струйка — видно, от недалекого взрыва бомбы лопнула водопроводная труба.

Кто-то зажег спичку, и кошмарная картина представилась Андрею в этом переполненном ранеными, сыром оцементированном гробу. Андрей всерьез считал этот подвал гробом: от бомбы он едва ли мог спасти. Но изменить теперь уже ничего было невозможно.

Снова послышался гул самолетов.

— Третий заход! — объявил кто-то во тьме подвала.

— Видно, этот гад не уgomонится, пока все не сровняет с землей, — заметил второй голос.

— Да неужели ж им не видно, что это госпиталь!

— А им все равно, что здесь. Главное для них убивать, уничтожать.

— Но ведь есть какие-то международные правила, есть конвенция.

— А! — сердито пробубнил суровый бас. — Все это писано не для фашистов!

Андрею некогда было прислушиваться. Он в тревоге метнулся наверх: а вдруг еще кого-то забыл, не увидел. Вбежал в пустую комнату, заглянул во вторую, в третью... Вибрирующий гул приближался, наседал, сотрясал окна, и они мелко дребезжали.

Снова рвануло, деревянный дом пошатнулся, закрипел, с потолка полетели большие пласты штукатурки.

«Тут если и не убьет, то покалечит!» — мелькнуло в голове, и Андрей опрометью бросился вниз.

Влетел в коридорчик подвального помещения и услышал душераздирающие стоны, чью-то надрывную просьбу:

— Пи-ить!

Бомбы вокруг дома рвались и грохотали, сотрясая всю землю. Дверь была прошита осколками во многих местах. Осколки посвистывали где-то над самой головой.

Но Андрей думал теперь только о том, как найти воды. Вспомнил, что у входа в комнаты первого этажа есть умывальная. Вбежал туда, в крошечной темноте нащупал ведро. Открыл кран, но вода не пошла. «Ну конечно же водопровод вышел из строя! — понял он. — Утихнет, сбегая к озеру!»

Взрывы вокруг дома прекратились. Но когда Андрей встал на ступеньку, ведущую в подвал, ударило где-то внизу, под ногами. Весь дом рвануло, тряхнуло, и засыпало Андрея штукатуркой и какой-то трухой с лопнувшего потолка. Он присел, уверенный, что дом рушится и сейчас его раздавит, как яичную скорлупу. Но тут же отряхнулся. А услышав хриплый приглушенный стон в подвале, одним махом спустился туда.

Теперь в подвале никто ничего не просил, но стон был каким-то сплошным, утробным и таким безысходным, какого никогда еще юноша не слыхивал. Он смотрел в темноту подвала, но ничего там не видел. Только запах появился какой-то совсем незнакомый — удушливый, гнетущий, хотя и не похожий на пороховой. Кто-то, выползая из подвала мимо него, прохрипел:

— Волной контузило всех.

Андрей толком не понимал еще смысла слова «контузия». Но оно ему казалось более ужасным, чем ранение и даже сама смерть. Контуженный, представля-

лось ему, это заживо погребенный или обреченный на страшные муки.

— Что же делать? — взмолился он, обращаясь к человеку, который на четвереньках взбирался по лестнице.

— Тащи на воздух! — ответил тот, с трудом приподнимаясь на ноги. — Зови санитаров!

— Какие там санитары! — бросил Андрей в сердцах. — Они были в сарае, куда недавно привезли раненых, а сарай тот разнесло бомбой. — И Андрей на ощупь, по стону, нашел в подвале первого, кому нужна была его помощь.

Руки и ноги у этого человека были настолько вялыми, безмускульными, что он даже не мог ухватиться за шею санитаря, пытавшегося его приподнять. Пришлось подставить спину, взвалить на себя и, держа за обвислые руки, тащить тяжелое безжизненное тело наверх.

Теперь Андрей невольно посчитал ступеньки из подвала. Их было восемь. Высокие. Но, к счастью, широкие, удобные. И перила справа надежные.

Андрей удивился, когда вышел со своей ношей из дома и увидел, что уже рассвело. Небо было зеленовато-синее, холодное, безучастное.

Над головой пронесся самолет, чуть не сорвавший ветром крышу дома. И тут же метрах в ста обрушилась бомба.

Андрей словно поклонился ей, упал на колени вместе со своей полуживой ношей, но не уронил человека. Так и пополз с ним к щели, которая была выкопана в десяти метрах от дома, видно, еще в первый день войны. Опустив застонавшего и как-то конвульсивно хватавшего воздух красноармейца на дно полуметровой щели, Андрей отшатнулся в ужасе: лицо контуженного было синим, из ушей черными струйками сочилась

кровь. Он представил и других контуженных такими же, и, даже не замечая, что в это время и справа, и слева, и позади — совсем близко рвались бомбы, а с неба пикировал ревущий фашистский самолет, Андрей побежал в обшарпанный дом, в котором не было уже ни одного окна, а крыша с фасадной стороны была задрана вверх, словно сорванная ураганом. В подвале он без разбора схватил первого попавшегося, такого же обмякшего человека, и тем же способом потащил его наверх.

Встреченный свистом осколков очередного взрыва, он на этот раз даже не пригнулся — уж очень тяжелой была его ноша. «Попался какой-то сибирский богатырь», — подумал Андрей. Этот даже и в окопе не пошевелился, хотя был еще теплым и тяжело хрипел. Надо было что-то ему сделать, чем-то помочь. Но там задыхаются другие. Воздух в подвале был настолько спертым, что, казалось, дымился. Андрей боялся, что дом вот-вот загорится, поэтому спешил всех вытащить. А главное, что этот дом остался единственным не разбомбленным, и ясно было, что фашисты доконают и его. Надо было успеть вытащить всех из подвала.

Самолеты улетели. Взрывов больше не было. Стало совсем светло. Озеро, плескавшееся почти у самого дома, загорелось алым пламенем — за лесом не спеша всходило солнце. Вытащил Андрей двадцать второго человека, когда снова услышал рев приближающихся самолетов. Он с опаской посмотрел на черных дьяволов, вынесшихся из-за леса, и опять нырнул в подвал. Там было еще трое. Теперь Андрей присвечивал спичками, добытыми в кармане одного из раненых. Этих он решил сперва вытащить из дома, а уж потом помочь добраться до щели. Последнего раненого он нести уже не мог, а тащил со ступеньки на ступеньку, как мешок с картошкой. Выволок, чувствуя, что руки и ноги дро-

жат и вот-вот свалится сам. На пролетающий самолет даже не посмотрел, хотя тот посеял несколько бомб, взорвавшихся тут же за домом. Андрей отер рукавом лицо и удивился — весь рукав в крови. Почувствовал ссадину на лбу. Вытерся еще раз — крови еще больше.

«Потом перевяжусь!» — подумал и потащил последнего раненого, с удовлетворением заметив, что двое вытащенных перед этим из подвала уже подползают к окопу. Добрался и он со своей последней спасенной душой до ровика, заполненного людьми так, что уже некуда было всунуться. А тут опять взрыв. Оба — и спасатель и спасенный прильнули к земле, укрылись за бугорком свежей глины.

Андрей глянул туда, где ударило, и облился холодным потом: бомба разорвалась там, где только что он вытирал рукавом лоб, выворотила такую яму, что вместилась бы целая повозка.

Теперь Андрею стало страшно за людей, вытащенных на открытое место. Ему казалось, что снова и снова налетающие самолеты видят их и бросают бомбы только на них, на эту полуживую мишень. Кто-то потащил его за ногу в окоп.

— Прячься сам,— с трудом проговорил этот кто-то.— Осколком убьет.

Андрей послушно сполз в окоп, на чьи-то теплые тела.

— Кажется, кончилось! — тихо проговорил кто-то.

Андрей не спеша поднял голову. Дом их все же стоял, но его расшатало, как старую телегу.

Но вдруг этот двухэтажный деревянный дом вспыхнул черными смерчами, взревел, ахнул и разлегся, притиснулся к земле, словно сапожищем раздавленная спичечная коробка. Андрей не дыша смотрел на кучу обломков, прикрытых покоруженной и почерневшей цинковой крышей.

— Замедленная,— коротко заключил один из раненых.

— Да, было бы нам, если бы этот санитар вовремя не вытащил,— сказал второй и позвал: — Товарищ санитар, где ты? Живой? Что с тобой? Отзовись.

Уставившись в одну точку, куда-то в самый центр жуткой катастрофы, Андрей онемел. Ему казалось, что там все же погребены живые люди, что он кого-то не успел еще вытащить.

А потом вдруг какой-то туман закрыл всех спасенных им людей, и Андрею представилось, что все они, эти раненые и контуженные, остались там, под обломками дома.

— А? Что? — вскрикнул Андрей и увидел перед собою учителя Сомова, который держал перед ним кружку и предлагал выпить воды.

Не отрывая взгляда от страшного места, Андрей залпом выпил воду.

— Василий Сергеевич, там никто не остался?

— Да нет, нет! — громко ответил кто-то у него за спиной.— Все мы тут.

— Спасибо тебе, дорогой.

— Если бы не ты...

— Ах, парень, парень! Пооди на фронт рвался. А пригодился вон где. Да еще как пригодился!

— Он-то пригодился. А мы куда теперь годимся? — хриплым голосом спросил скорее самого себя, чем окружающих, красноармеец с перебинтованной от колена до ступни правой ногой.

— Ничего! Отойдем, раны залечим и — на фронт,— неожиданно бодро сказал Рокотов, тот тяжелораненый, который не хотел, чтобы Андрей выносил его из дома.

— Где он, тот фронт, будет, когда мы придем в себя! — скептически протянул боец с синей правой щекой и забинтованными кистями рук.— Теперь на-

ших и не догонишь. Разве только за Минском упрутся.

— Нам их не обязательно догонять,— продолжал свое Рокотов.— Будем, как в гражданскую войну, гротить врага в тылу.

— Партизанский отряд! — так и вспыхнул Андрей, и только теперь его взгляд оторвался от страшного места.— А оружие?

— У меня есть пистолет. С него и начнем.

— Да оружие сейчас не проблема,— сказал учитель.— На местах боев его много осталось. Мальчишки теперь запасаются. Это уж ясно.

И тут, легкие на помине, из-за большого дровяного склада вышли подростки. Их было пятеро. Впереди, видно, командир, потому что на груди у него висел бинокль. За ним двое мальчишек несли носилки. А дальше — две девчонки лет по четырнадцать.

Увидев неподалеку от разбомбленного дома раненых, лежащих прямо на земле, они бегом устремились к ним.

— Ну вот, видите,— сказал Рокотов.— Эти не дадут погибнуть.

Ребят этих Андрей знал и тоже верил, что вместе они что-нибудь придумают для раненых. Или дровяной сарай превратят в госпиталь, или разместят их по домам и будут выхаживать под видом родных, если все вокруг займут немцы.

— Бери ведро и неси воды. Мы с тобой должны напоить людей и умыть,— сказал Василий Сергеевич.— А медицинскую помощь им окажет санитарный отряд Сидорчука. Это ж он с биноклем?

— Да, Володька,— кивнул Андрей, вставая.— Был такой мямля, а теперь вот...

Учитель тоже встал и, положив руку на плечо Андрея, тихо, чтоб слышал только он, сказал:

— А мы с тобой так рвались на фронт. Думалось,

что только там мы нужны! В жизни часто бывает так, что свой подвиг человек совершает совсем не там, где надеялся.

Андрей смущенно опустил голову: сам он не считал подвигом то, что сделал сегодня. Его подвиг впереди, в партизанском отряде.

ПАРТИЗАНСКАЯ ДОЛИНА

Светает. В заснеженном лесу тишина. Кажется, что мохнатые хвойные великаны, облепленные свежим пушистым снегом, чего-то ждут, к чему-то настороженно прислушиваются. Обломилась крошечная ветка, чуть толще карандаша, а эхо пошло от нее, как от выстрела, и вызвало в лесу целый переполох. Заяц, глодавший молодую кору, сразу же дал стрекача. Белка огнистой стрелой взметнулась на верхушку дерева. С шумом и гамом взлетела стая ворон. И только люди, затаившиеся в снегу под деревьями, не сделали ни одного движения, не обмолвились словом.

С глубокой ночи засели словацкие партизаны на склоне горы вдоль ущелья, по которому протекала небольшая, но шумливая речка. Одеты в белые маскировочные халаты, они затаились под елками, укутанными снегом. Все их внимание направлено на мост через бурную незамерзшую речку.

Ночью мост чернел посреди снегов. Он — внизу, на самой середине ущелья, в полукилометре от леса, спускающегося со склона горы. Но на рассвете от воды стал подниматься туман. Сначала он повис дымчатой полосой только над руслом реки, потом сплошной сизой волной пополз по мосту. Часовой в капустно-зеленой шинели, в огромных сапогах долго бродил, словно по-

груженный по колени в воду. Потом он и совсем утонул в тумане вместе с будкой. И тихонько запел, видно, отгонял страх. А когда рассвело, туман разлился по всему ущелью, как вода в половодье.

Лес, в котором устроились партизаны, теперь стоял словно на берегу огромного сизого озера. Если б можно было плыть по этому озеру, то до противоположного берега ущелья — всего с километр. И там тоже лес, только еще более густой и хмурый. И там притаились под елками партизаны, одетые в белые халаты. И они также ожидают дня. А внизу, точно где-то на дне озера, все поет немецкий часовой, охраняющий мост. Видно, страх вместе с туманом наползает на него со всех сторон.

— Товарищ Кошик, самый хороший момент: пока он поет, я проберусь в тот ельничек, — слышится шепот под елкой в малом лесу.

Это говорит Тимофей Кравцов, молодой и отчаянный русский партизан.

— Глупство говоришь, товарищ Крафцоф, — почти сердито отвечает командир отряда Ян Кошик. — Туман пройдет, и ты останешься на снегу, яко пенечек перед самым длинным носом часового.

— Я под елочкой замаскируюсь.

— Там елочки, яко девча пяти лет.

— Вот и хорошо, что маленькие! — восторженно шепчет Кравцов. — Часовой и не подумает, что между ними может кто-нибудь лежать. Я зароюсь в снег, прикроюсь белым халатом, даже винтовку замаскирую и буду ждать.

— Снег не есть теплы лебединый пух, долго лежать не можно.

В разговор вмешивается самый старый в отряде человек, бывший учитель. Он тоже считает, что это неоправданный риск.

— Только у тебя есть снайперска винтовка. Ты один можешь выручить Ежо. Сиди тут.

— Рудольф Ладиславович! — Тимофей называет учителя на русский манер, по имени-отчеству. — Вы же понимаете, что не смогу я сидеть здесь, в такой дали от моста, в то время когда Ежо будет там, на самом мосту... Случись там схватка, что я буду делать своей винтовкой! А мы при побеге из Германии, в самую тяжкую минуту, поклялись не оставлять друг друга в беде! Поклялись, вы понимаете...

Долго все молчали. Потом учитель прошептал комиссару:

— Яро, может, пустим... У них, у русов, даже песничка така: «Один за всех, и все за одного».

Кошик и сам знал, что Тимофея не удержать, коль Ежо в опасности. Снял свой лучший в отряде маскхалат и молча отдал Кравцову с двумя гранатами в придачу.

Кравцов оделся и нырнул в туман, как в воду...

Мост через этот приток Грона стратегического значения не имел. Но в последнее время он стал партизанам как бельмо на глазу. Через этот мост немцы шайками ходили в Теплицы «на охоту». Они считали это местечко партизанским и жестоко расправлялись с мирными жителями — грабили, избивали, а тех, кто сопротивлялся, угоняли в Германию или расстреливали на месте.

Местечко и на самом деле было партизанским. Здесь все были как-то связаны с народными мстителями, жившими в лесистых горах. Многие жители были партизанскими связными или разведчиками. А парни и девушки, которых фашисты пытались увести в немецкое рабство, почти все убежали в отряд.

Не раз партизаны устраивали засады на гитлеровских «охотников» и беспощадно с ними расправлялись.

А на днях начисто уничтожили взвод эсэсовцев, пытавшихся увезти из местечка всех работоспособных мужчин и женщин. По опыту Бановец и других населенных пунктов, которые немцы дотла сожгли вместе с мирными жителями, партизаны знали, какая участь ждет Теплицы после расправы с эсэсовцами, поэтому решили отрезать фашистам путь в местечко — взорвать мост. Восстанавливать мост фашисты не станут — Советская Армия уже в Карпатах.

Уничтожить этот мост надо именно сегодня, в воскресенье, когда в город идет много людей из деревень. Вообще-то из сел Теплицкой долины гитлеровцы не пускают людей в областной центр, находящийся за этим мостом в трех километрах. Но по воскресеньям старикам и подросткам разрешается возить на рынок масло, яйца, брынзу и все, чем богата словацкая деревня. В мирное время Теплицкая долина, по сути, одна и кормила весь город. С этим военные власти вынуждены были как-то считаться. Тех, кто нес что-нибудь на рынок, часовые пропускали через мост, а у самого входа в город им выдавались специальные пропуска на вход и выход.

Этим партизаны и решили воспользоваться для проведения операции по взрыву моста.

Среди елочек, которые командир отряда сравнил с пятилетними девчужками, Кравцов зарылся в снег и стал ждать. Минуты казались часами. Часы — вечностью. Руки и ноги коченели. А нельзя было даже пошевелинуться, потому что туман рассеялся, взошло солнце, и немецкий часовой, весело напевая что-то себе под нос, ходил по мосту совсем близко, метрах в ста. Тимофей видел его в щелку между двумя ветками елочек, следил за каждым его шагом.

Еще немного, и через мост пойдут деревенские люди на базар. И тогда...

Но вот на дороге к мосту закрипел снег. Кравцов оглянулся — из лесочка вышли две женщины. Одна несла под мышкой связанную курицу, другая — гуся в плетеной корзинке. Сразу видно, что несут продавать.

Немец просмотрел их документы и разрешил пройти по мосту.

Потом пошли еще и еще. Старух часовой не задерживал и даже в документы не смотрел. Зато девушек и молодок он держал подолгу, явно с ними заигрывая. Те вынужденно улыбались, чтобы только отвязался, и проходили по мосту.

Кравцов, глубоко зарывшись в снег, вытянул шею и совсем подлез головой под елочку — того и гляди стяхнет с нее снег...

Наконец на дороге показалась блондинка в черной барашковой шапочке, в коротенькой юбке-клевш, в теплой фуфайке, похожей скорее на жилет. Девушка на длинной веревке тащила за собой салазки, в которых сидели петух и две утки. За салазками бежала девчонка-подросток. Этой лет четырнадцать, не больше.

Завидев разругавшихся от мороза девушек, часовой заулыбался и громко запел что-то на словацкий мотив.

Девушка еще издали стала ему подпевать и даже приплясывать в спортивных ботиночках. Немец обрадовался ее отзывчивости и, подражая ей в танце, начал скользить по мосту в своих огромных подкованных сапогах.

Кравцов замер под елочкой, перестал чувствовать холод, его теперь бросило в жар, от которого снег, казалось, тает как от огня. Пальцы, сжимавшие винтовку, разгорелись докрасна. Он не сводил мушки с головы немца, к которому приближались партизанка Божена и переодетый в женскую одежду Ежо.

Замер и Рудольф за пулеметом, направленным на двери будки.

Все, что было в руках партизан огнестрельного,— направлено на будку и часового на мосту. Даже если операция по взрыву моста сорвется, Божена и Ежо должны быть спасены.

Каблучки девушки и ее «сестры» глухо заскрипели по утоптанному до блеска снегу на мосту.

Тимофеей положил палец на спусковой крючок винтовки. Из-под шапки струился пот. Но вытереться нельзя. Шевельнешься — и сам себя выдашь!

Вот часовой в капустно-зеленой шинели берет за талию старшую девушку. Она кокетливо щелкает его пальцем по носу. Немец в ответ на это игриво смеется.

У Кравцова от этого смеха пальцы становятся влажными, а спусковой крючок словно накаляется.

Блондинка в черной шапочке снова позволила немцу себя обнять, словно соглашаясь потанцевать. Но тут же выскользнула и показала себе на ноги, потом на дверь в будку. Видно, хотела дать понять часовому, что у нее замерзли ноги и она не прочь бы погреться.

Солдат воровато посмотрел по долине в сторону казармы. На расчищенной асфальтовой дороге — ни души. Потом глянул туда, откуда пришла девушка, — тоже пусто. Он даже пробежал глазами по зарослям молодых елок и заглянул, как показалось Кравцову, в самое дуло его снайперской винтовки. И решительно направился к будке, подхватив девушку под руку и не обращая внимания на младшую, которая тоже потащилась следом, оставив салазки. Вот они вошли и захлопнули дверцу сторожевой будки, над которой поднимался густой сизый дымок.

На мосту остались только салазки с петухом и утками, которые вдруг почему-то беспокойно забарахтались, а селезень даже закричал.

Сжимая ствол винтовки, Кравцов лихорадочно решал, что делать. Если через минуту Божена и Ежо не выйдут из будки, надо прошмыгнуть через мост, влететь в будку и помочь друзьям.

Сорок одна. Сорок две... Сорок пять секунд...

Нет! Больше ждать нельзя. Они попались!

И Тимофей сперва полз по-пластунски, а потом кубарем скатился на дно ущелья к берегу реки.

Он знал, что сейчас командир отряда злится за самовольство. Но перед Кравцовым были теперь только мост и эта будка, в которой вот уже пять минут, да каких пять — целую вечность! — творится неизвестно что!

Это ему и всему отряду, напряженно ждавшему в засаде, показалось, что их посланцы находятся в будке очень долго. А те пробыли там ровно столько, сколько надо было, чтобы Ежо выхватил из-за пазухи пистолет и застрелил вошедшего с ним часового. А Божена в это время выстрелом из своего пистолета убила отдыхавшего на топчане его сменщика.

Тимофей только подполз к мосту, как дверца будки распахнулась настежь и оттуда выскочили Божена и Ежо. Схватив салазки, они исчезли под мостом.

Кравцов лежал за мостом и видел черную, блестящую от солнца дорогу к казармам и дальше, к городу, дома которого белели вдаль. Заглянув под мост, он увидел, как ловко и быстро Ежо пристраивал свои салазки под железобетонной опорой и даже не посматривал в лес, откуда в случае опасности ему должны подавать сигналы.

«Ежо, не бойся, я с тобой!» — так и рвалось с языка Тимофея, но он удержался, промолчав, чтоб не отрывать друга от работы.

Оставалось пристроить мину, когда в километре от моста, возле казармы, взвыла сирена и к стоящему

на дороге автомобилю саранчой устремились немецкие солдаты.

— Ежо, я здесь! — нарочито весело сказал Кравцов. — Тебе полминуты хватит?

— Тишькоо! — обрадованно отозвался Ежо. — Ты тут, хорошо, успею!

Он даже не глянул вверх, на скалу, где неистово качалась маленькая березка — сигнал тревоги.

Автомобиль взревел и рванулся с места на полной скорости. Тимофей хотел крикнуть что-то другу и его напарнице.

Но те уже выскочили из-под моста, разматывая клубок бикфордова шнура. Ежо поджег кончик шнура и, подбежав к Кравцову, хлопнул его по плечу:

— Я знал, ты прибежишь!

Ухватив Божену за руки, они изо всех сил побежали прочь от моста по дороге. На гору здесь карабкаться теперь было опасно, надо было убегать по ущелью, которое неподалеку заворачивало вправо. Навстречу попалась старуха, и они ее вернули, сказав, что через мост нет хода.

Не успели они скрыться за этим поворотом, как сильный взрыв потряс все ущелье. И тут же, словно эхо, раздался пулеметный шквал. Это гитлеровцы стреляли с машин, несшихся к мосту.

Но теперь эта стрельба не пугала партизан. Мост уничтожен. Преследование невозможно.

В расщелине, где не опасна была даже минометная стрельба, друзья остановились передохнуть.

— Зря ты так... рисковал! — с трудом переведя дыхание, заговорил Ежо.

— Молчи! — строго сказал Кравцов. — Больше я тебя одного на опасное дело не пушу. Раз поклялся, то и жить вместе, и умирать вдвоем!

— Нет, лучше совсем не умирать! — вмешалась Божена.

— Я за это! — с радостью поддержал ее Кравцов.

Точно по заказу партизан и жителей Теплиц пошел снег, закружилась вьюга и занесла все дороги к местечку.

На месте разрушенного моста фашисты поставили столб с фанеркой, на которой по-немецки и по-словацки было написано огромными буквами:

«Путь закрыт! Партизанская долина».

КТО КОГО ПЕРЕВОСПИТАЛ

Ефрейтор Ганс Брюнер видел, что русские, в доме которых он поселился на время работы в районной полиции, люто ненавидят его. И все, что ему нужно, делают только по большому принуждению, из страха.

Но однажды, возвратясь домой, Ганс увидел, что его мотоцикл стоит на деревянной подставке и блестит, как новенький.

— Гут, гут! — похвалил он Гаврюху, который сидел в сторонке и соломой вытирал засаленные пальцы.

Такой поворот в поведении хозяйского паренька, который до этого волком косился на постояльца, немец приписал своему умению перевоспитывать русских. Хотел было даже угостить этого лохматого, нахохленного молчуна таблеткой сахарина, да раздумал: русские должны работать на завоевателей безвозмездно, они покоренное племя, рабы. Ганс сел на толстое бревно под стенкой дома, служившее скамьей, и выразительно показал руками на запыленные сапоги, мол, почисть.

Гаврюха, потупя голову, сходил в дом за щеткой и кремом. Молча и все так же не поднимая глаз на фашиста, начистил ему сапоги до мотоциклетного блеска.

Немец подошел к мотоциклу, остановился, как бы сравнивая блеск сапог со сверканием машины, и бросил несколько слов, перевести которые Гаврюха не мог, но догадался — требует так делать каждый день. В знак согласия Гаврюха мотнул своей давно не стриженной головой, но, как показалось гитлеровцу, как-то с угрозой ухмыльнулся.

Больше ничего не сказав, Ганс вошел в дом, где его ждал ужин. Он всегда приходил из комендатуры в пять часов вечера. Долго умывался и отплеывался.

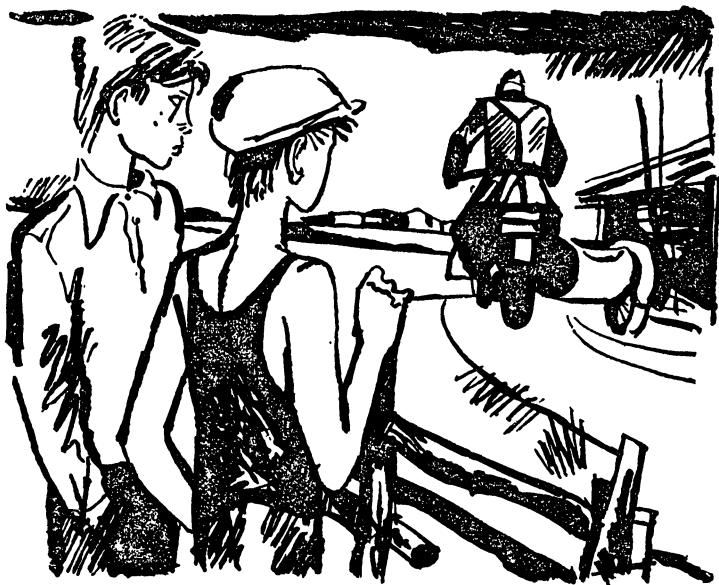
Первое время хозяев удивляло, почему их постоялец так подолгу и по нескольку раз намыливает руки и моет их только горячей водой с мочалкой, будто в огороде или в хлеву копался. А потом все выяснилось. Он, оказывается, прислан шефствовать над полицией. Целыми днями ведет допросы тех, от кого полицейские ничего не могут добиться. Допрашивает в основном дубиной или резиновой плетью. От чего не только руки, а иногда и мундир его бывают в крови.

Умывшись, Ганс устало садился за стол, где уже стояло то, что он утром заказывал хозяйке.

Гаврюхина мать ненавидела постояльца не меньше, чем ее сын. Но, чтобы немец не сделал детям ничего злого, старалась угодить ему — готовила все, что требовал. А кухаркой она была отменной. Если не было гуся или чего другого, заказанного постояльцем, шла к соседкам. Те понимали ее положение и отдавали последнее: не отдай — придет полицай и вместе с душой вытрясет.

Садился Брюнер на старый венский стул, на котором сживал когда-то хозяин дома.

Отец Гаврюхи был шофером. На стареньком «гази-

ке» он увез добровольцев Красной Армии прямо из военкомата на фронт да и не вернулся.

За одно то, что фашист по-хозяйски, основательно, как у себя дома, сел на этот стул, его ненавидела вся семья. Но об этом и мать и дети, конечно, молчали. В доме вообще устанавливалась напряженная тишина, когда Ганс возвращался из комендатуры. Речь заменялась пантомимой, движением глаз.

Немец пил шнапс, который наливал из фляжки, и угрюмо, долго ел. Наевшись до отвала, он вытирал губы хлебом и, бросив этот кусок на стол, тут же ложился на застеленную белым покрывалом постель. Причем хозяйка должна была успеть подложить ему что-нибудь под ноги и уйти на цыпочках, чтобы не мешать отдыху.

Перед закатом солнца немец садился на мотоцикл и гнал по укатанной проселочной дороге. По пути сажал дочку районного старосты, Ганнусю, и мчал на хутор ее тетки, которая угощала ефрейтора как зятя и любила с ним «культурно» поговорить, обходясь десятком заученных полунемецких фраз.

В сумерках возвращались. Ганнуся входила в дом Супруновых, как в свой. Ни на кого не глядя, словно незнакомая, пробегала через кухню, где теперь теснилась хозяйка дома с тремя детьми, и на ключ закрывала за собою дверь передней. Сразу же заводила патефон, и до полуночи дом оглушала режущая слух громкая танцевальная музыка. Слышались то пьяные взвизгивания, то хохот, то обрывки незнакомых песен.

И только в полночь музыка умолкала. Пошатываясь, Ганс и Ганнуся выходили из дома, их ожидали два полиция. Ганс возвращался спать. А Ганнусю местные полицейские сопровождали домой. За ее жизнь районная полиция теперь отвечала и боялась, как и за самого немца.

Все село ненавидело Ганнусю больше, чем даже ее отца, старосту. Их двоих — Ганса и Ганнусю — называли теперь одним обобщенным именем: Гансы.

Ефрейтор, конечно, ошибся, приписывая себе заслуги в том, что хозяйский мальчишка теперь ежедневно чистил мотоцикл и вообще стал внимательным и послушным.

Истинную причину перемены в отношении к гитлеровцу знали только двое — сам Гаврюха да его закадычный друг Сенька.

В первый же день, как пришли в село, фашисты расстреляли директора школы.

Семиклассники Гаврюха и Сенька начали ломать голову над тем, как отомстить за своего учителя. Ког-

да в Гаврюхином доме поселился этот спесивый ефрейтор, совещания друзей стали ежедневными. Но приду- мать они долго ничего не могли.

И вот однажды среди бела дня примчался Сенька во двор Супруновых, где его друг неохотно елозил тряпкой по запыленному крылу мотоцикла. Подсел к нему и прошептал:

— Неси чистые тряпки! Живо! С сегодняшнего дня будем драить мотоцикл так, чтоб блестел, как новенький!

— Сдурел! — отстранился от него Гаврюха. — И не подумаю стараться для этого душегуба. Или ты не знаешь, сколько наших людей он замордовал своей резиновой дубиной?

— Неси тряпки, будем чистить, и я тебе все расскажу... — категорически заявил Сенька. — Ты поймешь, что я совсем не сдурел...

Сенька считался в классе самым изобретательным. Все знали, что он собирается стать конструктором самолетов. Еще в четвертом классе он записался в кружок авиамodelистов и выклеивал какие-то никому не известные модели самолетов, чем удивлял даже учителей.

Гаврюха обо всем этом знал и все же не поверил, когда услышал от друга, что с Гансом Брюнером можно расправиться безо всякого оружия.

Когда Гаврюха принес чистую тряпицу и подсел к мотоциклу, Сенька тихо сказал, что чистить мотоцикл и вообще содержать его в порядке надо для того, что- бы ефрейтор смелее на нем носился.

— На большой скорости он сам себе снесет голову, — убежденно предсказал Сенька.

— Жди, пока это он на что-нибудь наткнется! — разочарованно протянул Гаврюха. — Я-то думал, ты что-то изобрел...

Внимательно осмотревшись по сторонам, Сенька приглушенным голосом терпеливо объяснил другу, что именно надо сделать, чтобы мотоциклист поскорее «наткнулся».

Он где-то вычитал, что, если туго натянуть над дорогой проволоку, она сорвет мотоциклиста с машины. Только надо точно угадать высоту.

Мотоцикл уже блестел так, что в никелированных частях ребята отражались, как в зеркале, а Гаврюха и Сенька все его терли и говорили, говорили — обсуждали каждую мелочь предстоящей боевой операции...

Было конечно же страшно. Ведь они собирались убить человека. Убить, уничтожить насовсем, навсегда. Это нелегко взрослому, не только подростку. Но гитлеровец сам их на это все больше настраивал. Каждый день по селу черной змеей проползало сообщение о новой кровавой расправе Ганса Брюнера с кем-нибудь из жителей села, которого ребята знали, может быть, как добрейшего человека. И Ганс в сознании мальчишек все больше отделялся от людей, вообще от рода человеческого, превращаясь в ненасытного кровожадного хищника, которому каждый день нужна новая жертва.

И удивительным было для ребят, что настраиваться на задуманное дело им пришлось целых полмесяца. Наконец решились. Достали стальную проволоку и шкворень, для того чтобы закручиванием натянуть проволоку. Все это припрятали в кустах на пути к хутору, на самом ровном месте, где мотоцикл, как убедились ребята за две недели наблюдений, носился на самой большой скорости.

Теперь оставалось выбрать удобный момент, когда Ганс сильно напьется. Пьяный он обычно задерживается на хуторе и, возвращаясь, развивает бешеную

скорость. Но когда это случится, да и как узнаешь наперед, в каком виде он будет возвращаться с хутора? И заговорщики решили ускорить нужный момент. Однажды Сенька принес Гаврюхе бутылку крепкого самогона, который мать держала «про случай болезни» вместо спирта. Попробовали несколько капель на огне — горит. Значит, будет дело. Теперь надо прислушиваться Гаврюхе, когда немец потребует у матери «саммохонь», и вместо тридцатиградусного подсунуть ему такой, что горит от спички. Такой случай выпал на второй же день. Мать сама послала Гаврюху к куме за свекольным самогоном, поэтому на обратном пути он без всякого труда заменил одну бутылку на другую.

В этот день Ганс, крепко пообедав и осушив бутылку крепчайшего самогона, не стал даже отдыхать, сразу умчался к Ганнусе. Он еще во дворе взял бешеную скорость, зацепился крылом за калитку, но не обратил никакого внимания на оторванное, загогулиной поднявшееся вверх крыло.

Гаврюха молча, внешне спокойно, не спеша пошел к Сеньке. А оттуда босиком, словно подхваченные вихрем, друзья помчались по кустарникам к месту своей засады...

Гаврюха с Сенькой устроились возле дороги, что шла из села на хутор. Они облюбовали место, где с одной стороны стояла старая, в два обхвата верба, а с другой над самой дорогой распустила тяжелые космы столетняя береза, окруженная кустарником. Здесь ребята, как было задумано, обулись в старые немецкие ботинки, притаились в кустах и стали ждать, когда по дороге перестанут ходить деревенские люди. Только тогда можно будет натягивать проволоку.

Солнце село на макушки деревьев совсем близко, прямо в лесу. Весь сосновый бор словно вспыхнул

огромным пламенем. А с болота, простиравшегося по другую сторону дороги, в спину ребятам уже тянуло прохладной поземкой тумана.

После заката немцы запретили показываться за селом. А закатывалось сегодня солнце уж очень долго. Ребята смотрели на расплавленный шар и досадовали, что он совсем никуда не спешит. Но вот последняя сочно-алая капля дневного огня канула в зеленом хвойном океане. По этому сигналу ребята бросились к проволоке. Сенька потащил ее за свободный конец через дорогу. Гаврюха подбежал к нему на помощь. Обмотав проволокой ствол вербы на том уровне, на каком она была прикручена к березе, ребята выскочили на дорогу и поставили под серединой еще не туго натянутой проволоки палку, которую они приготовили дома в соответствии с высотой сидящего на мотоцикле ефрейтора. Так же быстро вернулись к вербе и, заложив под проволоку шкворень, начали закручивать железную петлю. Закрутили с наружной стороны. Потом с внутренней крутили, пока проволока не загудела громовым басом. Закончив дело, высыпали по пачке махорки возле каждого дерева, где работали.

— Теперь никакая собака не возьмет нашего следа. Только бы Ганс не заметил проволоку да не пригнул голову! — с дрожью в голосе сказал Сенька.

— Хорошо бы, подольше он сегодня кутил на хуторе! — взмолился Гаврюха.

Собрав старые рукавицы, которыми держались за проволоку, ребята ушли на болото, к тому месту, откуда надеялись удирать в случае удачи. На дороге они нарочно оставили следы солдатских ботинок: пусть немцы думают, что это дело партизан.

Не ушли сразу домой не потому, что раздирало любопытство, а потому, что, если немец проскочит невредимым, проволоку надо сразу же снять, чтобы утром

не обнаружили ее полицаи и засаду можно было повторить.

Ночь наползла на болото густыми темными туманами. И только над лесом, в той стороне, где растаяла последняя капля дневного светила, плыла чуть подкрашенная багрянцем тучка — предвестник ненастья. Все замерло. Даже лягушки умолкли, словно тоже прислушивались к нахлынувшей тишине.

— Гаврюх, а вдруг его так развезло от самогона, что остался ночевать на хуторе? — прошептал Сенька. — Ведь там ему еще добавит Ганнуськина тетка.

— Не. Побойтся ночевать без охраны, — ответил Гаврюха и настороженно поднял руку. — Тихо, что-то гудит.

Оба прислушались. И разочарованно:

— Самолет.

— Пошел на восток, проклятый, — уверенно заметил Сенька.

— А мне кажется, наоборот, на запад тянется гул, — возразил Гаврюха. — Может, наши летят бомбить Берлин. Листовку-то читал? Уж не раз наши бомбили Гитлерово логово.

— Хорошо бы! — согласился Сенька только потому, что уж очень хотелось, чтобы наши бомбили фашистов и вообще громили их.

Стрекот мотоцикла застал друзей врасплох, он появился как-то сразу неожиданно близко. Ухватившись за руки, ребята застыли, чувствуя тугой, гулкой и учащенный пульс друг друга.

Из-за плотины, где дорога круто заворачивала в лес, вырвался яркий пучок света, чиркнул по болоту, прижимая молочный туман, и тут же вернулся на дорогу — отрезал лес от болота.

— Увидит! — сжав руку друга, прошептал Сенька. — Струна блеснет при свете!

Мотоцикл, перескочив плотину, помчался на полной скорости, но ребятам казалось, что тащится он слишком медленно, что порой чуть ли не останавливается. Приближаясь к тому месту, к которому было приковано все внимание друзей, мотоцикл перестал урчать. Слышны были только выхлопы: пах! пах! пах! Это значит, что мчится на высокой скорости. И все равно страшно: вдруг помешает что-то непредвиденное...

Словно взрыв, раздался рев мотора. Погасла фара. Женский визг огласил болотную тишь. И все смолкло.

Гаврюха и Сенька стояли ошеломленные: неужели удалось? Стояли не двигаясь долго, казалось, целый час, хотя на самом деле не прошло и минуты. Но вот до слуха обоих дошло жалобное:

— Ганс, Ганс! Что с тобой? Га-анс!

И вдруг крик на весь лес: так кричат только в самом безысходном случае. Крик этот стал удаляться в сторону хутора, до которого было ближе, чем до села...

Гаврюха и Сенька поняли, что задуманное ими дело удалось. Поняли и удивлялись, что не испытывают ни удовлетворения, ни радости, только еще более лютую злобу к фашисту и все усиливавшийся страх перед тем, что будет дальше.

Когда Ганнуса с криком побежала на хутор, друзья тоже рванули к болотному ручью, который выбрали для ухода от возможного преследования. Войдя в ручей, они добрались до того места, где он впадал в речку. Здесь у них стоял плот из двух бревен. Забрались на этот плот, оттолкнулись от берега и поплыли. На середине речки снимали огромные немецкие ботинки. Их они нашли на месте боя еще в начале войны. И вот теперь воспользовались ими, чтобы у тех, кто будет искать виновников ночного происшествия, не было подозрения на подростков, да и на местных жителей. Пусть думают, что это сделали партизаны. В каждый

ботинок еще из дому они насыпали махорки — собака ткнется носом и след потеряет. Но и этой предосторожности показалось мало. Они заложили в каждый ботинок по камню и бросили в речку.

Теперь было главным вернуться домой, пока на место расправы с районным палачом не прибыла полиция.

Подплыли к другому берегу, выскочили, а плот толкнули на середину. И, убедившись, что течение подхватило их средство переправы, пошли лесом, среди которого и стояло их село.

Прибежав на хутор, Ганнуся рассказала о случившемся. Так как она сидела сзади и, боясь быстрой езды, сильно пригнулась, обеими руками держась за ремень Ганса, то ее просто толкнуло с седла, не причинив особого вреда. Шишка на лбу да синяк на локте — вот все, что она получила за свою разгульную жизнь. Выслушав ее, тетка послала батрака в комендатуру. Пан комендант сообщил об этом в город и тут же всю полицию выслал на место происшествия.

Только утром из города на броневике прибыли немцы с собакой.

Ищейка покрутилась возле деревьев, между которыми была натянута проволока, почихала и следа не взяла.

Но полицейские нашли следы ботинок не только возле места происшествия, но и на пути к реке, и даже на дне ручья. Дальше было ясно, что убийцы ефрейтора на чем-то уплыли.

В соседнем районе был пойман плот, ничем не помогший следствию. Не помогла и проверка обуви всех жителей районного центра и даже окрестных деревень. Люди, которых полиция допрашивала, словно сговорились, твердили одно, что никто не посмел бы обуть ботинки немецкого солдата.

Немцы и сами это понимали.

Все кончилось тем, что для острастки выпороли десятка два взрослых мужчин и забрали весь скот для увоза в Германию. А в доме Супруновых поселили нового шефа, теперь уже офицера. Наверное, прежний хвастался перед друзьями, что его здесь вкусно кормили. Поэтому новичок, высокий белоглазый блондин, войдя в дом, сказал, что его надо кормить еще более вкусно, чем кормили ефрейтора, чище и все делать точно в назначенный час.

У нового шефа не было мотоцикла. По вечерам он никуда не ходил, и возле дома Супруновых круглые сутки стоял часовой. Теперь Гаврюха и Сенька уж и не знали, удастся ли что-нибудь придумать и для этого. А он очень скоро заслужил того, чтобы с ним тоже расправились. Но теперь вокруг все больше стали действовать партизаны. И Гаврюха с Сенькой надеялись, что рано или поздно найдется рука, которая дотянется и до этого палача.

БЕЗ ПОХВАЛЫ

Гриша приехал к тете Нине поздним вечером. Тетя встретила его слезами и причитаниями: ее единственного сынишку, Тимку, застрелил фашист за то, что не дал разорвать портрет Ленина. А муж, добровольцем ушедший на фронт, погиб в самом начале войны. Полицаи избили ее до беспомысленности, выбили стекла в обоих окнах, угнали корову и поросенка и выгребли все, чем можно было жить. С помощью соседей тетя Нина кое-как оклемалась и сообщила о своей беде сестре Елене, Гришиной матери, жившей в лесном селе, километрах в десяти. Гришина мать пришла, помогла

сестре по хозяйству. А теперь вот послала воз дров, под которыми были мешочки и торбочки с мукой, крупой и всем, что сумела припрятать от грабителей.

Въехав в опустевший двор тетки, Гриша по-хозяйски распряг коня, потрогал холку — не сильно ли взмок, снял хомут и отвел в сарай.

А тетя Нина все стояла, заложив руки под передник, смотрела на хозяйничающего племянника и плакала, тихо плакала, словно восковая свеча таяла.

Гриша и до войны не раз приезжал короткой лесной дорогой, привозил какого-нибудь гостинца. Но тогда тетя Нина с интересом бросалась к возу, а шустрый Тимка тут же безошибочно нашаривал торбочку с его любимым лакомством — хрустящим домашним печеньем хворостом. В обратный путь воз, как правило, нагружался еще больше. Тимкин отец, известный на всю округу бондарь, обязательно передавал и свой гостинец — новую кадочку. И каждый раз приговаривал: «Такой у Елены еще нету». Если бочка случалась довольно вместительная, Гриша клал ее боком, влезал, скорчившись в три погибели и оттуда басисто понукал коня. Тетя Нина, как правило, провожала его до половины пути и все говорила, говорила.

А теперь вот стоит, заложив руки под передник, молча смотрит на племянника, сгружающего дрова, а слезы текут и текут. Стоит она безучастно, отрешенно, потому что ничего ей уже на свете не надо.

Мать и послала Гришу, чтобы отвлекал осиротевшую тетку от ее горьких дум. Как только выяснилось, что немцы из Волчищ выехали, она и снарядила его: «Отвези ей кое-что. День-другой поживи, пока нету в селе тех душегубцев. Помоги ей по хозяйству. Да побольше с ней говори, рассказывай что-нибудь или книжку почитай. Может, она оттаит душой. А то как бы руки на себя не наложила».

Помня эти наставления матери, Гриша все время, пока складывал под навесом сухие березовые дрова, рассказывал тетке что-нибудь такое, что отвлекало бы ее от мыслей, которые гнули ее к земле.

И тетя Нина как-то незаметно для самой себя успокоилась, начала помогать племяннику и даже стала хвалить дрова: «Какие же сухие да звонкие поленца!»

Но когда дрова сгрузили и Гриша перетащил в дом полмешка муки, торбу крупы, а потом из-под сена достал узелок с солью, тетя опять заплакала. «Это ж она из последнего!» — сказала о Гришиной матери, пришедшей такой дорогой гостинец.

В войну на оккупированной территории в магазинах не привозили никаких продуктов. Все прилавки были забиты немецким порошком для чистки посуды. Бабы попробовали им стирать белье — не годится. Ну, со стиркой дело скоро наладилось, вспомнили дедовское средство — щелок. Без сахара тоже стали обходиться. А вот соль ничем не заменишь. И все же ее кое-как доставали. Городские жители выменивали соль у немецких солдат на всякие драгоценности. Золотые сережки, перстни, даже обручальные кольца — все шло на соль. А уж потом за этот дефицит горожане выменивали у крестьян продукты. Соль стала вместо денег. Все теперь расценивалось на килограмм соли.

Вот почему, взяв засаленный холщовый узелок с солью, тетя Нина зажала его в обеих руках, поднесла к самому лицу и опять заплакала.

— Ох, Оляна, это ж она пуда два муки отдала за эту соль! Зачем же мне так много...

— Не за муку, за мамины сережки да перстень, — пояснил Гриша. — Да вы не переживайте, тетя Нина, пока есть, будем делиться последним.

Это он, конечно, сказал словами матери, но и сам был настроен делиться каждой крошкой.

До полуночи Гриша рассказывал обо всем, что считал интересным для тети. Та слушала, а сама все выглядывала в окно, будто бы кого-то еще ждала.

И только утром, разбудив племянника, как только взошло солнце, рассказала, чего она все боится. Оказывается, третий день село опять ждет карателей. Ночью те не очень-то ездят — в лесах появились партизаны да отряды красноармейцев, не пробившихся к фронту. А чуть утро займется, люди сидят на узлах. Мужики дежурят по концам села, чтобы вовремя сигнал подать. Все побегут в лес — теперь уже пощады от тех супостатов не жди.

И тетя Нина пояснила, почему такой страх. Два раза немцы брали хлеб. Все до зернышка выскребли. Кто догадался, заранее закопал в землю, тот и спас какой мешок. А на той неделе староста объявил, что с каждого двора еще полагается по пять пудов пшеницы и по теплomu полуюшубку.

— В прошлом году-то немцам под Москвой русские морозы дали жару, так теперь они в шубы лезут, бабьими шальями кутаются. Староста каждому напомнил: ежели приказ этот не будет выполнен, случится то, что в Речице...

Гриша, как и все люди в округе, знал, что село Речица фашисты сожгли дотла, а кто не успел убежать, тех спалили заживо в собственном доме.

На завтрак тетя Нина накопала в огороде картошки, рассказывая при этом, что почти все жители села не стали в эту осень выкапывать картошку, хотя уже давно пора.

— В земле сохранней. Нагрянут, хлеба не найдут, картошку заставят вывезти в город. Вот люди и приспособились. Только староста выкопал свою и даже просушил на виду у всех. Вот какой я примерный.

А ночью все равно закопал больше половины урожая. Люди все видят...

После завтрака тетя Нина стала торопить, чтоб уезжал подальше от греха. Гриша, чтобы ее не расстраивать, не стал спорить, сказал:

— Выкопаю за сараем ямку для продуктов и уеду.

— Яма у меня давно есть. Только нечего в ней было прятать,— ответила тетя и, чтоб племянник больше не задерживался, вместе с ним отнесла в подзаемелье все, что он привез.

— Запрягай и уезжай,— умоляла она.

— Так, может, и вы со мной поедете? Мама так и сказала: лучше было бы всем вместе эту беду бедовать.

— Никуда я от Тимочкиной могилки не поеду. Нини! — заявила тетка и сама стала запрягать коня.

А Грише так еще хотелось пройтись по селу. Здесь были у него друзья, с которыми когда-то свел его Тимка — храбрец и заводила. И Гриша придумал, будто мама просила еще зайти к учителю, передать что-то от их учительницы.

Тетка его не пускала. Но он дал слово, что будет очень осторожным и, если что, бегом вернется.

Запряженному коню он подложил охапку уже подпревшего на чердаке сена и побежал. А тетя так и осталась ждать его на улице возле калитки.

Села Гриша не узнавал. Многие дома, особенно те, что крыты соломой, стали похожими на воробьев с растрепанными крыльями. Не слышно было ни говора людского, ни крика петухов, ни собачьего лая. Петухов и кур в селе почти не осталось. Злых собак фашисты перестреляли. А люди сами притихли, затаились.

Раньше, бывало, пройдешь улицей в это время и по запаху узнаешь, кто что готовит. А теперь в домах под соломенной крышей и печки не топились. Может, кто

и топил, да так же рано, как тетя Нина, чтоб потом быть готовым к налету карателей.

Только над цинковой крышей большого деревянного дома старосты весело поднимался голубоватый дымок. Проходя мимо этого дома, Гриша услышал во дворе веселый смех, и ему стало как-то не по себе. Разве можно сейчас смеяться, веселиться?

А дальше во дворах опять кони, а то и быки, запряженные в брички. Ребятишки, испуганно сидящие на узлах. Тележки, тачки. Кое-где прямо под заборами валялись узлы с пожитками, а люди слонялись по дворам.

Только теперь Гриша понял, что тетя не зря за него боялась — все село боится и ждет...

И все же он шел и шел по селу. Раз люди так приготавливались, то, наверное, у них хорошо налажена сигнализация — издали увидят карателей и дадут знать. Тетя ведь говорила: как ударят в рельс, так беги домой без задних ног.

Пройдя до конца села, Гриша узнал от мальчишек, что караулы расставлены за несколько километров на обеих дорогах, по которым могут приехать гитлеровцы.

Но в войну лютая смерть бродит чаще всего без дорог, является оттуда, откуда ее и не ждешь.

В конце улицы Гриша повернул к парому, любимому месту сборища мальчишек этой деревни и той, что расположена на противоположном берегу реки. Еще издали он понял, что у паромы сейчас ни души. Деревянный домик, построенный по типу собачьей конуры — без окна и двери, в котором прятался от непогоды паромщик, тоже оказался пустым.

Прикинув глазами расстояние от села до паромы, Гриша остановился в нерешительности: если вдруг раздастся сигнал тревоги, надо очень быстро бежать,

чтобы успеть вернуться к тете и увезти ее в лес. Но ему так хотелось хоть одним глазом глянуть на паром и все, что там вокруг него, такое памятное и интересное, что он не удержался и помчался что есть духу. Решил добежать туда и сразу же назад.

Ни в будке, ни возле парома, ни даже в огромной долбленке паромщика, которая обычно служила предметом раздора мальчишек, потому что с нее хорошо удить рыбу, — нигде никого не было. Став на середине парома, Гриша прислушался к далекому гулу мотора. Решил, что летит немецкий самолет. Ну это не беда. Самолеты летят на фронт. Каратели появятся не с неба. Такого еще не бывало. Глянул вниз по течению и невольно залюбовался. Стырь, уходя вдаль, делился на три рукава и, казалось, все расширялся. Между этими рукавами были большие острова, на которых могла бы поместиться целая деревня, если бы их не заливали паводки. Козырьком приложил руку к глазам, чтобы солнце не мешало рассматривать ближний остров, на котором однажды Гриша со своим и с Тимкиным отцом провел самую интересную ночь в своей жизни. Показалось, что на острове до сих пор невидимо живут замечательные легенды, которые у костра рассказывал Тимкин отец, партизан гражданской войны. Эх, туда бы теперь хоть на минутку...

И только подумал об этом, как из-за острова выплыл катер и вся река словно задрожала от надсадного рева мотора. За ним показались еще два.

Так вот что он принял за гул самолета! Бежать, бежать, сообщить людям, что немцы едут не оттуда, откуда их ждут. И он стремглав бросился к селу.

Но что случилось с ногами — они были горячими и тяжелыми. Ему казалось, что он не бежит, а только семенит на месте, как годовалый ребенок. И как назло, на огородах за селом ни души. Увидев понуро бреду-

щую по крайнему огороду собаку, Гриша закричал во весь голос, будто собака могла передать дальше:

— Тикайте, немцы! Немцы! На катерах немцы!

Испуганно поджав хвост, серая собачка убежала, Гриша опять закричал. Но понял, что никакого крика у него не получается. От волнения голос перехватило, и он только шипит.

И вдруг увидел у крайнего дома женщину с ведрами на коромысле, удивленно смотревшую на него, бегущего прямо по грядкам. Гриша приостановился, взмахнул руками в сторону реки и закричал:

— Тетя, немцы на катерах! По речке каратели подплывают!

Женщина в испуге уронила коромысло с ведрами и убежала в дом. Даже соседям не сообщила, так испугалась.

— Шалопутная! — бросил Гриша со злостью и через ее двор помчался на улицу.

Пробегая мимо опрокинувшихся ведер, он вдруг схватил одно большое, цинковое, другой рукой прихватил коромысло и на бегу начал бить коромыслом в дно ведра и кричать одно только слово:

— Фашисты! Фашисты!

Из двора старосты наперерез ему выскочил парень в розовой рубашке с засученными рукавами.

— Чего орешь, дурной! — закричал он и выхватил ведро. — Что они тебя, резать собираются?

Видя, что с таким верзилкой не справиться, Гриша бросил ему под ноги коромысло и убежал, снова крича и показывая уже выбежавшим за ворота людям в сторону реки, где все страшней ревели моторы.

Наконец на одном конце села ударили в рельс, и тут же отдалось на другом. Закричали, заголосили женщины, заскрипели, затарахтели брички. Улица сразу

же заполнилась подводами, тележками, людьми, бегущими с узлами, с детьми на руках. Все село через огороды двинулось в лес.

А Грише еще далеко было до тетиного дома — она жила на другом конце. Как же он ее подвел! Бедная тетя! Что она теперь делает! Ведь она, конечно, ждет его. У нее и своих бед, а тут еще он.

Гриша бежал изо всех сил. Сердце его, казалось, вот-вот вырвется из груди. А улица уже опустела. Шум убегających людей паводком уходил за село. Только одна лошадь, запряженная в бричку, вырвалась из какого-то «крайнего двора и неслась посередине улицы, как будто ее укололи.

«Взбесилась!» — подумал Гриша и хотел посторониться, чтоб не сбила, как вдруг узнал своего гнедка и только теперь заметил длинный кнут, который хлестал коня то справа, то слева. Отбежав на обочину, Гриша увидел тетю Нину, сидевшую на бричке и отчаянно гнавшую коня. Заметив племянника, тетя закричала что-то бессвязное, пытаясь остановить осатавшегося коня. Но Гриша сумел ухватиться сзади за бричку и влезть. Пробравшись на передок, он перехватил вожжи у тети, которая безуспешно пыталась повернуть коня то в один, то в другой проулок в сторону леса. Когда он взял вожжи, тетя обхватила его обеими руками, прижалась и зарыдала, содрогаюсь всем телом. Она так крепко его держала, будто бы только что выхватила из огня, спасла от неминуемой гибели и все еще не верила в это.

На середине села, против дома с ослепительно белой крышей, дорогу перегородил длинный стол, накрытый белой скатертью. Возле стола топтался усатый мужчина в красной рубахе до колен. Это был староста. А вся его семья суетливо бегала от дома к столу. Кто тащил скамейки, стулья, табуретки, кто нес миски с

едой, кто — тарелки и все, что необходимо для за-
столя.

— Староста пир готовит душегубцам! — зло бро-
сила тетя. — Выслуживается, чтоб его дом не палили.

Не добегая до этого торжественного препятствия,
конь шарахнулся с дороги, и Гриша повернул его в
проулок. Но и Гриша и тетка заметили, что возле па-
рома уже выгружались гитлеровцы в касках, один вид
которых леденил душу.

Немецкая каска, свастика — это то, от чего в войну
у каждого, кто не был заодно с фашистами, холодело
сердце и сжимались кулаки.

Выбравшись из деревни в лес, жители Волчищ еще
не считали себя спасенными. Лесок, подковой окайм-

данный село и как бы прижимавший его к речке, был небольшим. Дальше начиналось непроходимое болото. Старики говорят, что когда-то, давным-давно, это болото было речкой, что основное русло Стыря проходило именно здесь. Первые поселенцы устроились на острове длиной километров семь и шириной в два. А потом река промыла себе путь справа от села, а старое русло совсем оставила. Долго эта протока была просто старицей. А со временем заросла ряской и превратилась в трясину, через которую можно пробраться только по кладкам.

Все свои надежды беженцы и возлагали на эту трясину. Еще в начале войны люди, которым нужно было скрываться от фашистов, проложили кладку из жердей. И вот теперь по этой ольховой тропе все село потянулось гуськом на ту сторону болота. И старики и дети, уж не говоря о женщинах, были до предела нагружены узлами, котомками, мешками. Наиболее предусмотрительные давно уже перенесли за болото все необходимое и закопали в лесу. Теперь они шли налегке и помогали другим.

Когда женщины, дети и старики перебрались через болото и углубились в сухой смешанный лес, мужики, оставшиеся на этой стороне, распрягли лошадей и пустили их в лес. Уцелеют после нашествия карателей, хорошо, нет — своя жизнь дороже. Простившись с лошадьми, как с верными друзьями, мужики понуро потянулись по кладке. Шедшие последними вытаскивали засосанные трясинной жерди и уносили или разбрасывали по болоту. После них уж никто не смог бы здесь пройти.

Лишь когда и мужики перебрались через болото, их семьи почувствовали себя в безопасности. Не станет же немец палить по лесу из минометов, да и самолетов не пошлет на такое никчемное дело, рассудили бежен-

цы и начали строить шалаши, прятать детей от возможной непогоды.

Вскоре за болотистым лесом, где стояло только что покинутое людьми село, задымил, затрещало. Беженцы побросали свои дела и семьями, жалкими кучками стали молча смотреть туда, где горели их дома, их нажитое трудом все необходимое, что не могли унести с собой, где навсегда уничтожился их привычный семейный уют, без которого немислима жизнь.

Сперва курился только дым, а потом стали подниматься клубы огня, потом начался такой треск, что казалось, загорелся даже лес, отделявший беженцев от карателей. Дети крепче хватались за юбки матерей, старики, упав на колени, молились богу или посылали проклятья супостатам.

Пожар наливал весь лес пламенем, и страшно было, что и на самом деле загорится зеленая защита, да и все вокруг займется этим истребительным огнем.

Люди, сами того не замечая, постепенно собрались в одно место, под ветви огромного старого дуба. Собрались и сгрудились так, будто стали теперь одной большой, вконец разоренной, обездоленной семьей.

В напряженном, жутком безмолвии сотни людей вдруг раздался вопрос:

— Что было бы, если бы не заметили, откуда появились те супостаты?

— Ага. Все ждали их на дороге, а они из воды...

— Кто первым их заметил?

— Кто-то смекалистый.

— Говорят, какой-то мальчишка.

— Какой?

— Чей?

Мальчишки, запуганно жавшиеся к своим родителям, стали переглядываться, глазами спрашивая друг друга. Но герой не объявлялся.

— Да-а, кто-то очень скромный,— заметила седая учительница, стоявшая рядом с тетей Ниной.

Гриша молчал. Прижимаясь к тетке, он с ужасом смотрел на горящее село и думал только о том, чтоб налетели партизаны, отрезали карателям путь к их катерам и самих загнали в тот смертоносный огонь.

ДОРОГОЮ ЦЕНОЙ

В партизанской землянке было тихо и пасмурно. В печурке, возле которой со своим сапожничаньем пристроились дед Иван и двенадцатилетний Назарка, чуть слышно потрескивали дрова. А за оконцем из единственного зеленоватого стекла билась, как стая белых бабочек, прилетевших на огонек, настойчиво шуршала густая снежная пороша. Тихо в этом убогом жилище было не оттого, что в нем осталось только три человека. Нет.

Тяжело раненный минер Темир Османов так истек кровью, что рукой лишний раз не может шевельнуть. Чуть слышным стоном, похожим на вздох, очень редко подзывает к себе, когда чего-нибудь надо: не любит он беспокоить.

А дед Иван и Назарка все уже переговорили за время долгого, томительного ожидания отряда, ушедшего на опасное дело. И теперь настороженно прислушиваются ко всякому новому звуку в лесу. А их в непогоду бесчисленное множество. То что-то жалобно скрипнет. То стукнет-грюкнет надломившийся, но не сорвавшийся тяжелый сук. То ухнет падающий под напором ветра сухостой — на корню умершее дерево. И чуть что, дед Иван или Назарка посматривают на дверь — не идут ли? Может, несут раненого. Может, кто погиб...

Неделю назад один железнодорожник сообщил пар-

тизанскому связному, что в старом, заброшенном пакгаузе немцы устраивают склад боеприпасов. Уже выгрузили несколько вагонов с тяжеленными ящиками. Обносят склад колючей проволокой, возводят высокий забор. Вот партизаны и решили взорвать склад, пока фашисты не очень укрепились. Пусть везут свой адский груз дальше. Дорога до фронта далекая — не здесь, так в другом месте поезд нарвется на партизанскую мину. Это уж как пить дать...

Ушли партизаны на это дело всем отрядом, забрали весь запас патронов, оделись потеплее. А главным разведчикам, Коле Скороходову и Оле, теперь тоже ставшей Скороходовой, дед Иван и Назарка сшили комбинезоны из парашюта, найденного в лесу. Это был им свадебный подарок. В общем, подготовились к боевому заданию основательно. Все должно бы кончиться хорошо. Но вот истекли все сроки, а их все нет. И ходьбы-то тут всего трое суток даже с самым большим петлянием.

Без петляния в партизанский стан нельзя возвращаться, чтобы по следу не привести врагов.

Назарка все это учитывал, и все равно никакая арифметика не сходилась. Теперь они с дедом больше всего надеялись только на приход связного Фомича. А что Фомич будет знать все о партизанском отряде, Назарка не сомневался.

Одноглазый лесник Сидор Фомич знал все, что творилось не только в его лесу, но и в окрестных селах, да и в городе.

Два сына Сидора Фомича в первый день войны были убиты на границе. Он сам пришел в отряд. Явился с винтовкой и пулеметной лентой и решительно заявил, что будет ходить в засады, бить фашистов. И стоило большого труда уговорить его остаться на своей работе, чтобы служить партизанским связным.

Только после того как комиссар назвал связного глазами и ушами отряда, Фомич понял, что дело ему поручается достойное. Он быстро установил связь с соседними лесниками. Сошелся с железнодорожниками, с ремонтниками. Хороший он связной, надежный. Но вот и его что-то нет.

— Уу-у — донесся слабый стон из дальнего угла землянки.

Это Темир просит воды. Назарка хватает берестяной туюсок с кипяченой водой, который всегда стоит на печурке, и мигом подбегает к больному, лежащему на нарах. Темир пьет устало, подолгу отдыхая. Видно, совсем ослабел. На вопрос Назарки, может, чего-нибудь съел бы, отрицательно повел глазами. Назарке хочется плакать, когда он смотрит на Темира, угасающего, как последний уголек в костре. Но что можно сделать? Как ему помочь?

Поправив под головой раненого подушку из хвои, Назарка опять подсел к деду Ивану и просит подсказать, как помочь Темиру. Старательно выводит Назарка строчку по шву сапога, чтобы расположить деда Ивана. А тот молчит, туго затягивая дратву на заднике валенка, который за ночь стачал из ничего. Молчит...

Деду некогда спину разогнуть — на двенадцать партизан он один сапожник, портной, кашевар и завхоз. Обувь на партизанах так и горит, потому что ходят они по бездорожью, да все больше темными ночами. Как придут с задания, так три-четыре пары «розвальней» оставят у порога.

Розвальнями дед называет обувь, у которой уже не видно, с чего и начинать починку.

Занятый своим делом, дед Иван, казалось, и не слышал вопроса мальчугана о том, как помочь раненому. Наконец, тихо посапывая в седые усы, под которыми,

как мышинные хвостики, торчат черные концы дратвы, он озабоченно говорит:

— Молока бы ему, нашему Темирке. Крови много потерял, вот и не выдюживает, хотя рана и затянулась. С недельку бы его молочком попоить, глядишь, кровушки прибавилось бы.

— Деда, может, я смотаюсь на хутор Багна? — шепчет Назарка так, чтобы не слышал больной. — За полдня туда, а назад я и ночью доберусь.

— Мало мне раненого, нужен еще и убитый! — сердито пробурчал дед Иван.

— Да не убьют меня! — убежденно говорит Назарка. — Я ведь хитрый. Сначала все высмотрю, а уж потом пойду.

— На мосту задержат.

— Не пойду на мост. Я под мостом пролезу, как тогда... Теперь я каждую сваю, каждую перекладину знаю под этим мостом.

Дед знал о том, как Назарка выбрался из Кончицы, когда фашисты окружили село и забирали молодежь в Германию. Целый день следил парнишка за охраной моста. А когда стемнело и часовой спрятался от ветра за будкой, Назарка спустился к воде и по сваям перебрался на другой берег.

— Тогда не было у тебя другого выхода. А теперь зачем рисковать из-за бутылки молока? — рассудил дед. — Придут наши и все добудут. — Однако, зная, что одного этого довода упрямому мальчишке мало, он добавил: — Немец теперь стал ученым. Мы сами обучили его осторожности да хитрости. — Дед долго не мог просунуть щетиновый кончик дратвы в прокол. И только когда это ему удалось, пояснил свою мысль: — Тот раз часовой хоть и заметил бы тебя, может, еще и не стрелял бы: мальчонка, что с тебя взять! А теперь они узнали, что мальчишки первеющие пособники партизан. Фа-

шист делает вид, что не заметил тебя, а сам даст знать начальству, так, мол, и так, пошел в лес какой-то подросток, наверняка к партизанам еду понес. Ну и снарядит по твоему следу разведку. Что тогда?

— Уж лучше пусть убьют, чем приведу хвоста да весь отряд погибнет! — вспыхнул Назарка.

Видя, что убедил мальчугана, дед тихо добавил, что уж лучше еще обождать. Не может быть, чтоб никого из целого отряда не осталось.

Назарка понял, что дед боится только за него самого, и опять за свое:

— Деда, а если не по мосту? Ходили ж наши по льду. Тропка там теперь есть. Говорили, она далеко от моста.

— Думаешь, за тропкой не следят?

— Ночью ее не видно с моста. Да еще в такую завируху.

— Об этом и толкую, что в такую негодю добрый хозяин собаку не выпустит из двора. Сиди себе! Скоро наши вернутся, тогда и придумаем. Может, сам схожу...

Больной опять попросил воды. Дед подал знак Назарке, чтобы кинул в воду последний кусочек сахара...

А когда Назарка напоил Темира и снова подсел к деду, тот тихо проговорил:

— Сегодня самый хороший день, чтоб вернуться хлопцам, — все следы снегом заметает.

«Все следы снегом заметает!» — по-своему представил Назарка и мысленно проследил сложный, но не такой уж далекий путь до хутора Багна.

С опаской посмотрел на деда, не догадался ли, о чем он подумал в эту минуту? С дедом Иваном это бывает: только соберешься что-то сказать, а он сам говорит тебе почти теми же словами.

На всякий случай Назарка не стал больше думать о дороге на хутор. «Уснет дед Иван, тогда все и обмоз-

гую», — решил он и стал зачищать сапоги Темира, которые дед вчера починил только для того, чтобы подбодрить больного. Правый сапог чуть не весь пришлось стачать заново. Дед терпеливо это сделал. Поставил перед Назаркой и громко сказал:

— Темир скоро поправится, а ходить не в чем. Ты его сапоги хорошо зачисти и солидолом пропитай, чтоб воду не пропускали. Он ведь какой — как только ноги свесит с нар, сразу начнет собираться на задание.

Услышав это, Темир слабым движением пальцев попросил показать сапоги. Назарка долго крутил перед ним сапоги, особенно правый, более добротный.

А когда обильно смазал неуклюжие, но крепко стачанные обутки, снова поднес больному. Но тот, видимо, от волнения опять впал в забытие.

Поставив сапоги под нарами, Назарка глянул на левый, на котором было пять заплаток, и невольно вспомнил горькую шутку его хозяина.

Как-то, еще до большого ранения, вернулся Темир с задания усталый, но довольный своей боевой удачей. Сняв левый сапог, он показал его деду Ивану и весело сказал, что этому сапогу повезло: он попал на железную ногу. Ведь Темир по-киргизски — железо. И рассказал историю последней дыры на носке сапога. Собственно, это была не дыра, а просто немецкий кавалерист саблей отхватил кончик сапога.

— Маникюр ногам делал мне приц, отрезал маленький конец ноготь на большом пальцем. Откудова узнал приц, что в партизанской землянка нету ножница? — пошутил тогда Темир.

Он не выговаривал «ф», поэтому у него получалось — приц, пабрика.

Другой раз более серьезную дыру в этом сапоге сделала немецкая пуля в заднике и застряла в каблуке. Темир тогда уходил от патруля после взрыва моста.

Во время минометного обстрела партизан, пустивших поезд под откос, осколком разорвало голенище на самом изгибе.

Осмотрев этот сапог, дед Иван сказал тогда:

— Эти розвальни осталось только в музей выставить.

И пояснил почему: видел он когда-то в музее сапоги царя Петра Первого.

— Добротные сапоги. Еще носить бы да носить. А они стоят себе за стеклом,— по-хозяйски рассудил дед Иван.— Твои бы на то место, а тут те царские ох как пригодились бы... Ну да ладно, попробую. Только в другой раз и не показывай мне такого рванья.

Скоро пришел и этот «другой раз». Но Темиру теперь было не до сапог. Его принесли на самодельных носилках. Ранен он был и в плечо и в правую ногу. Сапог срезал с ноги сам дед Иван. Сам его потом и восстанавливал. Да и то делал это больше для того, чтобы больной верил в скорое выздоровление...

За окошком совсем стемнело, но метель продолжала куролесить. Прислонившись к стеклышку, плотно залепленному снегом, Назарка словно опять услышал слова деда Ивана:

«Все следы снегом заметает».

Они прозвучали, как зов, как голос командира:

«Вставай, Назарка! Иди — все следы заметает метель!»

Он давно так и сделал бы. Но ведь дед Иван не пустит. Надо дожждаться, пока уснет. А ложится он поздно.

И Назарка решил сам лечь пораньше, чтобы под старой шинелью, которой он обычно укрывался, все хорошенько обдумать. И тут он впервые слукавил перед дедом Иваном. Зная, что старик может до самого утра просидеть за работой, он спрятал сухие дрова, которые подкладывали в печурку для освещения, а выложил

осину, от которой ни света, ни тепла. Ее обычно подбрасывали в печку днем, да и то на красные угли. Дед этой хитрости своего юного помощника не разгадал. А Назарка юркнул под шинель, пропахшую дымом да порохом, и стал думать о своем.

Ну хорошо, проберется он на хутор, пусть даже не заметят его, когда будет проходить по кладке. Но ведь он не знает, что за люди на хуторе. Там на этой лесной полянке стоит пять домов. Все живут под фамилией Багно. А люди-то, наверное, все разные. Может, чей-то сын в полиции служит... Узнают, что пришел из лесу за молоком, сразу поймут, кто он такой. Нет, нельзя признаваться, что из леса. Надо назваться погорельцем. В семи километрах от хутора есть погорелое село Волошки. Там от сотни дворов осталось всего только несколько сараев да развалюх, а хозяйства никакого не уцелело. Можно будет сказать, что в сараюшке на окраине того погорелого села, из которого все жители ушли в лес, он с матерью нашел себе приют. Соврать, что маленькая сестренка расхворалась, вот и пошел искать молока. Неужели не поверят? Свет не без добрых людей. Главное, на немцев не напороться. Говорят, у них есть какое-то снадобье: дадут тебе выпить, уснешь и расскажешь всю правду-матушку. Не хотел бы, да невольно все выболтаешь. Это страшнее всякой пытки...

За окном все кружит и шуршит сыпучая метель, голодным волком завывает в трубе. Дровишки в печурке потрескивают, и храбрый добытчик, сам того не желая, погружается в сон.

Очнулся Назарка в полной темноте. В печурке все прогорело, дед спал, устало посапывая. Не слышно было и Темира. Тот вообще спал беззвучно.

Назарка привычно нашарил на печурке кружку с водой. Разбудил Темира, напоил и, когда тот снова ус-

нул, тихо, на цыпочках ушел к порогу. Ощупью нашел свою старую шубейку с отцовского плеча. Оделся. За печкой взял самодельные лыжи Темира. Прихватил длинную дедову палку, которой тот дорогу щупал. Немного постоял у порога, словно хотел убедиться, что без него здесь пока обойдутся. И вдруг понял: дед Иван подумает, что вышел по своей нужде и заблудился в лесу, метель закружила. Начнет искать. А с кем останется Темирка?

Тихо ступая в больших тяжелых валенках, подошел к печурке, достал уголек из горячей золы и так же бесшумно вернулся к порогу. Угольком начеркал на деревянной двери:

«Ушел на хутор. Я осторожно»...

* * *

Назарка считал, что Темир спас его, заблудившегося в лесу, от голодной смерти. А Темир был уверен, что не попадись ему тогда в болотном лесу этот мальчишка, он не добрался бы к своим.

Это случилось в середине прошлой зимы. Партизаны узнали, что через пять часов на Гомель пройдет немецкий эшелон с танками. Быстрой ходьбы на лыжах до железной дороги было около пяти часов. А ведь надо не только добраться, но еще и выгадать момент, чтобы обмануть немца, патрулирующего железнодорожное полотно, и поставить мину.

Партизану часто приходится сутками лежать в снегу и ждать, когда появится возможность незаметно установить и замаскировать мину. А тут времени в обрез только на то, чтобы достичь железнодорожного пути. А когда же минировать? Но командир отряда никак не мог смириться с тем, что вражеский эшелон, несущий Родине смерть и разрушение, промчится мимо цел и невредим, и он разрешил отважной четверке попытаться

счастья. Командиром группы назначил киргиза Темира Османова.

Темир был твердо убежден, что у партизан всегда найдется возможность выполнить боевое задание, надо только сильно этого захотеть. Но что можно было придумать, если на опушку леса, откуда видны были позолоченные солнечным закатом рельсы, подрывники прибыли, когда уже слышался шум приближающегося поезда!

Дорога здесь круто поворачивала, словно выбирала себе лес пореже. По шпалам ходил немец в каске, с автоматом на груди. Пройдет метров триста вперед, увидит другого патруля и шагает назад, пока не заметит того, который ходит с другой стороны. И так снует туда-сюда, как заведенный.

Партизаны смотрят на немца в бессильной злобе, а сделать ничего не могут. Застрелить его из лесу один пустяк. Но только бабахнешь, другие часовые поднимут тревогу. Поезд остановится. Начнется облава.

Теперь к каждому эшелону цепляют специальный эсэсовский вагон для борьбы с партизанами, подрывающими железную дорогу.

Да, с этим патрулем надо разделаться бесшумно... Сдвинув густые, жгуче-черные брови, Темир пристально следит за немцем, который маячит перед глазами. Трое партизан смотрят на Темира, ждут команды. А он молчит, кажется, целую вечность молчит. А шум паровоза уже давит на уши. Наконец самый молодой в группе, Ленья Сорокин говорит:

— Можно, Темир, подойти к этому фрицу, я в немецкой форме. Подумает, что я убежал от партизан...

— Быстро раздевайся! — в ответ приказал Османов, снимая свою шинель и пиджак.— Сам надену шинель прица. Ты псе равно немецки ни бельмес!

Переоделись. Темир расстегнул воротник шинели с

погонами эсэсовского офицера. Фуражку со свастикой — набекрень. Так больше похож на убежавшего от партизан немца. Взвалил на плечи рюкзак с миной нажимного действия, сунул пистолет во внутренний карман кителя и, ободряюще глянув на товарищей, рванулся из лесу прямо к железной дороге.

Патруль в это время шел в другую сторону. Однако услышал скрип снега под ногами быстро бегущего человека и оглянулся. Сначала ухватился за автомат. Потом, поняв, что к нему бежит немецкий офицер с явным намерением просить помощи, защиты, ускоренным шагом пошел навстречу.

А «эсэсовец» теперь уже расстегнул шинель, под которой звенело множество орденов, призывно махал и махал рукой. Наконец метрах в десяти упал, споткнувшись обо что-то в кювете. Начал барахтаться в глубоком снегу. Но подняться не мог. Часовой понял, что офицер совсем обессилел, подбежал к нему на помощь. Склонился, чтобы взять под руки, но в тот же момент сам полетел в снег. Человек в эсэсовском кителе сразу же оказался наверху и ударом пистолета прикончил патрульного.

Партизаны, стоявшие в лесу, бросились на помощь своему командиру. Но, когда они приблизились к кювету, Темир уже поставил мину, почти не маскируя ее. И, увидев на другой стороне ручеек, ведущий в лес, понял, что это единственная тропка, по которой теперь можно уйти, не оставляя следа. Взмахом руки он приказал переходить насыпь и следовать за ним.

Но то ли его команды товарищи не поняли, глядя на вырвавшийся из-за леса огромный черный паровоз, то ли не решились на виду у машиниста перебегать дорогу, чтобы тот не заподозрил неладное и не остановил перед самой миной, а только они не последовали за командиром — бегом вернулись в лес.

Тяжело груженный эшелон на большой скорости налетел на мину. Взрыв отворотил рельс, и паровоз влетел в болото на всю глубину колес. Вагоны с разгона летели, громоздились один на другой, грохотали, трещали, скрежетали...

Дорога была так запечатана, что гитлеровцам пришлось потом строить обводной путь.

Однако из заднего вагона, в котором находился карательный отряд, почти все немцы успели выскочить.

Темир, отошедший по ручью в лес всего на полкилометра, стал ждать товарищей. Сапоги были полны воды. Но сейчас было не до того. Что с ребятами? Успеют ли уйти, если не решились перебежать дорогу?

Через каких-нибудь четверть часа в лесу, на той стороне насыпи, где была группа Темира, послышался громкий лай собаки. Под сердцем похолодело. От собаки ребятам не уйти...

Первым желанием было броситься товарищам на помощь. Но что он мог сделать с пистолетом против вооруженного до зубов отряда карателей, у которых к тому же есть отличный следопыт — пес. Темир вошел в ручей по следу убитого немца, протоптавшего за день тропинку в снегу. Собака не возьмет его следа в воде. А след ребят немцы сразу же, конечно, увидят сами, и без собаки.

Собачий лай все удалялся. Потом в той стороне раздался винтовочный выстрел: собака умолкла.

— Молодец, Сережа! — вслух похвалил Темир своего друга, догадываясь, что именно он застрелил ищейку.

Но тут же завязалась перестрелка. То винтовка бахнет, то ППШ прострочит, то забухает немецкий ручной пулемет. Перестрелка все удалялась и удалялась. Потом стихла, как по команде.

«Что там произошло? Неужели все ребята погибли?» — подумал Темир и, выбравшись из ручья, понуро

побрел по лесу. Теперь он уже не думал о погоне. Ему все представлялась стычка его товарищей с фашистами...

В сапогах, полных воды, в легкой немецкой шинели, без головного убора, брел он по лесу, сам не знал куда, брел вдоль ручья, который мог привести к какому-нибудь жилью или, наоборот, завести в непролазную чащобу. Надо было просто подальше уйти от железной дороги. А потом уж окольными путями возвращаться в лагерь. И на рассвете, когда уже решил, что так в лесу и оконечит, он набрел на небольшую тропинку, убегающую от ручья в густой ельник.

И обрадовался, и насторожился.

Хутор? Село? Но ни собачьего лая, ни крика петухов, никаких других признаков близости деревни. Стал присматриваться внимательней и увидел следы сапог. Но вскоре заметил дымок, а потом и шалаш — жильё какого-то лесного отшельника. Шалаш был сооружен наподобие чума, и дым выходил из него сверху.

Из шалаша вдруг высунулась лохматая мальчишечья голова. Слабо вскрикнув, маленький хозяин спрятался. Темир понял, что тот принял его за немца, и громко окликнул:

— Мальчик, сапсем не бойсь, я не пашист. Я кыргыз.

Но когда партизан залез в шалаш, мальчик все равно испуганно забился в угол, за кучу хвороста, и обреченно смотрел побелевшими глазами. Темир подбросил хворосту в чуть дымившийся костерок и стал молча разуваться.

Мало-помалу освоились, заговорили. А когда Темир рассказал, что с ним произошло, мальчик доверился ему, назвался Назаркой и поведал свою горькую историю.

Кто-то выдал, что отец Назарки добровольцем ушел

в Красную Армию и стал снайпером, потому что был самым лучшим охотником в округе.

Немцы сожгли хутор вместе со всеми, кто в нем был. А Назарка с другом через окно убежали в лес. Дружка немцы заметили, подняли стрельбу и, наверное, убили. Сначала Назарка хотел пробраться на мельницу, к своему дяде. Но побоялся, что немцы и там его найдут. Забрел в лес. И вот уже неделю в этом курене. Ослабел от голода и целыми днями жег хворост, в надежде, что на дымок набредет кто-то из добрых людей. Так он, конечно, и умер бы здесь от голода.

Обсушившись, Темир тут же пошел с мальчиком к мельнику.

Там их одели, накормили, но оставить мальчика у себя побоялись, и Темир увел своего юного друга в партизанский лагерь.

Как же мог теперь Назарка послушаться деда Ивана и не пойти за молоком для спасения друга?

* * *

Назарка сызмальства привык ходить с отцом на охоту, где терпел всякие лишения. Научился пробираться по болотным дебрям, находить дорогу в дремучем лесу. Поэтому ничто его сегодня не пугало — ни колючая пурга, ни болотные колдобины, ни рыхлый снег, в котором лыжи так и утопали. Остановила его только полынья на реке. Тропинку, по которой не раз ходили партизаны в село по льду, после такого снегопада нечего было даже искать. И он, дойдя до речки, середина которой оказалась незамерзшей, пошел вниз по течению, прочь от моста. Ведь где-то же найдется место, где вода скована льдом от одного берега до другого. Хотя речку эту и называют Гнилушкой за то, что она целую зиму дымится желтым паром и толком не замерзает. Он быстро шел по прибрежному льду, все

время, как слепец, постукивая палкой вправо от себя. Хорошо, что палка была длинная и можно было все время держаться на безопасном расстоянии от полыньи, тянувшейся по середине речки. Но в одном месте речная быстрина круто поворачивала, и он, ступив лыжей в хлюпкую снежную кашу, вовремя отпрыгнул. Пощупал палкой впереди себя — полынья оказалась в одном шаге от него. Теперь пошел еще осторожней и медленней. Палкой постукивал не только сбоку, но и впереди.

Метель стала утихать. Снег, кажется, больше не падал, просто ветер переносил его с одной стороны на другую, гонял по реке, все сильнее запорашивал, замаскировывая полыньи. Стало трудно щупать палкой лед. Назарка повернул палку толстым концом от себя, по не каждый раз с одного удара удавалось пробить маскировочный слой снега над полыньей и убедиться, что перед тобою не твердый лед.

Небо стало посветлей. В одном месте угадывалась луна. Но еще не светало. Назарка чувствовал это по тому, сколько прошел. До речки от партизанской землянки семь километров. И по речке километра два. Конечно, он был бы уже в селе, если бы смог перейти речку. Но где он, тот сплошной лед, по которому переходили другие?

Назарка шел все быстрее, все отчаянней постукивая палкой. Наконец попал в сплошное снежное месиво и остановился. Речка здесь даже парила. Повернул к берегу, который в этом месте оказался немного приподнятым над рекой. Поднялся и остановился, в раздумье отирая взмокший лоб.

«Уж лучше пойти к Сидору Фомичу, — прикидывал он. — Туда целых десять верст, зато свой человек. Заодно что-нибудь узнаю и об отряде».

Но тут же, словно наяву, услышал голос командира,

который отчитывал однажды Колю Скороходова за то, что тот, возвращаясь с боевого задания, зашел к связному погреться.

— Так просто к Фомичу заходить нельзя! — категорически заявил тогда командир и пристукнул кулаком по столу, словно печать поставил на своем приказе.— Только в самом крайнем случае мы можем к нему наведаться. В самом крайнем!

— Но разве сегодня не самый крайний случай? — вслух, чтобы оправдать свой замысел, сказал Назарка.— Ведь в тот раз командир посылал меня с Фомичом? Посылал.

А это было еще осенью. Командир однажды послал Назарку со связным.

— Сидор Фомич, покажи нашему главному хозяйственнику дорогу к себе,— сказал тогда командир.— Мало ли что...

И вот теперь знание дороги к связному пригодилось Назарке.

Немного постояв на месте, Назарка решительно махнул палкой и пошел по берегу. Дом лесника Сидора Фомича находился поодаль от села, которое стоит с этой стороны речки. Вскоре Назарка увлекся своей новой идеей и даже пожалел, что напрасно потратил столько времени на бесплодные поиски перехода речки.

Дорога к дому лесника сейчас показалась вдвое длинней, чем была осенью, когда Назарка шел следом за самим хозяином.

В одном месте берег реки загибался крутой подковой. Пришлось и Назарке кружить. А осенью этой петли не делали, да и вообще Фомич вел по лесной тропе. Тогда речка проблескивала только изредка, когда выходили на опушку. Чувствуя, что выбивается из сил, Назарка наконец сел на валежину, присыпанную вы-

соким слоем снега. И только опустился на это мягкое, как лебяжий пух, сиденье, ноги загудели, в голове все пошло кругом, а в глазах огоньки желтые замельтешили, как июньская мошкара. Думал, что это опять началась метель. Пошире открыл глаза. Но снег больше не падал. Даже ветер утих. В самый раз чуток вздремнуть. Испугавшись этого желания, Назарка вскочил и тяжело, словно на лыжах висели пудовые гири, пошел вперед.

Но интересно: когда ходили с отцом на охоту, Назарка побаивался диких обитателей лесных и болотных дебрей. Иногда ему чудился волк. Слышалось жадное чавканье дикого кабана, способного растерзать человека ни за что ни про что. Однажды послышался даже окрик «хозяина» леса — медведя. А теперь, пройдя такой путь по безлюдью, Назарка и не вспомнил об этих естественных страхах — боялся только немцев да полицаяв.

Думая об этом, Назарка вдруг услышал впереди одинокий собачий лай. Обрадовался, что близко деревня. Но к одинокому лаю прибавился второй, более залиvistый. Потом еще один, отчаянный, стервенелый. И пошло. Собаки лаяли, казалось, готовые сорваться с цепи. Потом вдруг этот лай заглушила автоматная стрельба. То ли собаки узнали за войну, что такое выстрел, то ли их всех сразу поубивали, но все они вдруг смолкли.

Стрельба прекратилась. Раздался громкий отчаянный вопль женщины. Потом одиночный выстрел. И теперь уже надрывный плач и причитания.

Назарка остановился. Стало страшно приближаться к такому селу. Лесник жил в полукилометре от села. Собаки у него теперь не было. Нарочно сбыл, чтобы в случае чего партизаны могли прийти, не привлекая внимания жителей деревни. Назарка прислонился к

старой сосне, стоявшей почти на полпути от хутора лесника к селу.

В селе опять раздался выстрел. Потом запылал дом, затрещал. И все село осветилось пожаром. Тушить этот пожар, видимо, никто не спешил. Было тихо. И только треск горящего сухого дерева все отчетливей разносился над селом, наводя жуть и оторопь.

Вдруг на пути от села к хутору лесника показались пароконные сани, потом вторые, третьи. Кони бежали галопом. Видимо, их нещадно погоняли.

Сердце Назарки сжалось. Он почувствовал себя маленьким, пришибленным и совершенно беспомощным. Он знал, что до дороги далеко, что его за деревом не увидят. И все равно чувствовал себя парализованным, обессиленным от одного страха за судьбу дорогого ему человека, Сидора Фомича. Хотелось закричать, предупредить лесника о надвигающейся опасности. Но было поздно. Да и не услышали бы его в доме, где, видимо, все спали.

Три подводы промчались в ста метрах от Назарки. Окружили дом лесника, и кто-то забарабанил в ворота. Затрещало дерево. Наверное, ломали калитку. И тут тоже выстрелили три раза из винтовки.

«Убили! Убили! — так и обмер Назарка. — Убили Фомича!»

Вдруг блеснул огонек.

«Поджигают дом! Значит, всех!..» — И, обхватив холодный ствол дерева, Назарка зарыдал, совсем не остерегаясь, не думая о том, что его услышат.

Но вдруг он заметил, что огонь не разгорается, а движется. Значит, это лишь фонарь.

«Может, просто с фонарем ходят по двору, обыскивают», — мелькнула успокоительная догадка.

А фонарь прошел в одну сторону, помаячил, потом — в другую. Потом скрылся и снова, более тускло,

показался, видимо, в чердачном окне. Блеснул другой огонь, тоже испугавший Назарку. Но этот стоял на месте, и Назарка понял, что это в доме засветили лампу. Вскоре и с фонарем вошли в дом.

Уехали подводы с хутора как-то неожиданно быстро. Лампа в окне погасла. Но фонарь еще маячил по двору.

Назарка, как только подводы промелькнули мимо него, бросился к дороге, снял лыжи и — бегом к дому. Подбежал к высокому частоколу, прильнул к нему и, увидев старуху с фонарем, не выдержал, окликнул:

— Бабушка! Бабуня, Фомича забрали?

— Бронь боже! Бронь бо!.. — словно заклиная, закричала старушка. — Кто там? Гаврюха, ты?

Назарка вбежал в незакрытые после налетчиков ворота и сбивчиво объяснил хозяйке, кто он такой, назвался просто погорельцем, которого осенью Сидор Фомич приводил на ночь домой.

Старуха, кажется, не вспомнила его, видно, много за это время прошло через дом и погорельцев и беженцев и просто ночлежников. Но она участливо закивала головой и, прося помочь ей закрыть сорванные «теми супостатами» с петель ворота, рассказывала, что старик и так плохой, а тут налетели, кричат, да строжатся, да оружием клацают.

Лишь когда вошли в дом, выяснилось, что у партизанского связного большая беда. Какой-то эсэсовский полковник приезжал в лес на охоту. Сидора Фомича загнали в болото, чтоб сторожил того охотника от партизан. Полдня простоял в ледяной воде шестидесятилетний лесник. И вот ему скрутило ноги. Лежит, двух шагов по комнате сделать не может. А комендант районной полиции устроил этот ночной налет да чуть не застрелил его за то, что хозяин не повел на чердак по-

казать, где там прячутся партизаны. Старухе пришлось самой лазить с автоматчиком и на чердак и на сеновал.

Теперь Назарка понял, почему их связной так долго не являлся. Но боялся заговорить с Сидором Фомичом при старухе. На счастье, она вышла зачем-то в сени, и тогда Назарка, подойдя к большой русской печке, на которой лежал больной, быстро рассказал, зачем пришел.

— Передай своим — пока болею, мое дело может исполнять верный человек. Придут, уговоримся. А ты поспи. Днем бабуся проведет тебя в лес, а там по просеке, как мы с тобою шли, сам дорогу найдешь.

— Усну, а вдруг опять нагрянут?

— На печь залезешь. Притаишься за мною под рядом. Ты щуплый, не заметят.

Но прятаться не пришлось. Назарка выспался на лежанке. Проснулся около полудня. Бабка его покормила. Вместо дырявых валенок дала дедовы сапоги. Они хоть и велики, зато с двумя портянками надежней. В торбу положила кусок меда и четыре бутылки молока. От дома она провела его к ручью, где брали воду. Тут велела немного пройти по дну ручья, чтобы не делать от дома следа, а в лесочке уж стать на лыжи. Сапоги оказались крепкими, воды не пропускали. Отойдя от хутора точно по бабусиной инструкции, Назарка в густом ельнике выбрался на снег и встал на лыжи. Он понял, что далеко не первый уходит с хутора этим путем. И, паверное, каждому так же, как ему, хозяйка напихивала сумку всего, что только могла.

Сперва Назарка шел по лесу, просто держась края опушки. Важно было двигаться в сторону просеки, от которой он знал путь в лагерь. Но, увидев, какой глубокий след оставляют в свежем снегу его лыжи, задумался. А что, если полицай или другая какая сволочь наткнется на его след да и добредет до самой землян-

ки? И чем больше об этом думал, тем больше тревожился. Ведь вся его добыча, будь она и в десять раз больше, ничего не стоит в сравнении с тем, что случится, если на его след нападет враг. А они вон даже на охоту ездят по лесам... Погода, как назло, все улучшалась. Ветра в лесу совсем не было. Там, на открытом месте, когда он брел по ручью, мела небольшая псземка. А тут тишина. Придется отказаться от сокращенного пути. Надо выйти к речке, где почти постоянно тянет ветерок и заметает следы. Да и снег там тверже, не как в лесу.

На пути попался большой березовый пенёк под молодой сосной. Назарка смахнул снег. Сел, откинувшись спиной к стволу сосенки, как на стуле. Да и не заметил, как заснул. Проснулся совершенно окоченевший. Вскочил, и стало страшно, что уже вечереет, а он еще и половину пути не прошел. Вспомнил, что хотел выбраться к речке, где поземка будет заметать следы, и по заходящему солнцу стал выбираться из леса. Когда вышел на опушку — дневное светило уже погасло и все вокруг утонуло в густом морозном тумане. Речка лишь угадывалась в полукилометре. Выбравшись из леса, обрадовался — на открытом месте повевал ветерок и понемногу заметал его следы. Когда подошел к речке, понял, что он еще только на половине пути от дома лесника до моста, перед которым ему надо повернуть вправо, на просеку. Теперь только бы не отбиться от речки да к мосту не подойти ближе, чем можно.

Темнело быстро. Туман над рекой сгущался и темнел. Вместе с усилившейся поземкой туман валами наступал на лес. А вскоре и совсем все вокруг утонуло в густой непроглядной тьме. Где поворачивать к лесу? Назарка старался двигаться все быстрее и быстрее. Но ему только казалось, что он ускоряет шаг. На самом же деле он так устал, что еле переставлял ноги.

Но где он, тот мост? Хоть бы не наткнуться на него.

Стал часто останавливаться. Прислушиваться. Но ничего не видно и не слышно. Только ветерок чуть шелестит в редком лозняке. Да поземка сеет и сеет себе просо.

— Хальт! Хальт! — раздалось неожиданно близко и, казалось, даже не с той стороны, где мог быть мост.

Назарка бросился влево, но сразу же попал в жидкий хлюпающий снег — близко полынья. Кинулся в другую сторону. Но проклятое «хальт!» догнало его вместе с глухим, тяжелым в тумане выстрелом. Назарка побежал просто наугад прочь от того места, откуда все это на него обрушилось. И вдруг его, словно дубиной, ударило в плечо. Он упал и обернулся, ожидая увидеть над собой вооруженного врага. Но никого рядом не было. А над головой что-то потюкивало, посвистывало. И там, откуда раздавались окрики, теперь беспрерывно строчил пулемет.

Назарка лежал, не зная, что дальше делать. Ушибленное плечо теперь не просто болело, а прожигало до самой середины лопатки, словно туда вонзилось что-то раскаленное. Глубоко вздохнув, Назарка почувствовал острую боль и не смог продохнуть. Стрельба прекратилась. Он поднялся, сделал шаг, другой. И, согнувшись, чтоб не так было больно, пошел прочь от страшного места.

«Значит, набрел на мост.— И вдруг встревожил-ся: — Может, ранило меня?»

Когда подумал об этом, почувствовал, что спина взмокла. Что-то теплое ползло под рубахой. Пошел быстрее. Сильней ползет теплая мокрота. Снял с плеча торбу, стало не так больно. Решил нести ее в руке. Но быстро устал. В левой совсем не мог нести — было больно в боку. Повесил на палку и перекинул через правое плечо. Однако вскоре тяжесть стала отдаваться болью в левом боку. Опять взял в руку. Постоял.

Отдохнул. И опять пошел, с трудом переставляя ноги.

Вошел в лес. Здесь было теплей. Но снег глубокий. Лыжи проваливаются. Идти все тяжелей и тяжелей. Отдохнуть бы. Уснуть немножко...

Утром вернулись партизаны с задания. Все живы и невредимы. Просто им пришлось долго бродить по лесам, потому что склад боеприпасов они взорвали перед самым приходом воинского эшелона, в котором было два вагона с солдатами. Немцы тут же организовали облаву. На счастье, у них не было собаки, и партизаны сумели направить их по ложному следу. От пакгауза фашисты кинулись в лес, куда вели следы. А партизанам железнодорожники помогли уехать в пустом вагоне проходившего на запад поезда.

Первой в землянку вбежала Оля Скороходова. Румяная с морозца, веселая. Как всегда, звонко поздоровалась. Подошла к Темиру. Спросила деда Ивана про Назарку.

— Я ему валеночки достала. Как раз на него! — с радостью сообщила она.

И вдруг осеклась, увидев, как нахмурился дед Иван.

— Где Назарка? Что с ним? — кинулась к деду, склонившемуся над старым сапогом и даже во время приветствия не вынувшему изо рта дратву. — Дедушка!

Старик кивнул на дверь, пробурчал:

— Там читай.

Оля подбежала к двери и прочла написанное Назаркой.

Тут как раз вошли и другие партизаны. А она опять к старику с вопросом:

— Когда, когда он ушел? Ведь кругом в селах полно фашистов! Пропадет мальчишка! Надо выручать!

Командир, тоже любивший Назарку, как родного,

мрачно заметил, что метель кончается и в село идти отсюда нельзя. Да и не узнаешь, каким путем направится мальчишка. Ведь он умный, прямо не пойдет. А теперь, когда снег следы не замечает, вообще едва ли пойдет в лагерь. Где же его искать!

И все же он послал несколько предельно уставших партизан на разведку в сторону моста. Строго приказал не подходить к немцам даже на расстояние выстрела, не высовываться из леса.

Поздно вечером разведчики вернулись ни с чем. Мост охраняется усиленно. Едва ли мальчишка мог там пробраться. Наверное, остался в селе. Может, кто приютил.

Оля занималась Темиром. Она принесла ему масло, курицу, белого хлеба и даже плитку шоколада. Все это дали ей железнодорожники, помогавшие в диверсии. Сварила бульон и накормила больного, после чего тот проспал целый день. А проснувшись, довольно вятно позвал Олю. Обрадовавшись, что больной подал голос, Николай сказал Оле, чтобы она не ходила на следующее задание, а занялась лечением Темира. Согласился с этим и командир.

Была уже полночь. Партизаны спали. Дежурил Николай Скороходов. Он подбрасывал в печурку дрова, изредка подбегал к больному, когда тот чего-нибудь просил, и каждый час выходил проверять посты.

На рассвете дверь приоткрыл часовой:

— Назарку дозорный несет!

Скороходов выскочил. К землянке приближался партизан, второй час стоявший дозорным в километре от лагеря. Он передал Николаю отяжелевшего, но еще, ви-

дать, живого мальчонку. Николай внес Назарку в помещение и положил на свой топчан. При свете, мерцавшем в печурке, увидел кровь на шее. Стал раздевать его. Тот застонал. И вдруг рванулся:

— Молоко! Там молоко для Темирки.— И упал навзничь.

Как раз в это время вошел часовой и поставил на стол закутанные тряпицами бутылки с молоком.

— Как же можно было пустить мальчишку ради нескольких бутылок молока!— бросил Николай деду Ивану, который лежал на своем топчане с открытыми глазами.

Рана в боку Назарки оказалась неглубокой. Но он много потерял крови. Когда его раздели и Оля начала

возле него хлопотать, он еще раз спросил, дали ли молока Темиру.

— Назарка, милый, вон оно, в кружечке греется, — успокаивала его Оля. — Ты вот сам попей да поспи, чтобы скорее поправиться. А то уж очень дорогою ценой досталось тебе это молоко. Поправляйся, милый.

ПЕРВЫЙ ЗАРАБОТОК

Мамбет в первый день каникул приехал на зимнее пастбище. Все ему здесь было ново, интересно. Хотелось сразу же обойти все вокруг. Покормить из рук свою любимую овцу — Белохвостую. Побегать с огромными псами, стерегущими отару. Залезть под домик, в котором теперь живут родители, посмотреть, как там. Ведь это уже не глиняная кибитка, а деревянный дом на колесах, с огромной трубой, как у первобытного паровоза. Конечно же надо было сначала все осмотреть, а потом отогреться с дороги.

Но отец и мать жарко натопили железную печку и не выпускали долгожданного гостя на холод, все расспрашивали, как там в аиле, как себя чувствует бабушка Гюльнииса да что делает дядя Осмон. В который раз просматривали тетради и громко радовались первым пяттеркам своего «последыша». Так родители называли Мамбета между собой.

Зимний вечер короток, что воробушкин носик. Мамбет не успел оглянуться, как его покормили и уложили спать. Мол, устал с дороги, отдыхай. Отец тоже завалился на кошму — он дежурил круглые сутки и теперь сразу же уснул, тихонько засвистел носом. Во сне он не храпит, а тихонько, словно теплый ветерок в зарослях, посвистывает носом.

Мать взяла фонарь «летучая мышь» и ушла к овцам.

Как только дверь за нею закрылась, Мамбет встал, немножко выкрутил фитиль запасного фонаря, висевшего над дверью. Обулся. Оделся в штопаную-перештопаную материну шубейку, которая не пропускает ни дождя, ни холода, ни жары. Нахлобучил на голову огромный отцовский малахай и снова прикрутил фитиль. Совсем гасить нельзя, этот фонарь должен гореть на всякий случай всю ночь.

Тихонько, на цыпочках Мамбет вышел из теплого уютного домика в студеную ветреную тьму.

Январская ночь на Тянь-Шане черна и постыла. Сердитый ветер, вырвавшись из высокогорного ущелья, воет, как голодный волк, и гонит по долине то дождь, то снег, то колючую, насквозь пронизывающую пургу. Нет от него спасения даже в зарослях арчи. А вокруг одинокого жилья чабанов — ни кустика, ни оградки. Во все стороны — широкая вольная степь, рогная, словно огромное озеро, окруженное вечными островерхими ледниками. Оттого-то ветры свирепствуют здесь дикими необузданными табунами.

Закрыв за собою дверь, Мамбет невольно прислонился к стенке, чтобы осмотреться, прислушаться. Он знал, что овцы, тесно прижавшись одна к другой, лежат здесь, возле домика. Их целая тысяча, а может, и больше. Но как ни прислушивался, в тугом гуле и вое ветра не слышал никаких признаков жизни огромной отары. Да и увидеть ничего не удавалось. Не скоро в шумящей, рокочущей тьме качнулось мутно-желтое пятно. Это фонарь в руках матери, которая целую ночь должна ходить вокруг отары.

Мамбету жалко стало маму. Ей холодно и страшно. И он направился к ней на помощь.

В письме на фронт он обещал брату Нургазы, что

во время каникул будет помогать матери и отцу, как взрослый. Хватит считать его ребенком, раз пошел уже десятый год.

За шумом ветра Мамбет подошел к матери совсем близко. И хотел уже заговорить, как она вдруг остановилась, словно заметила что-то неладное. Наклонила голову, подставляя ветру более чуткое левое ухо.

Насторожился и Мамбет. Стал всматриваться в темноту. Но ничего опасного для овец он не видел.

— Мама, что там? — спросил он в тревоге.

Но ветер леденистой волной ударил в лицо и заглушил его слова.

— Мама! — во весь голос крикнул Мамбет и подбежал к матери.

— Вай! — сердито махнула мать. — Ну тебя, Мамбет! Напугал! Думала, волк подкрадывается. Ничего не вижу и не слышу, а спиной чувствую: кто-то есть рядом, кто-то приближается.

— Мам, ты всегда говоришь, что спиной чувствуешь. Как это у тебя получается? — перекрикивая ветер, спрашивал Мамбет.

— Это не только у меня, у каждого чабана, — ответила Урумкан, прикрывая сына полой непромокаемого дождевика. — Ходишь, бывает, целую ночь. И ничего. А потом вдруг станет страшно, и кажется, кто-то стоит за спиной, крадется к отаре.

По спине Мамбета пробежала целая стая мурашек.

— Не успеешь ничего сообразить, а уж собаки начинают бегать, лаять.

— Мам, а сегодня тебе спина ничего плохого не говорит? — с тревогой спросил Мамбет.

— Сегодня она у меня так замерзла, что скреби волчьей лапой — не почувствует.

— Померзнут ягнята, — Мамбет по-хозяйски вздох-

нул.— Мама, давай я похожу с фонарем, а ты иди по-грейся.

— Что ты! Иди лучше спи, силы набирайся. Раста поскорей, может, заменишь меня.

— Мама, ну ты только часок усни, а я похожу с фонарем.

— Утром сама разбуду тебя. Покараулишь, а я прикорну!

Мамбет неохотно пошел домой. Возле двери он остановился. Прислушался. Ветер стал немного тише. То там, то тут раздавалось сонное блеянье овец. Голодно и тоскливо зевнул Койбагар, лежавший на железной крыше домика.

Холодно Койбагару. Голодно. Ему, видно, еще с вечера хотелось есть: вечером чабаны не кормят собак, чтоб ночью не спали. Мамбет не выдержал, нарушил этот суровый закон, вынес кусок мяса и бросил на крышу. Голодный пес на лету проглотил мясо, только зубами клацнул.

Лишь после этого Мамбет ушел спать.

Койбагар в благодарность Мамбету еще внимательнее стал следить за мутно-желтым фонарем, движущимся вокруг отары.

«Всю ночь ходит хозяйка вокруг притихшей отары. И чего ей не спится? — думает Койбагар.— Ведь все равно постороннего первым услышит он, Койбагар, или в крайнем случае Актайлак, лежащий с другой стороны двора, на куче всегда теплого овечьего навоза. Хозяин обязательно прикорнул бы где-нибудь под стенкой, покурил бы и вздремнул. А она не уснет!..»

В щелку залепленного снегом глаза Койбагар настороженно смотрит на движущееся по кругу желтое пятно.

Вот хозяйка остановилась на заветренной стороне. Задумалась. Села на мокрую прошлогоднюю траву.

Подложила под себя одну ногу, как поленце, и сидит.

Увидев, что фонарь больше не движется вокруг отары. Койбагар поднял голову, насторожился, принюхался. Теперь надо быть начеку. Вокруг — только запах спящих овец да унылое завыванье ослабевшего к утру ветра.

Но вот со стороны приземистых арчевых зарослей потянуло чем-то острым, противным, как прокисшая требуха.

Пес тревожно вскочил, весь напружинился и увидел своего напарника Актайлака, который стоял на куче навоза и также настороженно смотрел в сторону арчевника.

И вдруг сразу оба громко, тревожно залаяли и побежали вокруг спящей отары.

Этот Актайлак! Никогда прежде него ничего не заметишь! — досадовал Койбагар и во весь дух колесил вокруг отары, громко лая и прискуливая.

Бегали они навстречу друг другу. При сближении пытались укусить один другого. Но на большой скорости это не удавалось. А останавливаться нельзя — надо бегать, чтоб не подпустить к отаре врага.

— Вай? — очнувшись, вскрикнула Урумкан.

Увидев сбившуюся в кучу отару и бегающих вокруг нее взбудораженных собак, Урумкан сразу поняла, что где-то поблизости самый лютей враг овцевода — волк.

Бежать в домик, разбудить мужа или хоть взять ружье! Но кто знает, где эти звери и сколько их? Может, уже совсем рядом и ждут только удобного момента? Пока сбегает за ружьем, задерут овцу!

Урумкан схватила укурук — длинную палку с петлей на конце, вскочила на коня, который тоже целую ночь дежурит на привязи, и поскакала вокруг отары. Но лишь начиная третий круг, заметила неохотно уходящего прочь огромного волка.

— Койбагар! Актайлак! — позвала она собак. Огрела коня плеткой и с победным криком помчалась за волком.

Зверь оглянулся. Злобно сверкнул зелеными глазами. И припустил еще быстрее.

— Вай, вай, шайтан! — кричала Урумкан вслед убегающему хищнику и подуськивала собак.

Услышав тревожный лай собак, Мамбет соскочил с постели одновременно с отцом. Отец схватил ружье и убежал. Мамбет — следом за ним с фонарем: думал, что отец впопыхах забыл фонарь.

В темноте Мамбет сразу потерял отца. Чтобы прогнать страх, он всю выкрутил фитиль. Поднял фонарь повыше и, внимательно озираясь, пошел вокруг сбившейся к домику отары. Дошел уже до навозной кучи, на которой живет Актайлак. И вдруг увидел ягненка, ошалело бегающего туда-сюда в стороне от стада.

Наверное, потерял матку, догадался мальчик. Догнал глупыша и накрыл длинной полой шубейки. Фонарь у него стоит позади. А впереди тьма-тьмущая. Ни отца, ни матери. Они где-то там, где сердито лают собаки.

И вдруг Мамбету почудилось два волчьих глаза. Зеленые! Горящие! А потом и клыки сверкнули — длинные, белые, точь-в-точь как на картинке. Приближаются эти острые клыки и клацают так, что холод по спине пробегает.

Мамбет сильнее прижал ягненка, чтоб не кричал. А то волк сразу услышит. И вдруг вспомнил про фонарь. Не оглядываясь, нащупал его одной рукой. Выставил наперед, как щит.

И клыки, и зеленые волчьи глаза сразу исчезли. Впереди, совсем недалеко, раскачивалась какая-то былинка...

Кто его знает, был это волк или нет. Но главное, что Мамбет не растерялся, вспомнил про фонарь...

Конечно, в письме брату-фронтовику Мамбет не будет хвастаться, но обязательно напишет, что волки боятся фонаря, особенно если фитиль выкрутить посильней...

Возле зарослей арчи Урумкан остановила коня и лишь теперь заметила, что с нею бежал только Койбагар, да и тот, слыша далекий тревожный лай почему-то отставшего Актайлака, жалобно скулил и порывался назад, просился отпустить его. Сердце подсказало хозяйке, что возле отары пес нужнее, чем здесь, и она, гикнув, послала Койбагара назад. Умный пес мигом скрылся в густой предрассветной тьме.

Урумкан поняла, что волка она может и не догнать, а там, в отаре, без нее случится беда, и поклялась никогда больше не разлучаться с ружьем.

Ружье, собака и фонарь — верные помощники чабана. С ними ночью нельзя расставаться ни на минуту.

Вдруг позади раздался выстрел, второй. Потом — жалобное тьяканье собаки и отчаянный лай другой.

Круто повернув коня, Урумкан еще сильнее погнала его к стойбищу. В полукилометре от домика с кем-то злобно грызались собаки да грозно покрикивал Токторбай.

Однако, пока Урумкан прискакала, все уже стихло. В ложбине лежал волк. Могучий, широкогрудый Койбагар сидел рядом и зализывал рану на правой ноге. А Токторбай нес на руках овцу.

— Задушил? — закричала Урумкан. — Белохвостая?

— Не успел. Только отбил от отары и гнал в горы, — мрачно ответил Токторбай. — Ты-то чего побежала от овец?

— За волком погналась. Думала, петлю накину...

— Будто волки глупее тебя! Они шли вдвоем, с

двух сторон. Сама знаешь, в одиночку они редко охотятся.

— Потому и погналась, что приняла его за того, одноухого. Он же в одиночку ходит! Хотела расправиться с ним.

— Прыткая! Что, не знаешь, что одноухий прихрамывает! А этот бежал как джейран. Ну, ладно, вези ее.

— Ой, ну хоть жива! — обрадовалась Урумкан и взяла овцу на коня. — А ты забери волка, шкуру снимешь. Да, а ягненок? Где ягненок Белохвостой?

— Если в отаре нет, значит, все-таки унес волк. Тогда их, выходит, было не два, а больше.

Урумкан повернула коня, словно собиралась гнаться за неведомым хищником. Но лишь печально покачала головой. Теперь не догонишь...

Белохвостая — самая любимая овца. Из-за нее-то Урумкан и стала чабаном.

В позапрошлом году снежный обвал присыпал отару, укрывшуюся от непогоды под скалой. Много овец погибло. Много ягнят-сосунков осталось без маток. Пришлось раздавать малышей колхозникам, чтоб спасали, кто как может. Урумкан тогда не работала, потому что Мамбет был еще маленьким. Она взяла двадцать ягнят. Отпоила их коровьим молоком, выходила. Правление колхоза премировало ее ярочкой, которая больше всех полюбила Мамбету. Ярочка была шустрая, игривая. Вся черная, а хвостик белый. За это и прозвали ее Белохвостой.

Осенью, когда овечка подросла и нагуляла много жира, Урумкан решила зарезать ее на мясо. А тут пришел председатель колхоза.

— О-о! — удивился он, осматривая Белохвостую. — Сразу видно, что в добрых руках побывала ярочка! У других годовалые овцы меньше этой... Урумкан, а что, если и тебе пойти чабаном? А? Будете вместе с му-

жем работать. А то его напарник, сама знаешь, совсем уже старый, на коня сесть не может.

И уговорил. Урумкан поручила Мамбета бабушке. Уехала на ферму. А Белохвостую не стала резать, повезла в колхозную отару — на счастье.

Но неужели такое худое счастье всегда будет подкарауливать Урумкан? Первого же ягненка любимой овцы сожрали волки! Теперь жди второго... А когда это будет? Да и неизвестно еще, что случится и с ним...

Пустив Белохвостую в отару, Урумкан привязала коня возле домика и подошла к окошку посмотреть, как спит ее гость. Глянула в стеклышко, да так и ахнула. И — скорей в дом.

При тусклом свете фонаря Мамбет поил изо рта маленького кривоногого ягненка.

— Белохвостый! — узнала Урумкан, как только переступила порог. — Где ты его подобрал? А отец решил, что его волк унес!

Мамбет долго молчал: у него был полон рот молока.

А когда ягненок выпил все молоко, Мамбет солидно сказал про волка:

— Побоялся!

И только после этого не спеша рассказал, как было дело.

Выслушав его, мать ласково погладила по колючей, недавно бритой иссиня-черной голове и сказала:

— Ну вот — подрастет Белохвостый, сошьем тебе красивую шапку.

— Таковую же, как у председателя? — обрадовался Мамбет, как-то не полностью уловив смысл слов матери.

А однажды вечером, уже перед окончанием каникул, отец позвал Мамбета во двор и сказал, что хочет зарезать Белохвостого.

— Зарезать? Такого ягненка резать? — Мамбет за-

махал руками, заплакал.— Не дам! Не дам! Что я, спасал его от волков, чтоб резать? Да? По-вашему, я такой, да?

— Не такой, не такой,— пряча остро наточенный нож, сдался отец.— Но шапку тебе из чего шить?

— А что, обязательно из живого ягненка? Да?

— Тогда сам скажи, из чего?

— Лучше совсем не из чего! У меня еще хорошая,— и Мамбет сильнее нахлобучил старый малахай, который закрывал ему глаза, а если чуть натянешь, то и нос нагреет.

И, уже далеко отойдя от отца, с ягненком на руках, бросил сердито:

— И вообще шапки надо шить из волков, а не из ягнят! Пора кончать с этими байскими пережитками.

Отец только руками развел.

Вечером приехал председатель колхоза, чернобородый Джюнус. И отец рассказал ему о случае с ягненком.

Председатель подошел к Мамбету, который уже устравался спать. Положил ему на плечо тяжелую, самую сильную во всем колхозе руку и совершенно серьезно сказал:

— Да, бережливый будет хозяин, прижимистый! Мне бы такого в помощники!

Долго не мог уснуть после этого Мамбет, все гадал — хорошее сказал про него председатель или плохое. И только утром, когда отец ушел к овцам, а мать вернулась на отдых, Мамбет узнал, что прижимистый — это такой хозяин, который никому не позволит переводить колхозное добро.

— Мама, мам! А Джюнус возьмет меня помощником?

— Возьмет, только расти поскорее! — ложась в постель, сказала мать.

— Мам, а я отпущу бороду, как у председателя?

— Отпустишь. Побольше гуляй на солнце, тогда борода лучше вырастет.

Мамбет прильнул к засыпающей матери, приластился, как ягненок.

* * *

В весенние каникулы Мамбет опять приехал на джяйляо.

И вот его первая весенняя ночь в горах.

Снег уже растаял, и от этого ночь казалась совершенно черной. По ущелью дул пронзительный холодный ветер. Он нес мелкий, колючий, как песок, дождь. От холода овцы так сбились в кучу, что между ними копытцем не ступишь. И это опасно для ягнят, которые должны сегодня родиться: в тесноте их затопчут.

Урумкан и Токторбай уверены, что именно в эту непутевую ночь на свет появится много ягнят. Такую ночь чабаны называют ночью большого окота и, конечно, не спят. С самого вечера они дежурят по очереди. Один греется, а другой ходит вокруг отары.

Не спал в эту ночь и Мамбет. Он надеялся первым услышать голос новорожденного ягненка. Ему хотелось раньше всех взять на руки тепленького курчавого барашка.

Узнав от отца, что будет холодная ночь, Мамбет еще с вечера наносил на крышу домика сухого сена, чтобы псу было потеплее. Отец и за это ругает, говорит, что в тепле собака уснет и перестанет караулить овец.

— Лежи, Койбагар, лежи,— погладил его Мамбет по мокрой шерсти, густой и кудлатой, как старая овчина,— только ты, Койбагарчик, чуть-чуть подвинься, а то сено мокрое. Вот так.— И Мамбет прилег на сено, согретое горячим песьим телом.

Недалеко от домика во тьме бледно помигивал желтый огонек фонаря. Овцы молчали, притихли, притаились, словно не меньше людей понимали, что в эту черную, непогожую ночь в их стаде начнется огромное праздничное событие.

Мама ходит вокруг отары и не знает, что теперь она не одна. Даже не догадывается, сколько глаз смотрит сегодня за отарой.

Мамбет начинает мерзнуть. Дождь затекает за воротник. Холодные капельки пробираются к голому телу и ползут по спине, как ледяные сосульки. Мамбет вздрагивает и думает, что мама, наверное, вот также чувствует спиной, когда сзади подкрадывается волк...

Но мало-помалу дождь перестал. Ветер высушил кудлатую шерсть собаки. Мокрой осталась только старая шубейка на Мамбете. Руки Мамбет грел под брюхом Койбагара. И все равно так замерз, что, появившись возле отары стая волков, не смог бы ни вскрикнуть, ни шевельнуться...

Ветер шелестит в куче сена все тише. И вот уже почти не шелестит, а только посвистывает, как отец во сне.

В этом чуть слышном, затаенном посвисте мальчику чудится то дремкое посапывание Койбагара, то далекий вой одинокого, самого опасного своей беспощадностью, вечно голодного волка. И вдруг снизу послышалось что-то нежное, радостное, волнующее. Так волнует и радует песня, которую слышишь, пробуждаясь на рассвете.

Мамбет затаил дыхание.

— Меее! — донесся уже явственнее тонкий голосок новорожденного ягненка.

Эх, Мамбет как соскочит! Как вскрикнет!

Уж что он крикнул, сам не знает. Просто радостно подал голос навстречу этой новорожденной жизни.

Холода и дремоты как не бывало! Чуть не кубарем скатился он с крыши по шаткой узенькой лесенке. Совсем рядом, теперь уже даже понятно было, где именно все громче, все настойчивее блеял только что появившийся на свет ягненок.

— Мам! Есть, есть! — кричал Мамбет, пробираясь между спящими овцами.

Пока подошла мать, Мамбет уже нашел и сунул за пазуху мокрого курчавого барашка. При свете фонаря он рассмотрел новорожденного и еще больше обрадовался:

— Мама, у него тоже беленький хвостик! Наверно, родня Белохвостой.

Мать тоже с трудом добралась до окотившейся овцы. И тут же сказала сыну:

— Неси этого в тепло и зови отца. Овцу тоже надо в комнату, у нее, кажется, будет еще ягненок!

Мамбет вбежал в дом с радостным криком. Отец проснулся и побежал к отаре. А Мамбет выкрутил фитиль фонаря и поставил ягненка на длинные, дрожащие ножки. Черный курчавый ягненок мелко затряс беленьким хвостиком-коротелькой, а потом вдруг заблеял громко, победно и сделал шаг вперед.

— Теперь уже три белохвостых! — не мог нарадоваться Мамбет.

А к утру овца принесла белокопытого, со звездочкой на лбу и тоже белохвостого.

— Четыре, четыре белохвостых! — торжествовал Мамбет и целый день везде, где только мог, писал эту цифру.

В тот день очень многие овечки окотились. И двойняшек было столько, что мама на радостях нажарила целую гору боорсаков*.

---

* *Боорсаки* — жаренное в масле кругленькое печенье.

Отец наелся досыта и щедро сказал Мамбету:

— Ну, уж из этого белохвостого, что ты подкараулил сам, обязательно сделаем тебе шапку. Двоих все равно матке трудно кормить, молока не хватит.

Мамбет промолчал, сделал вид, что ничего не слышит. А сам решил тайком отдавать белохвостым ягнятам всю свою долю молока.

Дня через два приехала почтальонка, привезла письмо от бабушки и газету, в которой были портреты матери и отца Мамбета. В газете их называли маяками трудового фронта. Так сказала почтальонка. Мамбет догадался, что маяками родителей называют за то, что они целую ночь без усталости маячат вокруг отары, ходят с фонарями, помахивают, не подпускают волков.

Пока Мамбет рассматривал картинки в газете, отец написал записку председателю. Писал он медленно, будто черепаха ползет на гору, а буквы ставил огромные, жирные, как следы мокрой курицы в пыли. Написал, отдал записку почтальонке и ушел.

А почтальонка девушка добрая и, пожалуй, самая красивая на свете. Она прочитала Мамбету записку. И они вместе порадовались, что отец не забыл написать председателю о том, как им помогал Мамбет в первую ночь большого окота... Хорошая она, эта почтальонка. Не зря же у нее такое нежное имя, Айгюль — лунный цветок.

Зима наконец выдохлась, перестала дуть холодными ветрами из ледниковых ущелий. Со снежных гор вместе с веселыми ручейками спустились цветы. Желтенькие, голубые, красные и всякие-всякие.

Был самый веселый, самый солнечный день, когда на пастбище опять приехал председатель.

Отец пас у самых снеговых гор. Вся отара отсюда

казалась горсточкой синеватых камушков, брошенных в первую весеннюю траву.

Мать наводила порядок вокруг домика, готовилась к Первомайскому празднику. Мамбет ей помогал.

Председатель поставил коня за домом. Поздоровался и с матерью и с Мамбетом за руку. Расспросил, как идут дела. Какой приплод...

Джюнус пристально смотрел на Мамбета и пощипывал черную длинную бородку. Он совсем не старик. А бороду, говорят, завел для солидности. Председателем выбрали, когда вернулся с фронта после тяжелого ранения, а лет ему было всего только двадцать. Боялся, что не станут слушаться такого молодого, вот и отстриг бороду.

Постоял председатель перед Мамбетом, потерял свою бороду, а потом насунил большие, колючие брови да и говорит строго, серьезно:

— Что же, товарищ Мамбет Токторбаев? Дошли слухи, что опять отказался от премии, не разрешаешь резать ягненка на шапку?

Сперва Мамбет думал, что его хотят ругать. А потом все понял и ответил точно так, как отвечал отцу:

— Нельзя из живого ягненка шапку шить!

— Молодец! Хорошим хозяином вырастешь! — солидно сказал председатель. — Давай вместе напишем такое письмо во Фрунзе, чтоб совсем запретили шить шапки из живых ягнят.

— Напишем! — засиял Мамбет.

— А теперь получай. На этот раз мы решили дать тебе такую премию, что уж не откажешься...

Председатель вынул из-за пазухи шапку из меха золотистой лисицы, с голубым верхом и подал ее Мамбету.

Мальчик обеими руками, бережно, словно хрупкую вазу, взял невиданную шапку и широко открытыми

глазами начал рассматривать ее со всех сторон. Она была воздушно легкой. Колпак из бирюзового бархата сверкал, словно осколок утреннего неба над снеговыми горами. А вокруг него, казалось, свернулась калачиком живая лиса. Золотистый мех был так нежеп, пушист, что мальчик боялся дышать на него, как на одуванчик!

Бесподобная шапка!

Русские мальчишки такой шапки, пожалуй, в жизни не видывали, если они не бывали в Киргизии, в стране, где много солнца, цветов и золотистых лисиц.

— Надень, померяй, — теперь уже улыбался председатель, — ты ее заработал!

А мама в это время почему-то вытирала слезы.

Чудная она, не знает, когда надо плакать, а когда радоваться.

Мамбет посмотрел и внутрь шапки, на алую, как первый тюльпан, шелковую подкладку. Стянул с головы отцов малахай. Зажал его коленями: он еще может пригодиться! И осторожно, торжественно надел легкую, воздушно-пушистую, солнечно-рыжую лисью шапку.

— А теперь прокатись в моем седле, — вдобавок ко всему предложил председатель своего белого, как снег, коня. — Скачи к отцу, покажись ему.

Вот уж такой щедрости Мамбет не ожидал!

И по зеленому раздолью, словно ветром подхваченный, полетел на белом коне золотистый, сверкающий под ярким солнцем одуванчик.

— Ты где это шапку такую раздобыл? — удивился отец, когда прискакал к нему Мамбет.

Сдвинув обновку набекрень, Мамбет гордо сказал:

— Сам заработал!

Отец поцокал языком, покачал головой и сказал:

— Напиши об этом Нургазы, пусть все на фронте знают, какой у него брат. Про шапку так и передай, что сам заработал.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОВЕСТЬ

Клятва разведчика
5

РАССКАЗЫ

Боевое задание
130
Двенадцатилетний генерал
159
Твой подвиг впереди
174
Партизанская долина
184
Кто кого перевоспитал
192
Без похвалы
203
Дорогою ценой
215
Первый заработок
240

ИБ № 1046

Андрей Максимович Дугинец

БОЕВОЕ ЗАДАНИЕ. Повесть и рассказы

Заведующая редакцией *Л. Сурова*
Редактор *В. Леонов*
Художник *В. Гальдяев*
Художественный редактор *Э. Розен*
Технический редактор *М. Шлык*
Корректоры *М. Калязина, Е. Протасова*

Сдано в набор 15.05.79 г. Подписано к печати 26.07.79 г.
Л98267. Формат 70 × 108¹/₃₂. Бумага № 1. Гарнитура «Обык-
новенная новая». Печать высокая. Усл. печ. л. 11,20. Уч.-изд.
л. 10,92. Тираж 75 000. Заказ 3934. Цена 40 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Московский рабочий»,
101854, ГСП, Москва, Центр, Чистопрудный бульвар, 8.

Ордена Ленина
типография «Красный пролетарий»,
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

40 коп.

